

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный социальный университет»

На правах рукописи

ГРОШЕВ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

**РОЛЬ ПРОСОДИИ В ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КОНЦЕПТОВ
ОДНОНАПРАВЛЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ**

Специальность 5.9.8. – Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е. Ю. Скороходова

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ПРОСОДИЯ ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ	15
§ 1. Речевой акт как объект лингвистического исследования	15
§ 2. Просодический компонент в устной речи	27
§ 3. Речевой акт как концепт	39
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	54
ГЛАВА II. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПРОСЬБЫ, ТРЕБОВАНИЯ, МОЛЬБЫ И ТРЕБОВАНИЯ С УГРОЗОЙ.....	57
§ 1. Экспериментальный материал	57
§ 2. Методика проведения экспериментального исследования.....	61
§ 3. Результаты слухового анализа.....	68
§ 4. Просодические признаки директивных речевых актов	70
4.1. Частотные характеристики	70
4.2. Характеристики интенсивности	76
4.3. Характеристики длительности	81
§ 5. Соотношение просодических признаков директивов	86
5.1. Сопоставление частотных признаков	86
5.2. Сопоставление признаков интенсивности	99
5.3. Сопоставление признаков длительности	113
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	125
ГЛАВА III. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	128
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	147

ВВЕДЕНИЕ

Потребность социума в оптимизации речевого общения обусловливается нежелательностью возникновения коммуникативной неудачи в случае недопонимания между адресантом и адресатом. В целом на эффективность коммуникации оказывает влияние целый ряд факторов: заинтересованность участников общения в отношении предизируемого действия, форма взаимоотношений между коммуникантами, характеристика исполнителя действия и лицо, которое берет на себя ответственность за принятие решения о совершении каузируемого действия, и т.д. Однако можно выделить два главных условия, оказывающих влияние на успешность процесса коммуникации: 1) эффективно ли реализован соответствующий ситуации речевой акт, передающий намерение адресанта; 2) правильно ли понято слушающим намерение говорящего.

В исследованиях, направленных на минимизацию коммуникативных вербальных неудач, преимущественно предпринимаются попытки либо оптимизировать речевое общение узкоспециализированной группы людей, например, военнослужащих [Уткина 2006], политиков [Кучеренко 2013], бизнесменов [Сибилева 2009], либо повысить эффективность коммуникации студентов при изучении иностранного языка [Ли 2006; Чистякова 2012; Самосенкова 2004]. Проблема оптимизации устной коммуникации в других сферах деятельности по-прежнему остается в высокой степени актуальной.

Актуальность предпринятого исследования определяется наличием общего интереса к смыслоразличительной роли просодии в разных типах речевых актов, включая сопоставление иллокутивов, воспроизведенных на разных языках [Григорьев 1979, 1996; Карандеева 2006; Деркач 2007; Ершова 2003; Беленикина 2011; Бурашникова 2008; Бут 2004; Черная 2002; Николаева 2005; Дубицкая 2020 и др.]. Такой интерес вызван тем, что в ряде случаев, в частности, при совпадении формальной структуры речевого произведения, именно просодия выступает в

качестве ключевого инструмента, способного дифференцировать речевые акты [Григорьев 1979, 1996; Надеина 2004; Потапова, Потапов 2012; Кубрякова 2012; Николаева 2000 и др.]. На уровне восприятия акустических образов иллокутивных актов слушающий обычно без особых затруднений распознает просьбу, распоряжение, мольбу и т.д. Можно утверждать, при равных условиях коммуникативного процесса ключевым фактором распознавания типа речевого акта является просодия. На данный момент существует ограниченное количество экспериментальных исследований, демонстрирующих отличия иллокутивных актов на уровне просодии.

В самом общем смысле просодия представляет собой набор тональных, динамических и темпоральных характеристик, несущих смысловозначительную функцию. Считается, что даже незначительные изменения просодического контура, которые прослеживаются на протяжении всего развертывания высказывания, позволяют выявить дифференциальные признаки однонаправленных речевых актов.

Одним из распространенных видов речевых актов выступают побудительные высказывания, в частности, директивы, которые представляют собой попытку добиться от слушающего выполнения или прекращения какого-либо действия. В рамках данного исследования рассматриваются четыре акта, относящиеся к директивам: просьба, требование, мольба и требование с угрозой. В силу того, что данные иллокутивные акты могут быть выражены в рамках одного и того же лексико-грамматического корпуса, а это, следовательно, осложняет или делает невозможным выявление дифференцирующих признаков в процессе коммуникации, появляются основания обратиться к просодической стороне устного высказывания. Так, например, высказывание «Sprich mit diesem Menschen nicht!» (Не разговаривай с этим человеком!) может быть мольбой, просьбой, требованием и требованием с угрозой.

Выявление дифференцирующих черт, характерных для того или иного речевого акта, позволяет выделить конкретный иллокутив среди других, что

свидетельствует о наличии в языке определенных концептуальных систем, неких отраженных в сознании ментальных образований (сложных концептов – гештальтов), обладающих структурой и образующихся в результате познавательной деятельности индивидуумов [Попова 2010: 34].

Вместе с тем при рассмотрении речевого акта как концепта можно заметить, что практически полностью отсутствуют классификации концептов данного типа, формируемых просодией. Данное исследование предоставляет возможность частично восполнить пробелы когнитологии и теории речевых актов в области анализа сложных просодических концептов.

Малоизученные и слабо поддающиеся исследованию (на данном этапе развития технологий) механизмы порождения и восприятия речи создают вероятность потенциально ошибочного воспроизведения и перцепции концепта в рамках устной коммуникации. Таким образом, актуальность данной работы обуславливается тем, что ошибочное восприятие концептов однонаправленных речевых актов (мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой) в ходе устной коммуникации может повлечь за собой ошибочное толкование и непонимание / недопонимание участников диалога и / или привести к ухудшению отношений между ними.

Степень изученности и разработанности проблемы. Проведенные экспериментально-фонетические исследования демонстрируют исключительную роль просодии в дифференциации разных типов речевых актов [Григорьев 1979; 1996; Карандеева 2006; Деркач 2007; Ершова 2003; Беленикина 2011; Бурашникова 2008; Бут 2004; Черная 2002; Николаева 2005; Дубицкая 2020 и др.]. В частности, в рамках иллокутивных актов директивной направленности была установлена зависимость их просодических признаков от ситуативных условий общения [Карандеева 2006] и от национально-культурной специфики [Деркач 2007]. Вместе с тем проблема выявления дифференциальных характеристик различных оттенков побудительных высказываний на уровне просодии по-прежнему остается актуальной.

Цель работы заключается в выявлении отличительных особенностей концептов однонаправленных речевых актов, обусловленных именно различиями их просодических характеристик.

В соответствии с целью были выдвинуты следующие **задачи**:

- определить место просодии при дифференциации концептов однонаправленных речевых актов;
- построить просодические модели однонаправленных иллокутивных актов;
- осуществить сопоставление характеристик тона, громкости и темпа, характеризующих четыре иллокутивных акта;
- проанализировать связь просодических признаков со смысловым содержанием исследуемых речевых актов.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что мольба, просьба, требование и требование с угрозой обнаруживают индивидуальные просодические признаки и соответствуют экстралингвистическим факторам речевой ситуации.

Объектом исследования выступают однонаправленные речевые акты директивной направленности: мольба, просьба, требование и требование с угрозой.

Предметом исследования являются просодические характеристики однонаправленных речевых актов директивной направленности.

Материал исследования. Объем текста, озвученного информантами – носителями немецкого языка, составил около 2200 слогов, общей продолжительностью звучания 30 минут. В эксперименте были задействованы носители немецкого языка как мужского, так и женского пола – студенты и сотрудники Вюрцбургского университета, в возрасте от 23 до 26 лет, постоянно проживающие в Германии на территории земли Бавария.

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, изучавших различные аспекты прагмалингвистики и фонетики, связанные с:

– представлениями о речевых актах как сложных единицах вербальной коммуникации, в составе которых можно выделить цель, иерархию и коммуникативную силу [Austin 1973, 1986; Серль 1986а, 1986б, 1986в; Motsch 1994; Вежбицка 1985; Стросон 1986; Цурикова 2008; Кобозева 1986; Вендлер 1985; Vanderveken 1990; Gordon, Lakoff 1975; Sadock 1974; Grice 1975; Ершова 2003; Brandt, Rosengren 1991; Motsch, Pasch 1987; Hensel, Sayatz 1991; Clark, Carlson 1982; Лызлов 2017; Инос 2020; Чернышова 2019 и др.];

– представлениями о директиве как одной из распространенных форм вербально-просодических коррелятов, также именуемых в литературе как «побуждение» и «побудительный речевой акт» [Серль 1986а; Austin 1973, 1986; Wunderlich 1976; Григорьев 1996; 2009; Карандеева 2006; Деркач 2007; Богданов 2007; Петрова 2008; Ларина 2021; Лисенкова 2020; Полевая 2020 и др.];

– трудностями, вызванными смежностью просодии, интонации, просодики и неоднозначностью того, на каком уровне необходимо рассматривать просодию и какие элементы входят в ее состав; причем проблема того, на каком уровне необходимо рассматривать просодию, предположительно связана с делимитацией речевого потока [Барышникова 1972, 1975; Григорьев 1996, 2004, 2009, 2013, 2014, 2016; Гайдучик 1972, 1984; Артёмов 1956, 1971; Зиндер 1979; 2007; Реформатский 2003; Антипова 1984; Мельников 1980; Златоустова 1983; Светозарова 1982, 1983, 2002; Фомиченко 2005; Crystal 1969; Торсуева 1978; Николаева 1977; Цеплитис 1974; Пешковский 1956; Брызгунова 1963; Соколова 2006; Бондарко 1977; Fox 2000; Щерба 1974; Метлюк 1986; Дубовский 1975; Essen 1956; Трубецкой 2000; Бухарин 1986; Филатова 2016; Potarova et al. 2022; Трусова 2020; Пиотровская 2019; Бубнова 2021 и др.];

– полифункциональностью просодии и ее способностью дифференцировать речевые акты [Григорьев 1979, 1996, 2004; Raith 1986; Nakatani, Schaffer 1978; Надеина 2004; Карцевский 2004; Черемисина 1982; Кодзасов 2009; Торсуева 1978; Цеплитис 1974; Светозарова 1982; Hellbernd, Sammler 2016; Карандеева 2006; Деркач 2007; Ершова 2003; Беленикина 2011; Бурашникова 2008; Бут 2004; Черная

2002; Николаева 2005; Дубицкая 2020; Блохина 2002; Подгорбунская 2017; Бурак 2018; Лихачев 2017 и др.];

– анализом особенностей экспликации просодических концептов в ходе устной коммуникации, отсутствием классификации концептов, формируемых просодией [Карасик 2005; Павиленис 1983; Кубрякова 2012; Лихачев 1993; Воркачев 2004; Залевская 2005; Маслова 2011; Попова 2010; Лакофф 1981; Pylyshyn 1988; Neisser 1994; Штерн 1990; Григорьев 2009; Motsch 1994; Витгенштейн 1985; Болдырев 2001; Слышкин 1999; Пименова 2016; Звягинцева 2017; Тарасенко 2020; Крапивкина 2017 и др.].

Методика исследования определялась целью исследования и поставленными задачами и включала следующие этапы:

1. На первом этапе исследования создавалась эмпирическая база работы, а именно: создавался авторский корпус единиц – фрагменты высказываний, которые предположительно способны выражать мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой (всего 566 единиц), после чего отправлялся запрос в поисковую систему Google. Определялась частотность таких фрагментов, и анализировался контекст их употребления. Отбирались фрагменты, в которых контекстное окружение поддерживало предположительную семантику мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой. На основе подобных фрагментов конструировались ситуации, которые предположительно подтверждали то, в каком значении употреблены речевые акты, означают ли они мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой.

2. Далее носителям немецкого языка было предложено озвучить данные высказывания с установкой выразить мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой. При этом испытуемым позволялось незначительно изменять высказывания, добавлять при необходимости вводные слова, частицы, что обеспечило естественность звучания данных иллокутивов. Запись материала производилась в студийных условиях с использованием специального оборудования.

3. На следующем этапе работы проводился слуховой анализ (обработка материала осуществляется на слух) контрольной группой носителей немецкого языка. Аудиторам, не принимавшим участия в первом этапе исследования, предлагалось установить аутентичность ситуации общения и подтвердить правильность произносительных норм испытуемых. Исследуемые фразы были записаны на компьютер и воспроизводились перед данной группой аудитором-носителей в трехкратном исполнении. В бланке аудитора-носителя, куда заносились все ответы, представлены определения каждого рассматриваемого речевого акта. Иллокутивы, которые не соответствовали вышеперечисленным требованиям, из дальнейшего исследования исключались.

4. Далее группе русских преподавателей-фонетистов немецкого языка предлагалось произвести на специальных бланках расстановку во фразах ударений, пауз и движений тона после двухразового прослушивания. На основе полученной в результате слухового анализа разметки произведено членение фрагментов речи на предтакт, ритмический корпус и затакт.

5. На следующем этапе исследования проводился акустический анализ (материал обрабатывается при помощи специальных компьютерных программ анализа речи), который позволил определить показатели частоты основного тона (ЧОТ) в Гц, интенсивности в дБ и длительности в мсек. с периодом квантования в 20 мсек., исследуемых фраз при помощи компьютерной программы «Praat», позволяющей осуществлять фонемно-слоговую расшифровку высказываний. Все показатели снимались вручную и заносились в таблицу Excel.

6. На данном этапе работы применялась математико-статистическая программа SPSS, благодаря которой обеспечивается высокая степень достоверности полученных результатов. Программа позволила подсчитать усредненные значения параметров частоты основного тона, интенсивности, длительности каждого испытуемого, среднее квадратическое отклонение варианты от средней, степень вариативности отклонения от средней, среднюю ошибку выборочности, нормированное отклонение признака от центральной тенденции.

При сопоставлении исследуемых просодических признаков различия считались существенными, если они соответствовали уровню значимости, равному 0,1 (90% вероятности).

7. Используемый далее сопоставительный метод позволил выявить отличительные признаки речевых актов на тональном, динамическом и темпоральном уровнях: среднедикторский уровень ЧОТ и интенсивности; величину и локализацию максимальных и минимальных показателей ЧОТ, интенсивности и длительности исследуемых высказываний; диапазон тона и интенсивности; уровни ЧОТ и интенсивности слогов в предтакте, ритмическом корпусе и затакте; среднюю скорость артикуляции.

8. На заключительном этапе исследования осуществлялась лингвистическая интерпретация полученных результатов.

Новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1. Просодия представлена в качестве инструмента, играющего смысловозначительную роль в передаче смысловых оттенков побудительных высказываний (мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой), т.е. различающихся концептов.

2. Впервые установлены и сопоставлены новые контуры изменения просодических характеристик директивных высказываний: мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой. Мелодические контуры всех речевых актов преимущественно разворачиваются на полунизком тональном уровне. Характеристики интенсивности реализуются в диапазоне третьего и четвертого значимых уровней.

3. Выявлены особенности реализации речевых актов директивной направленности на уровне просодии. Так, установлено, что просьба на тональном и темпоральном уровнях не подвергается изменениям на протяжении всего развертывания фразы, за исключением финала фонации, где тон резко увеличивается, а скорость воспроизведения замедляется. Интенсивность реализуется в первой половине высказывания. При реализации требования

ключевые слоги выделяются на уровне ЧОТ, интенсивности и длительности. Мольба вбирает в себя признаки и просьбы, и требования: с одной стороны, более плавное движение, но с более выраженными слогами, с другой стороны, перепады, но менее резкие. Это прослеживается на тональном, динамическом и темпоральном уровнях. Требование с угрозой во многом копирует требование на уровне мелодики, громкости и темпа. Однако данный иллокутив характеризуется менее тональной и динамической выраженностью и более замедленным темпом.

4. Впервые требование с угрозой рассматривается как крайняя, наиболее авторитарная форма требования. Двухвершинный контур, идентичность движения кривой, расположение показателей на одних и тех же тональных и динамических значимых уровнях свидетельствуют о схожести данных речевых актов. Тем не менее выявленные отличительные признаки, выражающиеся в более плавном тоне, меньшей громкости и более замедленном темпе, характерные для требования с угрозой, позволяют разграничивать эти два иллокутивных акта.

5. Сравнение общих усредненных значений ЧОТ, интенсивности и длительности речевых актов директивной направленности: мольбы, требования, требования с угрозой и просьбы – на заданном достоверном статистическом уровне показывает, что параметрами, позволяющими выявить отличительные черты вышеуказанных иллокутивов, преимущественно выступают ЧОТ и интенсивность. Выявление дифференциальных признаков на уровне длительности возможно при увеличении количества исследуемого материала.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что фонетическая составляющая позволяет пополнить лингвистические данные о процессах воспроизведения и восприятия речевых актов, а также заполнить лакуны в концептуализации мира. Выявляя дифференцирующие признаки однонаправленных иллокутивов на просодическом уровне, данная работа дополняет общую теорию речевых актов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов и результатов данного исследования в практике

преподавания теоретических лингвистических дисциплин: в курсе общего языкознания, теоретической фонетики немецкого языка, прагмалингвистики, фоностилистики; в рамках курсов по обучению речи на старших курсах спецфакультетов, в обучении теории межкультурной коммуникации, а также в преподавании практической фонетики немецкого языка, в практикуме по культуре речевого общения. Результаты диссертационного исследования могут носить прикладной характер при решении задач автоматического распознавания и синтеза речи, в частности, при проведении фоноскопической судебной экспертизы. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке курсовых работ, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций по сопряженным проблемам, при составлении учебно-методических пособий по различным темам.

Степень достоверности результатов проведенного исследования определяется экспериментальным характером работы, достаточным количеством речевой выборки, применением современных компьютерных программ и методов, состоящих из нескольких шагов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Однонаправленные речевые акты директивного типа: мольба, просьба, требование и требование с угрозой совершать или не совершать некоторое событие – обладают своими уникальными просодическими контурами, которые реализуются на уровне частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности и длительности. Параметрами, позволяющими выявить отличительные черты рассматриваемых речевых актов на заданном статистическом уровне (90%), преимущественно выступают ЧОТ и интенсивность.

2. С точки зрения показателей тональности и темпа наиболее выражена дифференциация при сопоставлении просьбы и требования. На уровне интенсивности наиболее существенные отличительные характеристики обнаруживаются при сопоставлении просьбы и требования с угрозой.

3. Отличительные признаки рассматриваемых речевых актов прослеживаются на всех участках делимитации высказывания: в предтакте, ритмическом корпусе и затакте. Однако наиболее дифференцированными участками речевого членения по тональному признаку выступили первый ударный слог и затакт, на уровне громкости – предтакт и затакт, по параметру длительности – главноударный и заядерный слоги.

4. Требование с угрозой, обладая минимальными отличительными признаками при сопоставлении с требованием (идентичный просодический рисунок, схожие числовые показатели), может представлять собой крайнюю форму речевого акта требования. Несмотря на схожесть двух иллокутивов, требование с угрозой характеризуется меньшей тональной и динамической выраженностью и более замедленным темпом по отношению к требованию.

5. Выявление дифференциальных признаков речевых актов на уровне просодии позволяет разграничивать названные концепты по просодическому признаку. Определенная аранжировка мелодики, громкости и темпа высказывания свидетельствуют о наличии типичных просодических структур для конкретных речевых действий. Концепты могут быть выражены такими просодическими структурами.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы представлены в ряде докладов на международных конференциях в Государственном социально-гуманитарном университете (г. Коломна, 2019), Московском государственном техническом университете им. Н. Э. Баумана (г. Москва, 2020, 2021, 2022), Российском государственном социальном университете (г. Москва, 2021), Сибирском федеральном университете (г. Красноярск, 2021), а также в публикациях по теме исследования.

Публикации. Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 10 научных статьях. 4 статьи опубликованы в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы. Работа представлена на 166 страницах печатного текста. Список литературы включает 172 источника (в том числе 32 работы на иностранных языках). Эмпирические данные проиллюстрированы 33 графиками и обобщены в 31 таблице.

ГЛАВА I. ПРОСОДИЯ ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ

§ 1. Речевой акт как объект лингвистического исследования

После того как в середине XX в. прагматика вытеснила структурализм, в поле зрения исследователей оказались отношения знаков к субъектам, которые производят и интерпретируют эти знаки. Как следствие, прагматика оказала влияние на само изучение речи, которая с того момента стала рассматриваться без отрыва от адресанта и адресата. Впоследствии возникло целое учение, которое занималось изучением структуры речевого акта, понимаемого как актуализация предложения. Данное учение получило название *теории речевых актов* (ТРА), в рамках которой речевое общение рассматривается как форма проявления преимущественно межличностных отношений.

Есть основания полагать, что ТРА будет способна выполнить ряд стоящих перед лингвистами задач: описать стратегии речевого воздействия, объяснить связь между ясностью выражения и эффективностью воздействия, установить отношения между репертуаром актов высказывания на конкретном языке и иллокутивными актами универсального характера и др. [Демьянков 1986: 223-224]. Предпринимаются попытки рассмотрения оценочных высказываний через призму ТРА [Лызлов 2017]. Перспективность ТРА определяет ее важное место не только в лингвистике, но и в других областях. Так, ТРА находит применение, например, в лингвоэкспертной и судебной практике [Чернышова 2019], рекламе [Инос 2020].

Преимущественно ТРА используется в лингвистике. Фундаментом данной теории послужила впервые введенная Дж. Остином [Austin 1973], а впоследствии усовершенствованная Дж. Серлем [Searle 1976] классификация речевых актов (РА). В ТРА сформировались различные таксономии речевых актов [Austin 1973; Searle 1976; Wunderlich 1976; Ballmer, Brennenstuhl 1981; Вежбицка 1985; Григорьев 1996 и др.]. Стоит сказать, что таксономии отличаются не только по числу типов речевых актов, но также и по их характеристикам.

Отсутствие консенсуса среди ученых можно объяснить тем, какой критерий лежит в основе их классификаций [Беленикина 2011: 24]. Дж. Серль выделяет не менее двенадцати значимых параметров, позволяющих различать иллокутивные акты. Главными можно назвать иллокутивную цель, направление приспособления и выраженное психологическое состояние. На основе 12 параметров Дж. Серль выводит следующие пять видов иллокутивных актов: экспрессивы, декларации, репрезентативы, комиссивы и директивы [Серль 1986а]. Е. И. Григорьев смог выделить собственные критерии. Это способ, с помощью которого реализуется каждый речевой акт; иллокутивная цель; речевое действие по его типу; средство, которое используется, для того, чтобы достичь перлукутивного эффекта; способность действия оказывать влияние на чувственную сферу реципиента. На основе всего вышеперечисленного Е.И. Григорьевым была предложена детализированная и максимально развернутая классификация. Она включает 16 иллокутивов. Это позволило исследователю выделить следующие речевые акты: минатив, директив, юстификатив, оптатив I, ветотив, оптатив II, инвертив I, экспликатив, инвертив II, сентенциатив, депрециатив, эмпатив [Григорьев 1996].

Будет уместно остановиться именно на этой классификации в качестве рабочей типологии в рамках данной работы, так как она обладает двумя преимуществами: 1) наиболее дробна; 2) основана на просодических признаках высказывания. Дробность типологии оправдана тем, что прагматика имеет дело с живой речью, с коммуникантами, которые обладают своими языковыми особенностями, поэтому будет нецелесообразно сводить объективно разные РА в один тип. Так, например, указание и требование зачастую относят к одному типу, хотя они имеют различия на уровне просодии (см. исследование Л. Г. Карандеевой [Карандеева 2006]). Отсюда следует и второе преимущество – опора на просодические характеристики. Различная аранжировка тона, громкости, длительности и тембра каждый раз придают новое значение высказыванию.

С момента появления ТРА и по мере ее развития коммуникативный процесс начал рассматриваться как последовательность речевых (иллокутивных) актов, или иллокуций.

С целью дальнейшего правильного оперирования понятием речевого акта в данной работе требуется детальное рассмотрение составляющих этого термина. Для этого обратимся к мнению отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся проблемой речевых актов.

В работе W. Motsch иллокуция определяется так: это речевое высказывание, которое наполнено определенным смыслом и согласовано с интенцией в коммуникации [Motsch 1994: 13]. И. М. Кобозева отмечает, что главной особенностью ТРА является подход к речевому акту как к способу достижения человеком определенной цели [Кобозева 1986: 4]. Л. В. Цурикова также отмечает наличие коммуникативной цели (близкой и отдаленной), присущей речевым актам, встроенным в цепочку различных дискурсивных событий [Цурикова 2008: 428]. А. Вежбицка утверждает, что иллокутивные акты по определению обладают различными намерениями и предположениями [Вежбицка 1985: 255]. Дж. Ф. Аллен и Р. Перро предлагают модели, в которых слушающий пытается распознать намерение (план) говорящего и подобрать соответствующий предложенной ситуации ответ [Allen, Perrault 1980]. В формулировках вышеупомянутых ученых, изучающих природу речевого акта, можно заметить, что неотъемлемой чертой иллокутивного акта является цель, интенция, или иначе – намерение. Исходя из этого речевой акт можно охарактеризовать как единицу речевой коммуникации, направленную на достижение общих коммуникативных целей, реализуемых как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

При этом необходимо отметить исключительность функциональной стороны коммуникативных интенций в интеракции между участниками общения. Во-первых, они подталкивают коммуникантов к вступлению в речевое общение; во-вторых, непосредственно представляют собой конкретную цель. Так, по П. Ф. Стросону, цель является основополагающим фактором, позволяющим

провести черту между иллокутивным актом и локутивным [Стросон 1986: 131-132]. Тем самым интенциональность (термин Дж. Серля [Searle 1983]), т.е. наличие интенции, выступает в качестве главного инструмента, при помощи которого набор звуков превращается в языковое выражение.

Иллокутивную цель речевого акта З. Вендлер понимал двояко. С одной стороны, это некий ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий, с другой стороны, целью может выступать ментальное состояние, в которое говорящий намерен привести слушающего. [Вендлер 1985: 243]. Так или иначе, цель служит средством оказания воздействия на адресата.

Обязательное наличие цели в каждом РА продиктовано самой природой функционирования речи: неотъемлемой чертой интеракции является достижение выполнения или прекращения каких-либо действий, которых пытается добиться адресант от адресата. Э. Бенвенист предлагал понимать речь как любое высказывание, в котором есть три составляющие: говорящий, слушающий и намерение первого определенным образом оказывать воздействие на второго [Бенвенист 1974], т.е. любой речевой акт априори несет в себе перлокутивный эффект. Такая установка согласуется с задачами прагматики, суть которых сводится к обнаружению необходимых и достаточных условий успешного осуществления речевого акта [Столнейкер 1985: 423]. Таким образом, наличие цели в речевом акте прямо свидетельствует о существовании прагматического начала в коммуникации.

В определении успешности или неуспешности реализации иллокутивного акта ключевую роль играет иллокутивная сила, которая представляет собой довольно емкое понятие. D. Vanderveken в составе иллокутивной силы выделяет следующие компоненты: 1) иллокутивное значение; 2) способ осуществления; 3) условия пропозиционального содержания; 4) подготовительные условия; 5) условия искренности; 6) степень выраженности иллокутивной силы [Vanderveken 1990].

По Дж. Серлю, о том, какой иллокутивной силой обладает высказывание, позволяет судить показатель функции, к которому исследователь относит порядок слов, ударение, интонационный контур, пунктуацию, наклонение глагола и ряд перформативных глаголов [Серль 1986в: 157].

П. Ф. Стросон отождествлял знание силы высказывания знанию того, какой иллокутивный акт был реально осуществлен при произнесении этого высказывания [Стросон 1986: 131].

Не вызывает сомнений, что иллокутивная сила тесно связана с синтаксическим оформлением высказывания. Однако в то же время нельзя утверждать, что между иллокутивной силой высказывания и его поверхностно-синтаксической формой существует взаимно-однозначное соответствие (позиция, поддерживаемая Д. Гордоном и Дж. Лакоффом [Gordon, Lakoff 1975]). В противном случае такое утверждение означало бы, что каждый речевой акт имеет определенную, закрепленную за ним синтаксическую конструкцию. Разумеется, в любом языке со временем формируется набор совпадающих друг с другом интонационных и синтаксических рисунков («...для синтаксически однородных структур типично одинаковое интонационное оформление» [Касевич 1983: 254]), однако такое положение вещей не принимает облигаторную форму. Более оправданной видится точка зрения Дж. Сэйдока, который был склонен считать, что семантическая репрезентация предложения уже содержит предикат, который в результате семантической деривации может быть заменен другим предикатом [Sadock 1974].

Помимо цели и иллокутивной силы речевому акту присущи и другие характеристики. Так, чтобы отличить совершение речевого акта от простого произнесения звуков, принято выделять два признака. Первый заключается в том, что звуки, делающие возможным совершение речевого акта, обладают значением. Второе различие связано с тем, что обычно под тем, что произносится, что-то имеется в виду [Серль 1986в: 157-158]. При этом семантическая составляющая может являться функцией любой произнесенной единицы речи. Таким образом,

«субъективное значение обусловлено не только намерением, но и конвенцией» [Серль 1986в: 160].

Дж. Серль выделяет два таких правила (конвенции): 1) одни правила регулируют существовавшие до них формы поведения (правила этикета); 2) правила, которые создают или определяют новые формы поведения. Таким образом, опираясь на эти два постулата, Дж. Серль дает следующее определение иллокутивному акту: это акт, совершаемый в соответствии с наборами конститутивных правил [Серль 1986в: 153-155]. С этим утверждением сложно не согласиться, так как при воспроизведении любого речевого высказывания говорящие действительно обязаны подстраиваться под определенные установленные в социуме правила с учетом культурной и языковой специфики реалий. Нарушение подобных конвенций вероятнее всего приведет к неудаче речевой коммуникации со всеми негативными последствиями для обоих участников диалога.

В отличие от Дж. Остина и Дж. Серля, П. Ф. Стросон склонен придерживаться точки зрения, что конвенциональными являются не все иллокутивные акты, а лишь те, которые упорядочиваются неязыковыми социальными конвенциями (правилами) [Стросон 1986: 132-136].

Как было упомянуто выше, в любом речевом акте заложено прагматическое начало. С целью увеличения положительного результата интеракции говорящие прибегают к использованию косвенных речевых актов. Косвенный речевой акт представляет собой ситуацию, когда один иллокутивный акт осуществляется за счет другого. Тем самым в косвенный речевой акт входят два иллокутивных акта: один выражает настоящее намерение говорящего, второй создает форму, в которой этот речевой акт реализуется. Соответственно, принято выделять прямые и косвенные речевые акты. Косвенные в свою очередь делятся на конвенциональные и неконвенциональные. Первые представляют собой грамматически и семантически цельнооформленные предложения, которые однозначно понимаются

адресатом; неконвенциональными являются речевые акты, которые не могут быть распознаны слушающими вне контекста.

Дж. Серль, оспаривая рассмотрение косвенных речевых актов как проявления языковой полисемии [Sadock 1974], утверждает, что косвенные иллокутивные акты независимо от того, является ли стандартизованным способ их осуществления, имеют в основе один и тот же механизм косвенного выражения намерения говорящего [Searle 1975]. Подобную точку зрения можно найти и у Р. Конрада. Р. Конрад напоминает про существование таких ситуаций, для которых в результате некоторых общих соглашений, определяемых функцией соответствующего общественного учреждения, установлено, что с помощью вопроса автоматически выражается желание, просьба или требование [Конрад 1985: 381].

Дж. Серль объясняет феномен косвенных иллокутивных актов существованием общей фоновой информации говорящего и слушающего, наличием некоторых общих принципов речевого общения, предложенных Г. П. Грайсом (сводятся к четырем постулатам: Количество, Качество, Отношение, Способ) [Grice 1975], а также посредством теории речевых актов [Searle 1975].

При анализе речевых актов ученые стремятся учесть контекст употребления языка. Так, Р. И. Павиленис писал, что речевой акт оценивается как уместный относительно некоторых предшествующих ему или следующих за ним речевых актов [Павиленис 1986: 381]. Такая глобальная смысловая связанность речевых актов прямо свидетельствует о наличии собственной иерархии, присущей речевым актам. Данное утверждение доказывает то, что при интеракции идет выстраивание речевых актов в определенной последовательности. Создаются сложнейшие дискурсы, которые отличаются по композиции и относятся к определенным типам [Ершова 2002: 13]. Строгое расположение иллокутивов объясняется тем, что перенесение речевого акта из одного места в другое, например, из середины текста в его начало, может привести к нарушению не только последовательности, но и в целом всей иллокуции. М. Brandt и I. Rosengren выделяют этот принцип наравне с

двумя другими, которые действуют на уровне линейности, т.е. учитывается порядок следования отдельных иллокутивов. С точки зрения иерархии все иллокуции делятся на две группы: главные и поддерживающие. Подчиненные иллокуции могут поддерживать доминирующие несколькими способами: мотивацией, обоснованием, дополнением. Иллокуции поддерживающего характера бывают комплементарными и субсидиарными. Субсидиарные иллокуции создают особые условия, позволяющие иллокутиву воздействовать на собеседника. Происходит это только при том условии, если речевое действие было понято, то есть когда общение соответствует ситуации, при этом слушающий в любой момент готов отреагировать на высказывание. В отличие от субсидиарных иллокуций, комплементарные не имеют непосредственного влияния на условия успешности, но содержат дополняющую релевантную информацию. В иерархии иллокутивов главные функции – комплементарные. Дело в том, что между двумя иллокуциями, которые подчинены одна другой, существует определенное соотношение: так, комплементарные иллокуции могут быть и не субсидиарными, в то время как не существует таких иллокуций, которые не являлись бы комплементарными [Brandt, Rosengren 1991].

Суть второго принципа состоит в том, что смысловое восприятие текста зависит от последовательности событий во времени. Наконец, третий принцип связан с тем, что на линейное расположение иллокутивов влияют также экстралингвистические факторы [Brandt, Rosengren 1991]. На уровне линейности функционируют сразу все три принципа, и их интеграция происходит в ходе коммуникации.

Помимо уровня линейности М. Brandt и I. Rosengren выделяют уровень формулировки и уровень иллокуции. Все три уровня образуют структуру текста [Brandt, Rosengren 1991]. Это связано непосредственно с тем, что как иллокуции, так и текст распадаются на несколько уровней. На данный момент в лингвистике существует довольно широкий спектр самых разных уровней анализа текста.

Следующий уровень, который выделяют M. Brandt и I. Rosengren, носит название «формулирование», и его суть заключается в том, что при воспроизведении того или иного речевого акта говорящий реализует некоторую информацию.

Принимая во внимание тот факт, что типы иллокутивных актов проистекают из концептуальной системы, а конкретно из принципов, демонстрирующих мотивационную установку, необходимо выделить уровни, существующие внутри этой структуры.

W. Motsch и R. Pasch выделили следующие важные уровни структур, которые носят концептуальный характер. Это семантика предложений и значение всех высказываний. С точки зрения семантики предложения интерпретируются вне контекста. Семантика складывается из лексических единиц на основе определенных принципов семантического характера. В процессе построения предложений идет их подчинение правилам синтаксиса. При корректной, с точки зрения грамматики, формулировке предложения оно содержит определенное значение. При определении значений высказываний предложения особым образом интерпретируются, это зависит от особенностей контекста или ситуации общения. Уровни значений, их внутренняя структура – объект теорий значений, которые ориентированы прагматически [Motsch, Pasch 1987].

Следующий важный уровень, на который стоит обратить внимание, это строение иллокуций. Эта структура в тексте состоит из частей, которые дробятся на иллокуции. Данные иллокуции аранжируются с соблюдением иерархии [Motsch, Pasch 1987]. Данный фрагмент структуры с упорядоченными иллокуциями в иерархической последовательности принято именовать иллокутивной иерархией [Hensel, Sayatz 1991]. При интеракции структура иллокутива создается в строгом соответствии с определенными намерениями говорящего и целями. На ее характер оказывают влияние экстралингвистические и собственно лингвистические факторы.

Таким образом, иллокуции представляют собой сложные единицы речевой коммуникации, обладающие целью, иерархией и иллокутивной силой.

Стоит добавить, что акт говорения традиционно делится на локутивные, иллокутивные и перлокутивные составляющие [Остин 1986: 92-93]. Однако эта установка работает преимущественно в простом соотношении «один говорящий / один слушающий», но не учитывает специфику большего числа возможных участников коммуникации. Так, с увеличением количества слушающих Г. Г. Кларк и Т. Б. Карлсон предлагают использовать еще один дополнительный компонент – информативы, которые, по их мнению, должны быть полезны для описания факта накопления информации в ходе коммуникации, для описания побочных иллокутивных актов, официальных / публичных сторонних участников и многочисленных способов указания адресатов [Clark, Carlson 1982]. Учет информативов позволяет рассматривать личностные характеристики общающихся сторон.

Кроме этого необходимо отметить еще одну значимую черту речевого акта, а именно то, что он не тождественен предложению [Конрад 1985: 352; Демьянков 1986: 226; Франк 1986: 363; Кифер 1985: 334]. Речевой акт может быть как больше, так и меньше предложения.

После определения основных характеристик речевого акта можно перейти от общего к частному – от речевых актов в целом к одной из форм их проявления.

Одной из самых распространенных, повседневных форм вербально-просодических коррелятов является побудительное высказывание, под которым подразумевается, что говорящий побуждает адресата к выполнению или прекращению какого-либо действия.

С точки зрения потенциальной эффективности речевого акта при реализации побудительного высказывания должен учитываться целый ряд параметров, среди которых основными являются следующие: заинтересованность участников общения в отношении предсказуемого действия, форма взаимоотношений между

коммуникантами, характеристика исполнителя действия и лицо, которое берет на себя ответственность за принятие решения о совершении каузируемого действия.

В числе высказываний, которые носят побудительный характер, лингвистика уделяет особое внимание «директивам». Данные речевые акты в научных исследованиях рассматриваются как «побуждения». Также они именуются «побудительными речевыми актами» (ПРА) (J. Austin, J. Searle, D. Wunderlich, Е. И. Григорьев, Л. Г. Карандеева, А. К. Деркач и др.). Так, на данный момент широко изучается вариативность языковых способов выражения директивных речевых актов в различных областях, в частности, в полицейском дискурсе [Полевая 2020], судебном дискурсе [Лисенкова 2020], директивный речевой акт рассматривается как сложное семиотическое образование [Ларина 2021].

По Дж. Серлю, директив – это «попытка» со стороны адресанта добиться чего-либо от адресата [Серль 1986а: 182]. Е. И. Григорьев, вслед за Дж. Серлем, утверждает, что основополагающим фактором высказываний данного типа является «непререкаемость исполнения волеизъявления, защищенного юридически закрепленными нормами или социальным статусом говорящего» [Григорьев 2009: 73]. Однако стоит сделать уточнение в отношении «непререкаемости», в противном случае может возникнуть ложная мысль о том, что директив исключительно авторитарен, что таковым не является. Так, например, В. В. Богданов выделяет два подтипа директива: инъюнктивы (приказания) и реквестивы (просьбы) [Богданов 2007: 159]. Л. В. Цурикова на основании того, кто будет являться исполнителем каузируемого действия, выделяет три основных типа директивов: реквестивные (просьба, мольба, приглашение), прескриптивные (приказ, запрещение, разрешение, требование, предписание, инструкция, заказ) и суггестивные (совет, предупреждение, предложение) [Цурикова 2008: 432]. Характер директива может быть мягким и жестким. Во втором случае предпринимается попытка, которая носит агрессивный характер, добиться чего-то от собеседника. В первом случае адресат может осуществить что-то добровольно [Серль 1986а: 182]. Если обобщить сказанное, можно говорить о том, что директив

представляет собой высказывание, которое обладает не авторитарным или авторитарным характером. Предпринимается попытка побудить адресата действовать, и говорящий должен иметь право это делать.

В связи с тем, что директив представляет собой обобщенное понятие, естественно, в нем можно выделить подтипы, которые несут тот или иной оттенок. Е. Б. Петрова в своей работе представила обобщение результатов других трудов, которые связаны с классификацией речевых актов, носящих побудительный характер. Ученые сходятся во мнении, что приказ, мольба, просьба, требование, предложение, предостережение, предупреждение относятся к речевым актам побудительного характера [Петрова 2008]. В данном исследовании планируется рассмотреть только требование, требование с угрозой, мольбу, просьбу. Стоит сказать, что обычно исследователи не отмечают отдельно требование с угрозой. Скорее всего, объясняется это тем, что данный речевой акт находится между минативом (высказыванием угрожающего характера) и директивом. В данной работе анализируются лишь высказывания в соотношении «говорящий – слушающий», без учета ответной реплики, т.е. однонаправленные речевые акты.

В условиях устной коммуникации выявление дифференцирующих признаков речевых актов на лексическом и грамматическом уровнях крайне затруднительно, так как разные по своему смысловому наполнению речевые акты, например, мольба, просьба, требование, могут быть выражены в рамках одного и того же лексико-грамматического состава. Иными словами, одно и то же высказывание может выступать в качестве и мольбы, и требования, и просьбы. В таком случае считается, что единственным инструментом, способным различить речевые акты, является речевая просодия.

Примечательно, что Л. П. Блохиной в ходе экспериментально-фонетического исследования удалось подтвердить гипотезу о том, что просодия способна выражать прагматическое значение без участия лексических, стилистических и грамматических средств [Блохина 2002: 129]. В целом экспериментально-фонетические исследования позволяют фонетике стать одной из наиболее точных

дисциплин в общей системе наук о языке и обеспечивают надежное описание звукового состава ряда языков [Вишневская 1990: 21-22].

В связи с этим в следующем параграфе предлагается рассмотреть, какую роль играет просодия в коммуникации.

§ 2. Просодический компонент в устной речи

На протяжении всей истории смысл, вкладываемый в понимание термина «просодия», претерпевал изменения. Первоначально данный термин обозначал совокупность правил, относящихся к метрике [Барышникова 1975: 4]. По мере изучения просодии исследователи начали выводить ее за рамки простого стихосложения. На современном этапе развития науки просодия как объект лингвистического исследования в самом общем смысле представляет собой набор супraseгментных характеристик различных речевых единиц.

Перед тем как выявить значение просодии в коммуникации, важно внести ясность в терминологический аппарат, которым оперируют ученые. Необходимость определения конкретных рамок значения термина «просодия» обуславливается его сложной природой (связанной, например, с полифункциональностью), прежде всего тесной связью с такими понятиями, как «интонация» и «просодика». Как у отечественных, так и у зарубежных исследователей складываются разные, зачастую диаметрально противоположные подходы к пониманию трех указанных терминов [Артёмов 1971; Барышникова 1972; Зиндер 1979; Реформатский 2003; Антипова 1984; Мельников 1980; Златоустова 1983; Светозарова 2002; Фомиченко 2005 и др.]. Например, А. А. Реформатский определяет интонацию как сложное явление и относит ее к просодическим элементам языка [Реформатский 2003: 191]. А. М. Антипова в свою очередь разграничивает просодию и интонацию [Антипова 1984].

Стоит отметить, что отсутствие консенсуса среди ученых преимущественно наблюдается при оперировании терминами «просодия» и «интонация». А. Д. Синёв видит причину такого нечеткого разграничения понятий в неразработанности

основ методологии, что не позволяет описать просодический уровень языка как системный [Синёв 2010: 106]. Ученые рассматривают данные понятия с разных точек зрения в зависимости от того, какое основание для сопоставления выбирается: структура, функция, смысловая нагрузка [Трусова 2020: 87].

Понятия просодии и интонации в отечественных и зарубежных словарях трактуются по-разному. Оксфордский и Кембриджский словари определяют просодию как область фонетики, которая занимается ударением и интонацией, где интонация – это подъем и понижение голоса в ходе коммуникации [Oxford Learner's Dictionaries URL; Cambridge Dictionary URL]. Немецкий словарь „Duden“ предлагает аналогичное понимание данных терминов: интонация определяется как изменение тона, интенсивности, длительности и других признаков при речепроизводстве, под просодией понимаются значимые для сегментации речевого потока признаки, такие как ударение, интонация, паузы [Duden URL]. Таким образом, можно заметить, что понятие просодии шире понятия интонации в понимании зарубежных авторов. При обращении к толковому словарю русского языка С. И. Ожегова можно обнаружить обратное: интонация трактуется шире понятия просодии. Просодия – «система произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов в речи», тогда как интонация – это «звуковые средства языка, оформляющие высказывание: тон, тембр, интенсивность и длительность звучания» [Толковый словарь Ожегова URL].

Н. Д. Светозарова отмечает, что отечественным исследователям близко широкое понимание интонации, для зарубежных лингвистов привычно узкое [Светозарова 2002: 502]. Узкое понимание данного термина ограничивается мелодикой [Crystal 1969], в широкое понимание входит весь комплекс просодических средств [Торсуева 1978].

Предпочтение, которое исследователи в своих работах отдают широкому пониманию интонации (Л. К. Цеплитис, Н. Д. Светозарова, С. В. Кодзасов, А. М. Пешковский, Е. А. Брызгунова, Т. Е. Янко, Е. В. Падучева, Т. М. Николаева), можно объяснить тем, что интонация, по их мнению, помимо мелодических, акцентных и временных характеристик обладает функцией передачи смысловых

отношений [Николаева 1977: 9], другими словами, играет смысловозначительную роль [Цеплитис 1974: 158]. Как следствие, было бы ошибкой сделать вывод о том, что в отличие от интонации просодия представляет собой простую совокупность тональных, динамических и темпоральных признаков, не несущих смысловозначительной функции.

Так, при обращении к Лингвистическому энциклопедическому словарю можно найти синонимичные значения определений интонации и просодии. Просодия – это «система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смысловозначительную роль» [ЛЭС 1990: 401]. Интонация представлена как «единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения. Некоторые исследователи включают в состав компонентов интонации паузы. Вместе с ударением интонация образует просодическую систему языка» [ЛЭС 1990: 197].

Таким образом, можно наблюдать сложные взаимоотношения между двумя рассматриваемыми понятиями. Однако и интонацию, и просодию объединяет то, что они входят в функциональную систему надсегментных средств языка. Предположительно этого будет достаточно для того, чтобы в рамках данного исследования считать эти термины взаимозаменяемыми. Тем не менее, с целью упрощения подачи материала и предотвращения путаницы в терминологии, остановимся на термине «просодия», под которым будет пониматься набор тональных, темпоральных и динамических признаков, играющих смысловозначительную роль и реализующихся на всех уровнях речевых сегментов.

Ответ же на вопрос о различии синонимичных понятий просодии и просодики лежит в области разграничения уровней, на которых функционируют единицы речи. В лингвистике принято считать, что для потока речи характерны не только сегментные единицы, но и суперсегментные (надсегментные, сверхсегментные, супрасегментные), которые накладываются на первые [Блох

2004; Васильев 1979; Светозарова 2002; Потапова 2006]. Так, в попытке ответить на этот вопрос Н. Д. Светозарова предполагает, что просодия относится к суперсегментному уровню, а просодика – к сегментному [Светозарова 2002: 504]. Р. К. Потапова считает, что просодика характеризуется «спецификой организации слоговой последовательности в определенное структурное ритмомелодическое единство» [Потапова 2006: 137]. Таким образом, можно заключить, что просодика относится скорее к особенностям реализации слога в речевой деятельности.

Отсутствие полноценного понимания того, на каком уровне необходимо рассматривать просодию, порождает другой вопрос – о составе элементов, входящих в область просодии. С. М. Гайдучик считает, что действие просодии происходит в высказывании. Единицами реализации просодии, по мнению ученого, выступают фразовое и словесное ударение, речевая мелодия, ритм речи, ее темп, паузы, громкость и тембр [Гайдучик 1972]. М. А. Соколова предлагает рассматривать просодию на уровне слога, поэтому включает в ее состав лишь три компонента: высоту тона, громкость и темп. Тембр же не входит в этот ряд, по словам исследователя, ввиду недостаточной проработанности этого вопроса [Соколова 2006]. По Е. А. Брызгуновой, интонация включает движение тона, силу звука, тембр и длительность [Брызгунова 1963]. А. М. Пешковский относит к интонации мелодику, интенсивность, паузы, ритм, тембр и темп [Пешковский 1956]. В целом среди ключевых элементов, входящих в состав просодии, можно выделить мелодику, громкость и темп.

Наличие разных мнений по этой проблеме, вероятно, связано с тем, что звучащая речь представляет собой сложный процесс, который можно свести в три основные стадии: процесс формирования звучания, процесс распространения звуковых колебаний и процесс слухового восприятия [Вишневская, Левина 2021: 18].

Л. В. Бондарко считает, что в зависимости от того, с какой точки зрения рассматривать звуковые единицы, последние будут обладать различными

свойствами. В своей работе она выделяет артикуляционный, акустический и перцептивный аспекты [Бондарко 1977: 5-6].

Пытаясь найти объективные причины расхождения мнений ученых в отношении суперсегментных единиц и давая общую оценку сложившемуся явлению, А. Фох отмечает, что специалисты по фонологии не обладают единым мнением о понимании природы и структуры самих просодических явлений, в связи с чем возникают сложности в получении общего представления об этой области знаний [Fох 2000].

Ученым не удалось прийти к единому мнению относительно уровня рассмотрения просодии. Скорее всего, связано это с другим вопросом, который носит более глубокий характер. Речь идет о делимитации потока речи. В настоящее время в фонетике существует множество вариаций деления речи на единицы. Так, Л. В. Щербой выделены следующие компоненты: слог, синтагма и фраза. С. М. Гайдучик делит речевой поток на слоги, ритмические такты, фразы и фразы-высказывания. К. К. Барышниковой выделены следующие сегменты речи: слог, нечленимые и членимые акцентные единицы и высказывание [Барышникова 1972]. Г. И. Бубнова в качестве минимальной единицы выделяет фонационный период (ФП), сегментируемый на основании тонального оформления терминального слога и перерыва фонации, в качестве максимальной единицы – смысловой отрывок, состоящий из нескольких ФП [Бубнова 2021]. А. А. Метлюк сегментирует текст на следующие метрические структуры: слог, ритмический такт, ритмическую фразу [Метлюк 1986]. К интонационно-смысловым единицам Н. Д. Светозарова относит синтагму, фразу и сверхфразовые единства [Светозарова 1983]. Несмотря на терминологическую неоднородность, разные отрезки сегментации преимущественно совпадают. В целом все они имеют следующий вид: слог, синтагма, высказывание.

Вероятно, расхождение лингвистов во мнениях обусловлено тем, что речевой континуум невероятно сложен. Стоит отметить, что деление речевого потока носит

условный характер и делается только в исследовательских целях [Потапова, Потапов 2012: 90].

По мнению Ю. А. Дубовского, сложность, которая возникает при делении потока речи, связана с тем, что достаточно проблематично выделить такие речевые единицы, которые:

- определялись бы формально;
- совпадали по границам с единицами разных уровней, на которых анализируется текст с точки зрения его структуры и семантики;
- были бы носителями значения в лингвистике [Дубовский 1975].

Слог принято считать наименьшей единицей. Н. С. Трубецкой также называл ее слононосителем [Трубецкой 2000: 211]. Однако в связи с тем, что смысловозначительной функции слог не несет, необходимо выделить такую единицу, которая удовлетворяла бы условиям передачи смысла в рамках устной коммуникации.

Такая единица, которая выражает законченную мысль и соотносится с конкретной ситуацией, называется фразой [Гайдучик 1984: 50]. В отечественной литературе также встречаются такие понятия, как высказывание, предложение [Зиндер 2007: 279] и синтагма [Бухарин 1986; Николаева 1977; Пуник 2020], однако было бы нецелесообразно ставить знак равенства между этими понятиями. Разграничение предложения и высказывания лежит в плоскости разграничения языка и речи. Так как настоящее исследование направлено преимущественно на изучение речи, то остановимся на высказывании и фразе в качестве законченной по смыслу единицы. Синтагму же предпочтительнее отнести к более низкому порядку, чем высказывание, так как последнее является комплексом, сложенным из нескольких синтагм.

С. М. Гайдучик писал, что фраза может быть разбита на более мелкие единицы. Самой крупной после фразы единицей он считал ритмическую фразу, которая представляет собой акцентную единицу, выражающую смысловые единства, отмеченные усиленным ударением и обычно разделенные паузами

[Гайдучик 1984: 67]. Исходя из данного определения, ритмическая фраза С. М. Гайдучика является не чем иным, как синтагмой, так как она представляет собой минимальную цельную единицу, обладающую значением. Синтагма – «минимальная индивидуально-авторская креативная структура, появляющаяся в сознании человека в процессе речи как результат его психоречевой реакции на ситуацию или передаваемую информацию» [Филатова 2016: 100].

В. И. Бухарин выделяет три составляющих, которые формируют синтагму: семантическую, интонационную и синтаксическую [Бухарин 1986: 12]. И. А. Пуник отмечает смысловую и фонетическую цельность, присущую синтагме, где «последнее достигается за счет законченного объединяющего интонационного рисунка и за счет градации словесных ударений по силе» [Пуник 2020: 29]. Другими словами, можно сказать, что на формирование синтагмы (ритмической фразы) как единицы, обеспечивающей смысловое различие, влияют просодические характеристики.

Синтагматическое ударение, как предполагается, является обязательной принадлежностью синтагмы, поскольку оно фонетически объединяет синтагму как некоторое смысловое целое. Обычно выделяют четыре вида ударения: синтагматическое, фразовое, логическое и эмфатическое [Пуник 2020: 30]. Л. Р. Зиндер рассматривает фразовое ударение как основной элемент интонационной организации фразы [Зиндер 1979: 276].

Кроме того, считается, что над синтагмой как бы располагается другая единица, которая отвечает за передачу типа отношений между звуковыми единицами и представляет собой «пучок» значений отдельных просодических характеристик. Такая единица называется интономой. Реализуется и определяется интонома лишь в контрастном сопоставлении синтагм в потоке речи [Николаева 2000: 209].

Совокупность всех интоном как единиц звучащей речи образует общий просодический рисунок фразы; другими словами, этот набор интоном представляет собой просодию или интонацию.

Можно предположить, что различная аранжировка просодических характеристик каждый раз создает разное семантическое наполнение, т.е. по-разному реализованные признаки просодии (повышенный тон, слабо выделенный интенсивностью слог, увеличение скорости фонации и т.д.) придают новое значение высказыванию, даже выраженному в рамках одного слова.

Достаточно интересен инновационный подход, который в настоящее время популярен в лингвистике. Это синергетический подход: изучаются глубинные структуры семантической и просодической систем и их взаимодействие. Механизм соединения их структур невероятно сложен. Просодическая и семантическая подсистемы взаимодействуют в процессе общения, и происходит это благодаря определенным параметрам указанных систем. Статус управляющего в данном процессе постоянно и последовательно меняется. Как было установлено, в мегапространстве детерминанта преобразуется в контингентно-смысловую детерминанту, пройдя путь от просодической детерминанты в просодемном пространстве (макропространстве) к контингентно-смысловой в мегапространстве. Контингентно-смысловая детерминанта интегрирует и управляет многомерным формированием смыслов, которыми оперируют субъекты в процессе коммуникации [Подгорбунская 2017: 134].

При этом дифференциация, выявляемая за счет просодических признаков, может распространяться не только на отдельные слова, но и на целые словосочетания и фразы [Трубецкой 2000: 234].

Примечательно, что С. И. Карцевский, говоря о роли интонации в речи, особо выделял фразу и строго обособлял ее от предложения. Подобную точку зрения он объяснял тем, что фраза не имеет своей собственной грамматической структуры. Вместо этого, по мнению ученого, фраза располагает особой звуковой структурой, причем интонация играет здесь не последнюю роль, именно благодаря ей фраза и формируется [Карцевский 2004: 248].

Можно сделать вывод, что интонация, таким образом, служит для преобразования грамматических структур в единицы коммуникации [Кузнецов

2010: 107]. Это мнение разделяет и Н. В. Черемисина, утверждая, что «интонация есть важнейшая примета звучащей речи, средство оформления предложения (высказывания), уточнения его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков» [Черемисина 1982: 7].

Интонация не ограничивается исключительно преобразовательной функцией. Выводя фразу в сферу коммуникации, она служит средством передачи и выявления интенции говорящего [Кузнецов 2010: 107; Шевченко 2016]. С. В. Кодзасов видит в интонации нечто больше – некий каркас речи, в котором создается возможность управлять поведением говорящих в ходе коммуникации [Кодзасов 2009: 175]. Другими словами, интонация обладает целым набором просодических признаков, которых участники диалога вынуждены придерживаться. В противном случае достижение поставленной коммуникативной цели может не осуществиться, что, как следствие, приведет к ухудшению отношений между говорящими, когда интенция исходит от интерактанта в вышестоящей позиции и на официальном-деловом, и на бытовом уровнях.

Современные исследования указывают на то, что даже при наличии естественных и искусственных помех эффект просодии способствует расширению общего понимания высказывания [Потапов 2019: 59]. Просодия позволяет выявить смысл фраз даже в случае искаженной фонемной структуры.

Необходимо правильное понимание того, как владеть просодией, так как индивидуальная база знаний слушающего о форме и функциях просодических единиц активно структурирует его восприятие [Карневская, Репина 2018: 100]. Тем самым правильно сформировавшееся понимание работы просодических единиц повышает шансы на корректное восприятие речи и интенции говорящего.

Как было выяснено ранее, интонация отвечает за выявление намерения говорящего и создание определенных правил, которым должны следовать участники коммуникации. Однако интонация не ограничивается этим, в сферу ее действия входит ряд других функций. Количество и семантическое наполнение этих функций у авторов разнится [Торсуева 1978; Цеплитис 1974; Светозарова

1982; Кодзасов 2009; Пиотровская 2019 и др.]. Наиболее подробную таксономию функций интонации можно найти у С. В. Кодзасова, который выделяет иллокутивную, когнитивную, фокусную, установочную, структурную и собственно фонетическую функции [Кодзасов 2009: 175-176].

Таким образом, интонация (просодия) представляет собой многогранное, сложное явление, обладающее полифункциональностью.

На данном этапе развития науки исключительную роль просодии в коммуникации можно считать бесспорной. «Ключевым звеном общения является, несомненно, просодия» [Григорьев, Евтеев 2014: 11]. Помимо инструмента в ходе общения на бытовом или официальном уровне просодия выступает важным средством и в узкоспециализированных сферах деятельности. Например, при проведении фоноскопической экспертизы для криминалиста, для которого исследуемый язык не является родным, реализация просодических средств оформления речевого высказывания является главным фактором идентификации говорящих [Potapova et al. 2022: 39]. Экспрессивность речи, характерная составляющая в работе футбольных комментаторов, достигается за счет варьирования тональных, динамических и темпоральных характеристик на протяжении всего высказывания [Лихачев 2017: 7].

С точки зрения о принципиальной роли просодии солидарны и некоторые иностранные ученые. Так, в своем исследовании N. Hellbernd и D. Sammler говорят о просодии как об экстралингвистическом факторе, который определяет виды коммуникативных намерений. По их словам, партнеры производят и понимают просодические знаки вне зависимости от их семантического значения, контекста и эмоциональной окраски всего высказывания [Hellbernd, Sammler 2016: 82].

Во многих исследованиях отмечается, что просодия играет важную коммуникативную роль и является значимым элементом производства речи и ее восприятия. Актуализация просодических параметров речи происходит в рамках дискурса, во многом определяя его направленность и характер [Деркач 2007: 34]. Е. И. Григорьев на основе данных множества экспериментов пришел к вполне

закономерному выводу, что просодия позволяет разделять речевые акты, которые носят однонаправленный характер, в том числе мольбу, требование, просьбу и др. По мнению J. Raith, иногда владеть просодическими средствами намного важнее правильного произношения единиц языка [Raith 1986]. Дж. А. Шаффер и Л. Х. Накатани также проводили соответствующие исследования. С их точки зрения, главными, основополагающими для восприятия и понимания речи являются критерии просодико-ритмического характера [Nakatani, Schaffer 1978]. Как отмечает Т. М. Надеина, функцию выражения определенных значений выполняют крупные просодические признаки, а не «пучки» первичных просодических признаков [Надеина 2004: 84]. Также отмечается огромная прагматическая роль просодии, которая выступает в качестве мощного средства воздействия на человека, что особенно отчетливо проявляется в публичной речи [Бурак 2018].

На основании изложенного можно утверждать, что просодия влияет на то, как протекает коммуникативный процесс, и в зависимости от того, как выстроена просодическая структура, смысл высказывания меняется.

В рамках данного исследования просодия рассматривается на уровне фразы.

Считается, что на уровне фразы основным просодическим средством выступает комплекс мелодических, динамических, темпоральных и тембральных характеристик. В этом значении используется термин «просодия фразы». [Надеина 2004: 16].

Вопрос о субстанциональной сущности просодических характеристик, другими словами, вопрос о том, что входит в их ряд, не имеет однозначного решения. Разные исследователи относят к их числу:

- 1) все акустические характеристики, выделяемые в речевом сигнале (частотные, динамические, временные, тембральные);
- 2) все акустические характеристики, кроме частотных;
- 3) все акустические характеристики, кроме тембральных;
- 4) только временные и тембральные характеристики [Надеина 2004: 17].

При проведении экспериментально-фонетических исследований большинство ученых опирается на третью группу [Григорьев 1979, 1996; Карандеева 2006; Деркач 2007; Ершова 2003; Беленикина 2011; Бурашникова 2008; Бут 2004; Черная 2002; Николаева 2005; Дубицкая 2020 и др.]. Предположительно тембр не учитывается в подобных исследованиях в связи с недостаточной изученностью его природы, хотя тембральная окраска фразы, несомненно, имеет большое значение. Этот нерешенный вопрос остается в поле зрения ученых.

Данное исследование с целью выявления дифференциальных признаков речевых актов директивной направленности ограничивается тремя параметрами: ЧОТ, интенсивностью и длительностью.

На выявление отличий влияет то, какой участок высказывания анализирует исследователь. Так, О. Эссенем предложено делить фразы на предтакт, ритмический корпус, а также затакт [Essen 1956]. Предтакт – это последовательность, в которой идут безударные слоги во фразе до ударения. Ритмическим корпусом называется тот участок высказывания, который охватывает ударные слоги от первого до последнего. Затактом считаются все слоги, которые идут во фразе после последнего ударения.

О. А. Норк также считала оправданным делить высказывание на три составные части, однако ритмический корпус у нее именовался иначе, а именно тонемой. При этом О. А. Норк считала, что только тонема выполняет функцию различения коммуникативных типов [Норк 1964].

Альтернативную точку зрения предлагает Е.И. Григорьев, утверждающий, что смыслоразличительную функцию несут все зоны фразы. Это объясняется тем, что в качестве объекта исследования берется не коммуникативный тип, а речевой акт. В свою очередь тип речевого акта устанавливается на основании контуров движения акустических признаков ЧОТ, интенсивности и длительности. Подтверждение этого тезиса можно найти в ряде экспериментов [Григорьев 1996].

Данное экспериментально-фонетическое исследование направлено на обнаружение дифференциальных признаков иллокутивных актов во всех трех зонах: предтакте, ритмическом корпусе и затакте.

Выявление просодических признаков речевых актов позволит говорить о конкретном иллокутиве как ментальном образе с определенными просодическими чертами, т.е. концепте. Следовательно, возникает необходимость рассмотрения речевого акта как концепта.

§ 3. Речевой акт как концепт

Концептуализация мира занимает одно из центральных мест в современной когнитивистике. В. И. Карасик находит несколько причин, почему внимание многих исследователей приковано к концепту. Во-первых, изучение концептов предполагает обращение к экспериментальным исследованиям, так как эти ментальные образования прежде всего существуют в индивидуальном сознании и лишь затем в коллективном. «Экспериментальный анализ позволяет увидеть реальную картину смысловой вариативности отраженной и интерпретируемой действительности» [Карасик 2005: 185]. Во-вторых, есть возможность прогнозировать неудачи в коммуникации, которые носят потенциальный характер, для чего устанавливаются характеристики концептов (специфические и общие), а также выявляются принципы, которые стоят за ними [Карасик 2005: 186]. Действительно, правильно воспроизведенный и воспринятый концепт (т.е. понимание говорящим и слушающим того, что собой представляет конкретный концепт, включая его просодическую составляющую) может повысить шансы на достижение поставленной коммуникативной цели.

Кроме того, стремление ученых концептуализировать мир обусловливается тем, что концепты позволяют упростить восприятие мира и взаимодействие с ним. С помощью концептов все разнообразие явлений сводится к единству. Это эталон категоризации и сравнения. Происходит идентификация предметов, которые вновь познаются субъектом и относятся либо к представителям определенного класса,

либо к элементам, которые имеют отношение к абсолютно иным категориям [Руберт, Тимралиева 2008].

Для современной когнитивной лингвистики характерно наличие довольно обширной типологии концептов. Выделяются концепты, репрезентируемые на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [Болдырев 2001]; концепты пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные, рудиментные [Слышкин 2004: 60-67]; базовые концепты, концепты-дескрипторы, концепты-релятивы [Пименова 2004: 12]; концепты высшего уровня и обычные концепты [Воркачев 2004: 27] и др. В основе подобных классификаций лежат разные принципы, которые зависят от сферы научных интересов авторов. Тем не менее можно выделить признаки, по которым будет осуществляться классификация: что собой представляет концепт, единицей чего является, чем выражается, какова его структура, каковы его организационно-структурные типы, каковы его содержательные типы [Прохоров 2016: 20-22].

Принято считать, что термин «концепт» начал активно использоваться в среде отечественных ученых после того, как его ввел в своих работах Р. И. Павиленис, который отождествлял концепт со смыслом. Под концептом он понимал информацию «относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира)» [Павиленис 1983: 102]. Необходимо отметить, что термин «концепт» впервые появился еще в 1928 г. в статье «Концепт и слово» С. А. Аскольдова-Алексеева [Аскольдов 1997]. Однако в тот период термин «концепт» не получил широкого применения в лингвистике.

В настоящее время концепт представляет собой довольно широкое понятие, в рамках которого каждый лингвист освещает ту или иную его сторону в большей или меньшей степени. В связи с этим было бы уместно представить классификацию принципов, лежащих в основе формирования ментальных представлений. Необходимо отметить, что подобные попытки уже предпринимались (Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Л. Н. Беленикина и др.). Например,

Л. Н. Беленикина предлагает выделить четыре подхода к трактовке концепта: лингвистический, когнитивный, культурологический, семантический [Беленикина 2011: 10-12]. В. А. Маслова выделяет культурологический, семантический и когнитивный [Маслова 2011: 42-43]. Е. С. Кубрякова отмечает следующие подходы: логико-философский, лексикографический, культурологически-семиологический и когнитивный [Кубрякова 2012: 44-48]. В настоящей работе предлагается выделить пять подходов: культурологический, философский, психолингвистический, семантический и когнитивный.

При культурологическом подходе ученые исходят из того, что концепт образуется и обогащается в рамках культуры. Д. С. Лихачев утверждал, что «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство» [Лихачев 1993: 153]. С. Г. Воркачев определяет термин «концепт» как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» [Воркачев 2004: 51]. Исследователями подчеркивается, что без этнокультурной специфики ментальное образование нельзя считать концептом.

С точки зрения философского подхода концептом является некое ментальное образование, которое существует отдельно от языка и отражает процесс познания мира. Р. И. Павиленис отмечал, что еще до использования языка как средства познания человек уже знакомится с миром, например, при помощи чувств. Такой этап образования концептуальной системы до языка, когда усвоение любой информации осуществляется на основе той, которой он уже располагает, ученый называет невербальным [Павиленис 1983: 101]. Таким образом, для Р. И. Павилениса концепты – это смыслы, которые еще не нашли языковой привязки, но ищущие ее.

С позиций психолингвистического подхода концепт рассматривается как достояние индивида, где учитываются и знание, и переживание. Причем языковой передаче концепт поддается не полностью. А. А. Залевская определяет концепт как

«спонтанно функционирующее в речемыслительной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера» [Залевская 2005: 243]. Иными словами, концепт предстает как достояние личности, продукт познания и общения, как результат психических процессов, с учетом эмоционально-оценочного компонента.

Семантический подход рассматривает концепт как единицу когнитивной семантики, где семантика выступает единственным средством формирования содержания концепта. В. А. Маслова определяет концепт следующим образом: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [Маслова 2011: 47].

При когнитивном подходе концепт рассматривается как ментальное образование. Так, Е. С. Кубрякова предлагает следующее определение «концепта»: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 2012: 35]. По В. И. Карасику, концепт – это «хранящаяся в индивидуальной либо коллективной памяти значимая информация, обладающая определенной ценностью, это переживаемая информация» [Карасик 2004: 128]. Более детальное определение предлагают З. Д. Попова и И. А. Стернин: «Концепт – это дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова 2010: 34].

Целесообразно будет отметить, что данная классификация носит условный характер, так как все подходы взаимосвязаны друг с другом. Как следствие,

вышеупомянутые ученые могут выступать в качестве представителей сразу нескольких подходов.

В настоящем исследовании анализ концепта будет производиться с точки зрения когнитивного подхода, так как предположительно именно здесь он раскрывается полностью. Кратко формулируя, можно сказать, что концепт – это ментальное образование, обладающее структурой и образующееся в результате познавательной деятельности индивидуумов.

Считается, что концепт не обладает четко очерченными смысловыми границами, опирается на феноменологический опыт и скорее имеет чувственную, а не логико-рациональную основу [Крапивкина 2017: 218].

Помимо термина «концепт» в лингвистике используется такое понятие, как «гештальт». Так, Г. Лакофф весь комплекс когнитивной деятельности, включающий мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторную деятельность и язык, называл гештальтами [Лакофф 1981]. Отталкиваясь от этого определения, можно сделать вывод, что гештальт и концепт, по своей сути, одно и то же явление.

Концепт – это ментальный образ, гештальт, оперативная и содержательная единица. Он обеспечивает способность человека ориентироваться в окружающем мире, который постоянно меняется. Для этого информация соотносится с теми категориями и классами, которые выработало общество. Следовательно, концептуализация связана с познанием людьми внешнего мира [Кубрякова и др. 1996: 90].

Когнитивная лингвистика все еще не дала четкого ответа на вопрос о том, какое словесное выражение имеет тот или иной концепт. Более того, вовсе не значит, что каждый концепт вообще должен иметь словесную форму, или слово и концепт тождественны. В когнитивной лингвистике утверждается, что содержание концепта обычно шире, чем значение вербализующего этот концепт слова. По данным ряда современных психолингвистических и нейролингвистических исследований, механизм мышления и механизм вербализации принадлежат разным

областям. Концепт может и не доходить до коммуникации по причине того, что он не предназначен для обсуждения с другими людьми [Попова 2010: 78].

В настоящем исследовании рассмотрение концепта идет лишь с точки зрения общения, которое носит вербальный характер. При этом предполагается, что сам концепт определенным образом выражен и его воспринимает адресат. В работах многих российских и зарубежных ученых данная тема достаточно полно освещена (Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, Л. В. Бондарко, А. С. Штерн, Ch. Hockett, C. Knobloch, G. Lakoff и др.). При этом вопросы, связанные с речевой деятельностью, вызывают дискуссии. Объясняется это тем, что механизмы порождения речи и ее восприятия окружающими скрыты, неочевидны, недоступны для непосредственного наблюдения.

Тем не менее восприятие необходимо всецело рассматривать как когнитивный процесс. Восприятие объекта, пишет Р. И. Павиленис, происходит не только на перцептивном уровне, но и на концептуальном уровне путем придания этому объекту определенного смысла [Павиленис 1986: 383]. U. Neisser предлагает различение по меньшей мере трех систем: системы прямого восприятия, системы межличностного восприятия и системы репрезентированного восприятия [Neisser 1994]. Для Z. W. Pylyshyn восприятие – это когнитивный процесс, вовлекающий интерпретацию, умозаключения, память [Pylyshyn 1988: 228-229]. Эту точку зрения разделяет и Е. С. Кубрякова, которая подчеркивает, что восприятие не сводится к простой регистрации чувств [Кубрякова 2004].

Выражая свою точку зрения относительно восприятия (перцепции) концепта, А. С. Штерн пишет о наличии перцептивной базы в мозге человека и об обращении к ней в процессе восприятия. По словам исследователя, сначала происходит фаза ориентировки, другими словами, определение уровня лингвистического отрезка, после чего осуществляется выбор перцептивной базы [Штерн 1990: 27-28]. Таким образом, можно предположить существование некоего корпуса общих образов, к которым обращаются собеседники для осуществления успешной коммуникации.

При изучении таких механизмов возникают вполне закономерные сложности. Но при этом считается, что в ходе восприятия концепта, который реализуется в коммуникативной деятельности, мыслительный процесс является целостным динамическим актом, включающим различные действия, которые протекают одновременно. Можно представить данный процесс так:

1. Человеком воспринимается на слух поток звуков. Он состоит из аллофонов. Меняется их сила, высота, а также длительность звучания.

2. Идет вычленение концептов, содержание которых отличается. Происходит это с помощью концептуальной системы на уровне лексики. За счет распознавания фоном идет восприятие предмета речи.

3. Связи слов отражаются с помощью концептуальной системы на уровне синтаксиса. Происходит это при изучении высказывания.

4. Затем оценивается ситуация общения. Концептуальная система выполняет анализ факторов протекания коммуникации, которые носят экстралингвистический характер.

5. Идет сравнение ситуации, нагруженности слов определенным смыслом, а также характера высказывания с точки зрения его просодической манифестации.

6. Определяется тип высказывания, оно интерпретируется слушателем [Григорьев 2009: 41].

Результативность коммуникации зависит от двух факторов: насколько правильно адресат понял намерение говорящего, и был ли эффективно реализован подходящий концепт, передающий намерение адресанта. Таким образом, чтобы процесс коммуникации можно было признать успешно состоявшимся актом, необходимо непосредственное участие обоих собеседников. W. Motsch утверждает, что сперва у слушающего должно произойти понимание коммуникативной интенции, и лишь потом – ее принятие. Говорящий же в свою очередь должен осознавать, что его намерения не способны просто так оказаться в сознании слушающего. Говорящий представляет определенные интенции. Он осознает, соответствуют ли они определенным условиям:

- а) имеют содержание (семантику),
- б) понятны,
- в) соответствуют ситуации,
- г) исполняемы [Motsch 1994: 4].

Об этом же говорит П. Ф. Стросон, подчеркивая, что говорящий должен добиться от слушающего осознания наличия у первого определенного намерения, что, следовательно, говорит о том, что намерение должно быть выражено четко и быть понимаемым для второго [Стросон 1986: 141-145].

От соблюдения этих условий зависит успешность осуществляемой интеракции, так как здесь возникает прямая зависимость: чем меньше условий соблюдено, тем с большей вероятностью коммуникативный процесс может оказаться неудачным.

В когнитологии принято считать, что при перцепции фразы в декодировании семантической составляющей принимают участие как минимум три вида концептуальных пространств. К ним можно отнести лексический, синтаксический и просодический. Лексический определяет предмет речи. От синтаксического зависит логика аранжировки определенных объектов. От просодического – характер действия, которое совершается. В коммуникативном пространстве просодии функционирует ряд субпространств: во-первых, тональное, которое включает различные регистры фонации речи; во-вторых, динамическое, которое отражает восприятие речи по громкости; в-третьих, темпоральные, которые указывают на то, как именно говорящий относится к предмету, о котором говорит; они дают возможность соотнести воспроизведение речи с определенным действием. Все вышеуказанные пространства присутствуют в общении одновременно [Григорьев, Евтеев 2016]. Фактор просодии в процессе восприятия речи крайне важен, так как позволяет разграничить многочисленные речевые акты однонаправленного действия.

Несмотря на довольно обширную типологию концептов, представленных в лингвистике [Болдырев 2001; Воркачев 2002; Слышкин 1999; Пименова 2016

и др.], данные классификации полностью игнорируют концепты, которые формируются просодией и выражают конкретные речевые действия. Безусловно, речевая деятельность в целом сводится к употреблению определенных моделей в ходе коммуникации, что продиктовано условиями гарантированного достижения взаимопонимания. Так, считается, что типовые ситуации отражаются в синтаксических моделях. Такие модели представляют собой структурные схемы простых предложений, которые репрезентируют синтаксические концепты [Тарасенко 2020: 3]. Другими словами, концепты потенциально могут быть выражены синтаксическими структурами. Однако в передаче сообщения в речи задействованы не только синтаксический или лексический аспекты, но также и фонетический. Чтобы интенция говорящего была правильно понята и максимально эффективно реализована, речевой акт должен быть воспроизведен корректно на интонационном уровне, что выражается в определенной аранжировке мелодики, громкости и темпа высказывания. Это может свидетельствовать о наличии типичных просодических структур для конкретных речевых действий. Теоретически концепты могут быть выражены такими просодическими структурами.

В связи с тем, что просодия не находит своего отражения в когнитивных исследованиях как компонент прагматической направленности фразы (хотя интонация как элемент грамматики и является синтаксически значимой единицей [Фурс 2004: 27]), это приводит к мысли об автономности просодии. Е. И. Григорьев полагает, что просодия вполне оправданно может быть отнесена к элементам концептуализации речевого пространства [Григорьев 2013: 264]. А. В. Звягинцева также считает, что интонационное оформление сообщения является средством объективации фрагментов концептуальной картины мира [Звягинцева 2017: 118].

Концепт, получающий вербальное выражение в коммуникативном процессе, называется иллокутивным или речевым. Вопрос о том, в какую форму облачается концепт во время вербализации, по-прежнему остается дискуссионным. Так, в работах Л. Витгенштейна прослеживается мысль о том, что речевой концепт

выходит за рамки слова. Концепт, выраженный вербально, не тождественен слову, а может быть выражен как словосочетанием, так и целым предложением [Витгенштейн 1985]. Е. С. Кубрякова также отмечает, что концепт существенно шире слова и может иметь форму словосочетания [Кубрякова 2012]. Е. И. Григорьев при ответе на вопрос о том, почему концепт имеет тенденцию выходить за рамки слова, объясняет это явление существованием определенных когнитивных процессов, которые функционируют на уровне диалога и объединяют отдельные лексически формируемые концепты в более сложные структуры. Следовательно, эти усложненные образования требуют единиц более высокого порядка, чем слово, – словосочетания и предложения [Григорьев, Евтеев 2016: 55].

Итак, иллокутивный (речевой) концепт – это ментальный образ, выраженный вербально в рамках слова, словосочетания или целого предложения.

Для того чтобы передать концепт без искажений, следует знать точные характеристики каждого концепта и приемлемую область его применения (официально-деловая сфера / бытовое общение). Предлагается далее рассмотреть следующие однонаправленные речевые акты: мольба, просьба, требование и требование с угрозой – с целью выявления возникающих у слушающего образов. Как было выяснено ранее, все перечисленные РА принадлежат к побудительным высказываниям, к директивам. Их можно концептуализировать как сходные по побуждающему воздействию, но дифференцировать по характеру осуществления действия.

МОЛЬБА (FLEHEN)

„Flehen – eindringlich, demütig bei jemandem um etwas bitten“ [Duden URL].

С помощью мольбы говорящий старается побудить адресата выполнить желаемое, и осуществляется это упорно, смиренно и настойчиво. При этом говорящий намеренно ставит себя по отношению к слушателю в позицию ниже.

Мольба обычно используется в бытовом общении, так как носит личный, недистантный характер и, как правило, включает в себя эмоциональную

составляющую. Использование данного речевого акта в официально-деловой сфере довольно редко, так как коммуникация в данной сфере регламентирована правилами, которые не предполагают личных отношений, переходящих в область эмоций.

Адресат не обязан выполнять мольбу. Он находится в позиции выше по отношению к просящему. Вот почему он сам решает, как именно реагировать на такое высказывание: отрицательно или положительно. Однако успешность реализации данного иллокутива во многом зависит и от говорящего, т.е. от того, насколько эффективно он смог реализовать интенцию.

Мольба находит свое вербальное выражение в форме сослагательного наклонения – *Es wäre sehr nett...* (Было бы очень мило...), *Es wäre klasse...* (Было бы здорово...) или вопросительных конструкций – *Kannst du bitte in die Apotheke gehen und mir was bringen* (Не мог бы ты сходить в аптеку и принести мне что-нибудь?). Предположительно данные способы создают благоприятную среду для адресата, от которого тем самым ожидается исполнение интенции с большей долей вероятности.

ПРОСЬБА (BITTE)

„Bitte – an jemanden gerichteter Wunsch“ [Duden URL].

Говорящий обращается к слушателю и призывает его выполнить определенные желания и нужды. Эмоциональная составляющая при этом отсутствует.

Этот иллокутив используется в быту, а также в общении на официально-деловом уровне. Использование РА просьбы в первом случае обуславливается его нейтральным, безэмоциональным характером. В какой-то степени просьбу можно считать мольбой, которая облекается в официальную форму. На бытовом уровне просьба употребляется преимущественно в разговоре с незнакомыми или малознакомыми людьми, где отношения носят дистантный характер.

В РА просьбы позиция адресанта является нижестоящей. Адресат решает сам, стоит ли удовлетворять просьбу. Однако последствия подобного выбора напрямую зависят от положения говорящего в обществе. При рассмотрении официально-деловых отношений высока вероятность развития конфликтной ситуации при отказе в просьбе, если адресантом выступает начальник, а адресатом – подчиненный. Обратная ситуация – при обмене ролей – маловероятна.

Просьба зачастую выражается вопросительной конструкцией – *Kannst du mir vielleicht zehn Euro bis morgen ausleihen* (Не мог бы ты одолжить мне десять евро до завтра?), однако также она может быть выражена в форме императива – *Bring mir bitte meine Brille* (Принеси, пожалуйста, мои очки).

ТРЕБОВАНИЕ (FORDERUNG)

„Forderung – nachdrücklich zum Ausdruck gebrachter Wunsch, Anspruch“ [Duden URL].

Требование. Говорящий выражает определенное желание в категорической, решительной форме. Этот директив основан на том, что адресат не хочет выполнять определенное действие, но он должен это сделать.

В официально-деловой сфере употребление требования подкрепляется документами, регламентами, актами и т.д. Другими словами, требование должно иметь законную силу. В бытовом общении использование данного иллокутива обуславливается наличием иерархии.

Если требование не выполняется, адресат отказывается что-то делать или не спешит что-то выполнять, это обязательно ведет к последствиям, которые носят для него негативный характер.

Вербальные формы для выражения требования выбираются с учетом определенной ситуации. В быту обычно используются предложения, которые означают условие. Начинаются они с *wenn* – *Wenn wir weiter Freunde bleiben wollen, will ich, dass du keine solchen Witze mehr machst* (Если мы хотим остаться друзьями, я хочу, чтобы ты перестал так шутить). Условие, которое обозначено в

высказывании, категорично. Обязательно озвучиваются последствия, которые ждут адресата при невыполнении требования.

ТРЕБОВАНИЕ С УГРОЗОЙ (DROHENDES VERLANGEN)

Требование с угрозой – это выраженное категорически желание. При неисполнении такого требования адресата ждут серьезные последствия, которые обязательно будут носить негативный характер.

Требование с угрозой можно рассматривать как оттенок или разновидность требования. Выделение его как самостоятельного речевого акта оправдано дифференциальными просодическими признаками, которые отличают требование с угрозой от других однонаправленных речевых актов. Как отмечает Л. Г. Карандеева, для эффективной реализации требования говорящий часто прибегает к разным тактикам, преимущественно к тактике угрозы [Карандеева 2006: 51]. Таким образом, требование с угрозой можно расценивать как наиболее категоричную, крайнюю форму требования.

Вероятность результативной реакции на угрожающее требование крайне высока за счет устрашающего эффекта.

Применение данного вида директива в области официально-деловых отношений может быть обусловлено крайней необходимостью и важностью исполнения требования. То же самое объяснение можно отнести и к бытовому общению, однако в данной сфере применение такого РА сигнализирует об уже ухудшившихся отношениях, когда адресату ставится жесткий ультиматум.

В процессе воспроизведения иллокутивов выбираются конструкции, которые означают определенное условие. Они начинаются с *wenn*. Пример: *Wenn du das noch jemandem erzählst, dann passiert was* (Если ты расскажешь об этом кому-то другому, что-то будет). В требовании с угрозой содержится не только условие, но и указание на последствия, которые ждут адресата. *Wenn noch irgendetwas wegkommt, das mir gehört, dann gehe ich zur Polizei* (Если что-то еще, что принадлежит мне, пропадет, то я иду в полицию).

Обобщение вышеизложенного позволяет утверждать, что в просьбе и мольбе реализуется намерение субъекта, который занимает нижестоящую позицию. При этом адресат является вышестоящим. Именно поэтому исполнение мольбы и просьбы необязательно. Если употребляется требование и требование с угрозой, ситуация абсолютно обратная. Интенция направляется к нижестоящему от вышестоящего. Осуществить намерение нужно обязательно. Определенный иллокутив выбирается с учетом характера общения – неофициального или официального. Выявить стилистические варианты директивного речевого акта можно только в том случае, если учтены все перечисленные факторы: сфера общения, ролевые отношения между адресатом и адресантом, определенные отношения участников коммуникации к совершаемому действию.

Важно сказать, что достаточно часто сложно дифференцировать просьбу, мольбу, требование и требование с угрозой. Например, фраза *Ich will nicht, dass du so spät noch Gitarre spielst* (Я не хочу, чтобы ты так поздно играл на гитаре) может быть одним из вышеуказанных иллокутивных актов. Тот или иной лексико-семантический комплекс может быть одновременно просьбой, мольбой, требованием и требованием с угрозой. Для разграничения этих речевых актов используется просодия. Темп, громкость, мелодия являются основными отличительными признаками.

Являясь иллокутивными концептами, подтипы директивного речевого акта – просьба, мольба, требование и требование с угрозой – обладают определенными признаками, которые позволяют их разграничить. Если говорящий будет знать различия между вышеуказанными подтипами директива, он достигнет нужного результата. Слушающий при принятии концепта будет определенным образом на него реагировать, с учетом характеристик данного концепта.

Р. Конрадом подчеркивается наличие особых ситуативных условий успешности, присущих каждому РА. Положительная реализация этих условий может быть достигнута в случае употребления предложения как иллокутива в

соответствии с некоторой его основной функцией [Конрад 1985: 355]. Иными словами, корректное использование речевого акта, удовлетворяющего условиям конкретной ситуации, увеличивает шансы на достижение коммуникативной цели.

Однонаправленные РА зачастую сложно отличить друг от друга, что может привести к неправильной идентификации концепта слушающим. Существенным фактором, разграничивающим данные иллокутивы, выступает просодия, что было установлено в ходе экспериментально-фонетического исследования. Предположительно просодические дифференциальные характеристики каждого иллокутива позволят адресату правильно интерпретировать РА, а адресанту – выбрать соответствующий ситуации РА.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Прагматика рассматривает язык в качестве инструмента для достижения целей. Речевой акт предстает как единица речевой коммуникации, направленная на достижение общих коммуникативных краткосрочных или долгосрочных целей. Речевой акт, будучи сложным явлением (обладает целью, иллокутивной силой, иерархией), может иметь различные формы выражения: мольба, просьба, требование и т.д., что обуславливает существование целого ряда таксономий, в зависимости от того, какой аспект лежит в основе классификации.

Одной из наиболее распространенных повседневных форм иллокутивов являются побудительные высказывания, в частности, директивы. Под директивами понимаются фразы, в которых заложена попытка добиться от адресата выполнения или прекращения какого-либо действия.

В рамках одного типа речевого акта могут функционировать высказывания, сходные по побудительному воздействию, но различные по характеру действия. Данная диссертационная работа нацелена на выявление дифференцирующих (просодических) признаков таких однонаправленных речевых актов директивного типа, как мольба, просьба, требование и требование с угрозой.

В силу того, что речевой акт реализуется в ходе вербального общения, отличительные черты упомянутых иллокутивов прежде всего необходимо выявить на уровне просодии. Просодия (интонация в широком понимании) представляет собой набор тональных, динамических и темпоральных характеристик, несущих смысло-различительную функцию. Считается, что речевой поток можно поделить на слог, синтагму и высказывание (фразу). Над синтагмой располагается интонема, которая отвечает за передачу типа отношений между звуковыми единицами. Совокупность интонем создает общий просодический рисунок фразы. Другими словами, просодия представляет собой набор интонем.

Предположительно, различная аранжировка просодических характеристик каждый раз придает новое значение высказыванию. Тем самым это позволяет

просодии влияют на то, как протекает коммуникативный процесс. Игнорирование определенных просодических признаков со стороны говорящих может привести к ухудшению отношений между ними.

Выявление отличительных признаков речевых актов во многом зависит от того, какой участок высказывания оказывается в фокусе внимания исследователя. В рамках данного экспериментально-фонетического исследования их обнаружение осуществлялось в предтакте, ритмическом корпусе и затакте. ЧОТ, интенсивность и длительность выступили в качестве главных параметров, позволяющих выявить дифференциальные признаки.

Обнаружение отличительных черт в семантике и формальном выражении иллокутивов, т.е. позволяющим разграничивать один речевой акт от другого, тем самым свидетельствует об их статусе как особых концептуальных систем. От правильно воспроизведенного и воспринятого концепта (т.е. от понимания говорящим и слушающим, что из себя представляет конкретный концепт, включая его просодическую составляющую) может зависеть достижение поставленной коммуникативной цели.

Концепт в данном исследовании рассматривается в рамках когнитивного подхода, который определяет концепт как ментальный образ, гештальт, единицу оперативной памяти, обладающую структурой и образующуюся в результате познавательной деятельности индивидуумов. Вопрос о форме вербализации концепта, т.е. в какую форму облачается ментальное представление во время его воспроизведения, по-прежнему остается дискуссионным. Диапазон вербализации концепта может варьироваться между словом и целым предложением.

Несмотря на достаточно всестороннее изучение концепта, на настоящий момент в лингвистике не получили исчерпывающего описания концепты, которые формируются просодией и выражают конкретные речевые действия. Концептуализация речевых актов через призму просодии позволяет разграничивать многочисленные однонаправленные иллокутивные акты, в том

числе директивного типа, что способствует, вероятно, более успешному исходу диалога.

ГЛАВА II. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПРОСЬБЫ, ТРЕБОВАНИЯ, МОЛЬБЫ И ТРЕБОВАНИЯ С УГРОЗОЙ

§ 1. Экспериментальный материал

Выявление просодических характеристик иллокутивных актов основывается на экспериментальном материале, в качестве которого выступали высказывания, произнесенные носителями немецкого языка, владеющие его произносительными нормами.

В исследовании было задействовано пять носителей немецкого языка – трое мужчин и две женщины. Все испытуемые – студенты и сотрудники Вюрцбургского университета, в возрасте от 23 до 26 лет, постоянно проживающие в Германии на территории земли Бавария.

На первом этапе исследования создавался авторский корпус единиц – фрагменты высказываний, которые предположительно способны выражать мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой (всего 566 единиц). Далее в поисковой системе Google определялась частотность таких фрагментов, анализировался контекст их употребления. Отбирались фрагменты, в которых контекстное окружение поддерживало предположительную семантику мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой. На основе подобных фрагментов конструировались ситуации, которые предположительно подтверждали то, в каком значении употреблены речевые акты, означают ли они мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой.

Носители языка должны были произнести фрагменты, которые им предложили. При этом нужно было выразить просьбу, мольбу, требование, требование с угрозой. Высказывания записали два раза. Материалы записывались в студии, при этом использовались дисковый пишущий проигрыватель (Sony MDS – JE 510), высокочастотный микрофон (Sennheiser – E 865), пульт (Behringer Eurorack MX 1602 A).

До выполнения данного задания носители немецкого языка были проинструктированы на их родном языке следующим образом: «Sprechen Sie die Äußerungen so aus, dass sie der Situation von Flehen, Bitten, Verlangen und drohenden Verlangen entsprechen. Um Missverständnisse zu vermeiden, werden im Folgenden Definitionen dieser Sprechakte aufgeführt. Jede Äußerung muss zweimal ausgesprochen werden» (Озвучьте высказывания так, чтобы они соответствовали ситуации мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой. Во избежание ошибочного понимания ниже приводятся определения данных речевых актов. Каждое высказывание необходимо озвучить дважды).

Мольба. Говорящий стремится к тому, чтобы адресат выполнил то, о чем он его просит. Адресант осуществляет это упорно, смиренно, настойчиво. При этом он сразу же ставит себя в позицию ниже по отношению к слушателю. Адресат не обязан выполнять мольбу, он занимает вышестоящую позицию. Он сам принимает решение и реагирует на мольбу тем или иным образом – отрицательно или положительно. Однако успешность реализации данного иллокутива во многом зависит и от говорящего, т.е. от того, насколько эффективно он смог реализовать интенцию.

- 1) *Es wäre klasse, wenn du mir dieses Buch heute Abend geben könntest* (Было бы здорово, если бы ты смог дать мне эту книгу сегодня вечером);
- 2) *Es wäre sehr nett von dir, wenn du mir dein Heft mal geben könntest* (Было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты смог дать мне свой блокнот);
- 3) *Kannst du vielleicht meinen Computer anschauen und mir helfen?* (Может быть, ты сможешь посмотреть мой компьютер и помочь мне?);
- 4) *Kannst du bitte in die Apotheke gehen und mir was bringen?* (Не мог бы ты сходить в аптеку и принести мне что-нибудь?);
- 5) *Könntest du vielleicht noch die anderen fragen, ob sie meine Geldbörse gesehen haben?* (Не мог бы ты спросить остальных, видели ли они мой бумажник?);
- 6) *Wäre es vielleicht möglich, einmal von deinem Handy anzurufen?* (Можно будет один раз позвонить с твоего мобильного телефона?).

Просьба. Говорящий обращается к адресату и призывает его выполнить определенные желания и удовлетворить нужды. Эмоциональная составляющая в высказывании отсутствует. Позиция адресанта – нижестоящая. Адресат сам решает, стоит ли удовлетворять просьбу. Однако последствия подобного выбора напрямую зависят от положения говорящего в обществе. В официально-деловой сфере высока вероятность развития конфликтной ситуации при отказе в просьбе, если адресантом выступает начальник, а адресатом – подчиненный. Обратная ситуация – при обмене ролей – маловероятна.

- 1) *Könntest du vielleicht in einen Supermarkt gehen und einen Kuchen kaufen?* (Ты не мог бы пойти в супермаркет и купить торт?);
- 2) *Wärst du vielleicht bereit, mit den nötigen Zutaten mitzubringen?* (Не мог бы ты взять с собой необходимые ингредиенты?);
- 3) *Kannst du mir vielleicht zehn Euro bis morgen ausleihen?* (Не мог бы ты одолжить мне десять евро до завтра?);
- 4) *Kannst du mir mal mit der Übersetzung helfen?* (Сможешь помочь мне с переводом?);
- 5) *Kannst du mir die zweite Aufgabe von diesem Blatt erklären?* (Сможешь объяснить мне второе задание на этом листе?);
- 6) *Wäre es möglich, dass du mir dieses Programm auf CD brennst?* (Не мог бы ты записать мне эту программу на CD?).

Требование. Говорящий выражает желание в категорической, очень решительной форме. Основа этого директива – стремление адресанта, чтобы адресат выполнил определенное действие. В официально-деловой сфере употребление требования подкрепляется документами, регламентами, актами и т.д. Другими словами, требование должно иметь законную силу. В бытовом общении использование данного иллокутива обуславливается наличием иерархии. Если адресат не выполняет, отказывается или медлит с выполнением высказанного требования, это обязательно ведет к тому, что для него наступают негативные последствия.

- 1) *Wenn du das nächste Mal hier rauchst, machst du entweder das Fenster auf, oder du gehst nach draußen* (В следующий раз, когда будешь курить здесь, либо открой окно, либо выйди на улицу);
- 2) *Wenn wir weiter Freunde bleiben wollen, will ich, dass du keine solche Witze mehr machst* (Если мы хотим остаться друзьями, я хочу, чтобы ты перестал так шутить);
- 3) *Entweder reparierst du den alten Wasserkocher, oder du kaufst einen neuen* (Либо ты ремонтируешь старый чайник, либо покупаешь новый);
- 4) *Ich will nicht, dass du so spät noch Gitarre spielst* (Я не хочу, чтобы ты так поздно играл на гитаре);
- 5) *Wenn du dir sowas ansehen willst, kauf dir einen eigenen Fernseher* (Если хочешь это смотреть, купи себе свой телевизор);
- 6) *Stell die Musik leiser, weil ich morgen eine wichtige Klausur habe* (Убавь музыку, потому что завтра у меня важный экзамен).

Требование с угрозой – это желание, которое выражено категорически. При неисполнении его адресатом для него наступают последствия, которые носят негативный характер. Требование с угрозой можно рассматривать как оттенок или разновидность требования. Выделение его как самостоятельного речевого акта оправдано дифференциальными просодическими признаками, которые отличают требование с угрозой от других однонаправленных речевых актов. Требование с угрозой – это крайняя форма требования, которая выражается категорически.

- 1) *Wenn du nicht einsiehst, die Küche und das Bad sauberzumachen, dann fliegst du raus* (Если ты не согласен убирать кухню и ванную, тогда на выход);
- 2) *Wenn du noch einmal nicht zur Probe erscheinst, kannst du nicht mehr mitspielen* (Если ты снова не явишься на репетицию, ты больше не сможешь играть);
- 3) *Wenn es irgendwann noch einmal passiert, melde ich es dem Vermieter* (Если это когда-нибудь повторится, я сообщу об этом арендодателю);

- 4) *Wenn noch irgendetwas wegkommt, das mir gehört, dann gehe ich zu Polizei* (Если что-то еще, что принадлежит мне, пропадет, то я иду в полицию);
- 5) *Wenn du mir morgen meinen Kassettenrekorder nicht bringst, dann werde ich dir nie mehr meine Sachen ausleihen* (Если ты завтра не принесешь мне мой магнитофон, я больше никогда не одолжу тебе свои вещи);
- 6) *Wenn du das noch jemandem erzählst, dann passiert was* (Если ты расскажешь об этом кому-то другому, что-то будет).

В итоге было получено 135 фраз (продолжительностью звучания около 27 минут). Общая численность всех слогов составила приблизительно 2200. Полученный материал в дальнейшем подвергался обработке по методике, принятой в экспериментально-фонетических исследованиях Московского государственного института международных отношений (МГИМО).

§ 2. Методика проведения экспериментального исследования

Методика исследования представляет собой комплексный анализ: слуховой, акустический, математико-статистический и сопоставительный. Исследование включало следующие этапы:

- 1) Слуховой эксперимент с носителями немецкого языка, имеющими навык аудирования, и русскими преподавателями-фонетистами немецкого языка;
- 2) Акустический анализ экспериментальных фраз, состоящий из:
  - а) записи материала на компьютер;
  - б) фонемно-слоговой расшифровки фраз с помощью специальной программы обработки речевого сигнала;
  - в) замера и анализа акустических параметров ЧОТ, интенсивности и длительности;
  - г) математико-статистической обработки данных анализа при помощи специальной программы;

- д) сопоставления воспринимаемых качеств со статистически достоверными различиями;
- е) интерпретации результатов эксперимента.

2.1 Слуховой анализ

Обработка материала на данной стадии представляла собой двухэтапный анализ. На первом этапе было необходимо установить аутентичность исследуемых высказываний ситуации общения и правильность произносительных норм испытуемых. Эту задачу осуществляли носители немецкого языка, имеющие навык аудирования.

Исследуемые фразы были записаны на компьютер и воспроизводились перед группой auditors в трехкратном исполнении. Всем аудиторам было необходимо отнести каждый прозвучавший иллокутив к определенному речевому акту, установить аутентичность ситуации общения и корректность произносительных норм испытуемых. В бланке аудитора, куда заносились все ответы, были представлены определения каждого рассматриваемого речевого акта. Иллокутивы, которые не соответствовали вышеперечисленным требованиям, из дальнейшего исследования исключались.

В следующем этапе анализа материала принимали участие преподаватели немецкого языка – специалисты в фонетике. Они должны были:

- 1) выявить определенную иерархию ударений во фразах;
- 2) понять, как направлен тон в предтакте, затакте и ритмическом корпусе;
- 3) расставить во фразах паузы.

2.2 Акустический анализ

Для данного анализа были отобраны фразы, соответствующие нормам произношения и ситуации общения. В процессе отбора материала были исключены фрагменты с шумами и накладками, что могло отразиться на акустических

характеристиках фраз. Для выполнения анализа отобрали 115 фраз. Их общая протяженность составила 2011 слогов.

Экспериментальные фразы были переписаны на ноутбук Lenovo Ideapad 330, обладающий следующими характеристиками:

процессор – Intel(R) Core(TM) i3-7020U CPU @ 2.30GHz,

оперативная память – 8 ГБ,

HDD – 1000 ГБ,

звуковая карта – NVIDIA Virtual Audio Device (WDM),

видеокарты – Intel ® HD Graphics 620, NVIDIA GeForce MX 150.

При акустической обработке материала использовалась специальная компьютерная программа «Praat». С ее помощью возможно получение частотно-амплитудной интонограммы фразы. Также она позволяет выполнить замеры частоты тона (в герцах), интенсивности речи (в децибелах), длительности фразы (в миллисекундах, при этом период квантования составляет 20 мсек).

Для того чтобы нейтрализовать возрастные и индивидуальные различия в произношении испытуемых, было произведено нормирование полученных данных по той методике, которую предложили Б. М. Башкина и Л. Д. Бухтилов. С использованием полученных нормированных показателей были выявлены усредненные данные по рассматриваемым акустическим параметрам [Башкина, Бухтилов 1977].

Сравнительный анализ акустических характеристик проводился по следующим признакам:

1) Мелодические признаки:

а) среднедикторский уровень частоты основного тона;

б) величина и локализация максимального и минимального значения ЧОТ в исследуемой фразе;

в) диапазон тона иллюкутивных актов;

г) тональные уровни слогов начала и завершения предтакта, начала и завершения ритмического корпуса, участка каденции, начала и завершения затакта (точки А, В, С, D, Е, F, G).

2) Динамические признаки:

а) средняя амплитуда интенсивности;

б) величина и локализация максимального и минимального значения интенсивности в исследуемых фразах;

в) диапазон интенсивности;

г) уровни интенсивности слогов начала и завершения предтакта, начала и завершения ритмического корпуса, участка каденции, начала и завершения затакта (точки А, В, С, D, Е, F, G).

3) Темпоральные признаки:

а) средняя скорость артикуляции;

б) величина и локализация максимального и минимального значений слоговой длительности в исследуемых фразах.

Средний темп речевой артикуляции в целом характеризуется величиной, равной 8 слога в секунду [Блохина 1982]. Скорость артикуляции определялась в миллисекундах (мсек.) посредством деления общего времени звучания на общее количество слогов.

Нормирование абсолютных значений длительности, т.е. приведение их к одному временному масштабу, и оперирование относительными значениями длительности позволяет снять индивидуальные темповые различия и делает корректным сопоставление длительности в пределах исследуемой выборки.

Средний уровень ЧОТ устанавливался путем замера количества колебаний на гласных и сонантах на отрезках в каждые 20 мсек., и умножение его на 50 указывало на абсолютное значение искомого параметра в измеряемой точке. Абсолютные значения переводились в относительные посредством деления результата замера в конкретной точке на среднее арифметическое параметра конкретного диктора.

Частотный диапазон был определен как разница между максимальным и минимальным значениями ЧОТ иллюкутивного высказывания (в нормированных единицах).

Контур движения тона во фразе строился на основании уровневого расположения контрольных точек замера А, В, С, D, E, F, G на тональной шкале.

Интервал падения тона на стыке двух зон (предтакта и ритмического корпуса, ритмического корпуса и затакта) определялся аналогичным способом – как разность между максимальным и минимальным значениями ЧОТ, а интервал подъема – как разность между минимальным и максимальным показателями (в нормированных единицах).

Средний уровень интенсивности устанавливался по пиковым значениям признака каждого слононосителя.

Диапазон интенсивности подсчитывался аналогично диапазону ЧОТ как разность между максимальным и минимальным пиковыми значениями параметра всей фразы.

Контур развития интенсивности строился на основании максимальных значений признака в контрольных точках А, В, С, D, E, F, G на уровневой шкале интенсивности.

2.3 Математико-статистический анализ результатов эксперимента

Математические и статистические методы для обработки материала в исследованиях используются для того, чтобы объективно оценить полученные данные, определить, закономерны или случайны определенные факты. Объективные математические и статистические подсчеты позволяют правильно интерпретировать данные, полученные в ходе эксперимента.

Эксперимент в исследованиях по фонетике проводится с соблюдением принципа повторяемости. Это значит, что соблюдаются определенные условия при проведении данного эксперимента, и полученные результаты должны выявлять закономерности и особенности, которые носят общий характер.

В данном исследовании характеристики сравнивались с помощью выявления средних значений изучаемых признаков. Затем они сопоставлялись с варьирующими значениями [Герасимович 1983]. Материалы обрабатывались с помощью специальной компьютерной программы «SPSS Statistics V22.0 for Windows».

Для объединения экспериментальных данных по всем участникам эксперимента требуется их нормирование в соотношении со среднедикторскими значениями. Было выполнено вычисление среднего арифметического значения ЧОТ, длительности, интенсивности речи испытуемых.

Усредненные значения данных параметров определялись по формуле:

$$\bar{x} = \frac{\sum x_i}{n},$$

где $\bar{x}$ – значение варианты,

n – количество вариантов,

$\sum x_i$ – сумма значений.

Затем подсчитывалось среднее квадратическое отклонение варианты от средней:

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (x_i - \bar{x})^2}{n - 1}},$$

где x_i – значение варианты,

$\bar{x}$ – среднее арифметическое значение признака,

n – количество вариантов.

Степень вариативности определялась отношением среднего квадратического отклонения к средней арифметической данного признака, который умножался на 100%:

$$v = \frac{\sigma}{\bar{x}} \times 100\%,$$

где v – коэффициент вариации,

σ – среднее квадратическое отклонение,

$\bar{x}$ – среднее арифметическое значение варианты.

Коэффициент вариации применяется, когда средние показатели изучаемых групп значительно отличаются друг от друга.

Ввиду неперемного наличия расхождений между выборкой и генеральной средней при статистических подсчетах необходимо выявление средней ошибки, определяемой по формуле:

$$S = \frac{\sigma}{\sqrt{n}},$$

где S – ошибка выборочности,

σ – среднее квадратическое отклонение,

n – количество наблюдений.

Для более точного подсчёта ошибки при малом количестве вариант выборки данная формула принимает иной вид:

$$S = \frac{\sigma}{\sqrt{n-1}}.$$

При сравнении двух групп, количество вариант которых больше 30, используется формула:

$$S_d = \sqrt{Sx_1^2 + Sx_2^2}.$$

В случае, когда количество вариант меньше 30, подсчет средней ошибки производился по формуле:

$$S_d = \sqrt{\frac{\sum (x_1 - \bar{x}_1)^2 + \sum (x_2 - \bar{x}_2)^2}{(n_1 - 1) + (n_2 - 1)}} \times \frac{n_1 + n_2}{n_1 \times n_2},$$

где S_d – ошибка разницы,

x_1, x_2 – значение признака,

$\bar{x}_1, \bar{x}_2$ – среднее арифметическое значение признака,

n_1, n_2 – количество наблюдений.

Сравнение достоверности дифференциаций признака устанавливалось на основе данных, вычисленных по формуле нормированного отклонения признака от центральной тенденции:

$$t = \frac{\bar{x}_1 - \bar{x}_2}{S_d},$$

где t – нормированное отклонение,

$\bar{x}_1$ – среднее арифметическое значение первой выборки,

$\bar{x}_2$ – среднее арифметическое значение второй выборки,

S_d – ошибка разницы сравниваемых совокупностей.

При сопоставлении исследуемых просодических признаков различия считались существенными, если они соответствовали уровню значимости, равному 0,1 (90% вероятности).

Уровень значимости зависит от того, насколько надежен полученный результат. Если уровень значимости выше, он соответствует более низкому доверию к выборке. Уровень значимости – вероятность допущенной ошибки, которая связана с тем, что наблюдаемый результат распространяется на все явление. Так, если уровень значимости составляет 0,1%, это говорит о 10% вероятности, что связь, которая была найдена в выборке между переменными, случайна. Если такой зависимости нет, а эксперименты проводятся многократно, то в одном из десяти выполненных повторений стоит ожидать такую же или бóльшую зависимость, которая возникает между переменными.

§ 3. Результаты слухового анализа

Аудиторам, являющимся носителями немецкого языка, были представлены фразы для проведения эксперимента. Они в полной мере соответствовали речевым ситуациям и тем нормам произношения, которые типичны в предложенных ситуациях (Таблица 1).

Таблица 1

Степень аудитивного распознавания заданных моделей речевых актов (в %)

Распознано как	М-1	М-2	М-3	М-4
Заданные РА				

Модель М-1 Просьба	97	3	0	0
Модель М-2 Требование	0	87	13	0
Модель М-3 Мольба	0	17	77	6
Модель М-4 Требование с угрозой	0	0	3	97

Затем из эксперимента исключили фразы, которые по распознаваемости не соответствовали той ситуации, которая была задана.

Результаты выполненного анализа позволили понять, что большинство фраз, которые были предложены пользователям, идентифицировались носителями языка с учетом реализации сферы общения. Также они учитывали тип иллокутива, заданный условиями проводимого эксперимента. Это подтвердило то, что речевой материал аутентичен.

Тот факт, что фразы предъявлялись аудиторам вне контекста, обязывал их при идентификации обращать особое внимание на просодическую структуру высказываний.

Преподаватели-фонетисты отметили количество и местоположение пауз, направление движения тона во фразах, наличие слоговой выделенности. Данные, которые они смогли получить в ходе проведенного исследования, применялись в дальнейшем для того, чтобы разделить высказывания на определенные отрезки предтакта (точки А, В), ритмического корпуса (точки С, D, E) и затакта (точки F, G).

В ходе исследования были получены четыре модели рассматриваемых в данной диссертационной работе речевых актов, которым даны следующие наименования: просьба – М-1, требование – М-2, мольба – М-3 и требование с угрозой – М-4. Данные модели имеют одинаковые названия по всем трем параметрам.

§ 4. Просодические признаки директивных речевых актов

4.1. Частотные характеристики

Количество релевантных отличительных тонов варьируется от двух до семи. Наиболее приемлемым является выделение пяти дискретных лингвистически релевантных тональных позиций: низкой, полунизкой, высокой, полуввысокой, нейтральной. Они отражены в тех графиках, которые приводятся ниже (Графики 1,2,3,4)

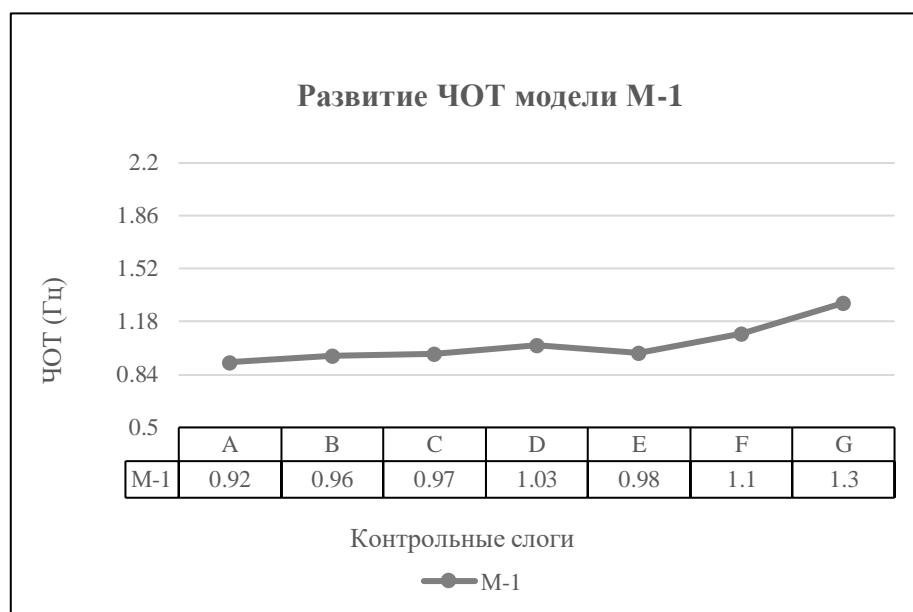
Частотные признаки семи релевантных точек модели М-1 представлены в Таблице 2.

Таблица 2

**Значения ЧОТ релевантных точек модели М-1
(в Гц и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
Гц	196	208	208	213	209	222	270
Отн. ед.	0,92	0,96	0,97	1,03	0,98	1,1	1,3

Уровень средней частоты этой модели составляет 1,04. В Графике 1 нашли отражение отличительные признаки частоты основного тона релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

Максимальный показатель исследуемого признака приходится на финальный слог затакта (точка G), который равен 1,3. Минимальный параметр, равный 0,92, зафиксирован в начале фонации (точка A).

Расхождение между максимальным и минимальным уровнями тона данной модели соответствует показателю 0,38. Несмотря на существенное расхождение на протяжении почти всей фразы, за исключением последней точки, наблюдаются примерно одинаковые показатели. Реализация частотных характеристик данной модели осуществляется преимущественно на втором значимом уровне, а также на третьем.

Контур мелодических изменений данной модели представляет собой практически прямую горизонтальную линию, лишь после прохождения ядерного слога (точка E) кривая начинает резкий подъем. Разница между ядерным слогом (точка E) и последней точкой затакта (точка G) составляет 0,32.

Для данного речевого акта характерен плавный, но к концу фонации стремительно восходящий контур.

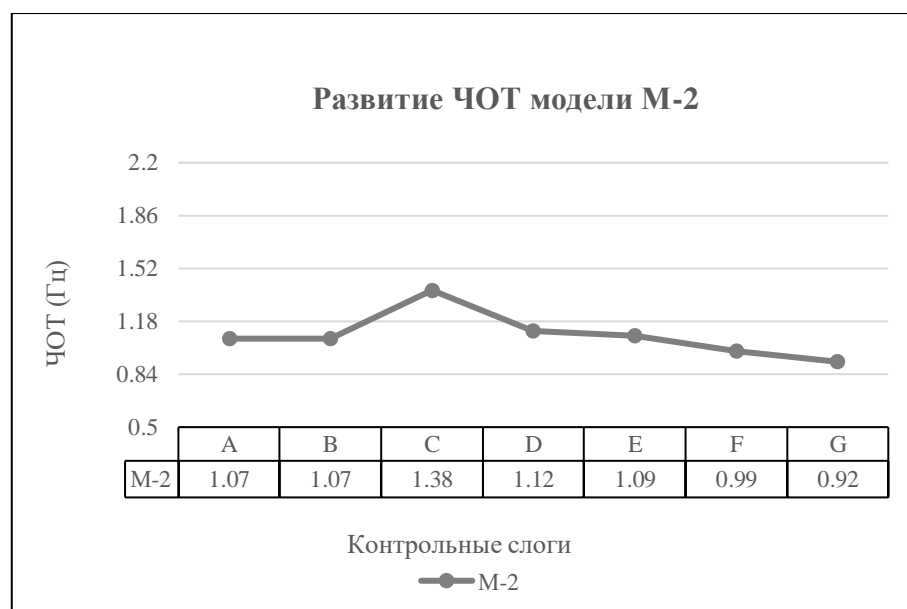
Частотные признаки семи релевантных точек модели M-2 представлены в Таблице 3.

**Значения ЧОТ релевантных точек модели М-2
(в Гц и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
Гц	186	189	239	195	192	175	162
Отн. ед.	1,07	1,07	1,38	1,12	1,09	0,99	0,92

Средний уровень ЧОТ данной модели составляет 1,09. Признаки ЧОТ релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта отражены в Графике 2.

График 2

Максимальный параметр данной модели отмечен в инициальном слоге ритмического корпуса – в точке С (1,38). Минимум зафиксирован в финальной точке Г, которая равна 0,92.

Расхождение между максимальными и минимальными мелодическими значениями данной модели составляет 0,46 в относительных единицах. Частотные характеристики исследуемой модели реализуются в диапазоне второго (преимущественно) и третьего значимых уровней.

Весь предтакт (точки А и В) отмечает стабильно ровное движение кривой. К началу ритмического корпуса наблюдается резкий скачок на 0,31. После точки С

происходит резкий скачок вниз на 0,26. Далее вплоть до завершения фонации отмечается плавное движение кривой вниз.

Данная модель представляет собой одновершинный контур.

Частотные признаки семи релевантных точек модели М-3 представлены в Таблице 4.

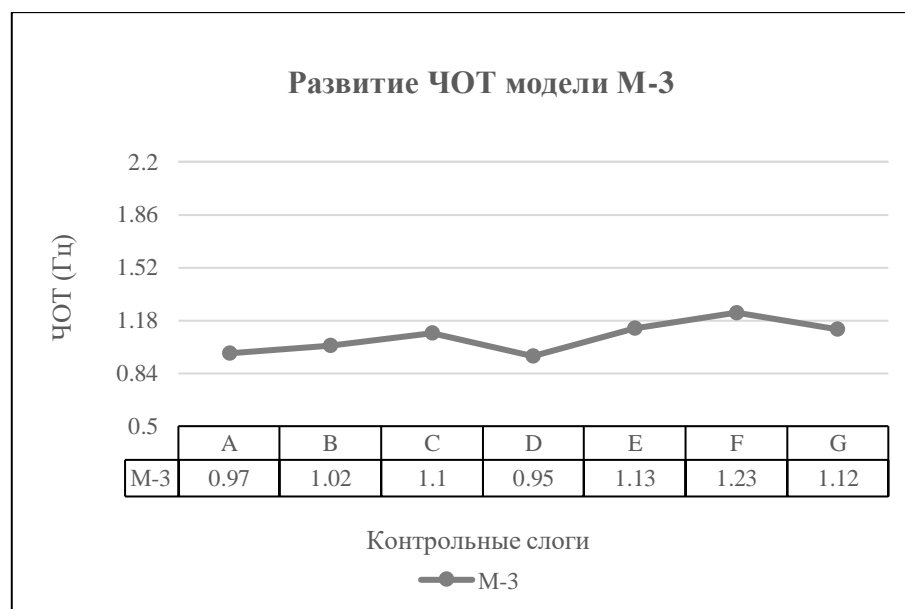
Таблица 4

**Значения ЧОТ релевантных точек модели М-3
(в Гц и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
Гц	184	202	205	182	212	227	211
Отн. ед.	0,97	1,02	1,1	0,95	1,13	1,23	1,12

Среднечастотный уровень данной модели в относительных единицах соответствует показателю 1,07. В Графике 3 нашли отражение показатели частоты основного тона релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

График 3

Максимальный и минимальный показатели искомого признака приходятся на уровень каденции – точка Д (минимум) со значением 0,95 и точка Ф (максимум), равная 1,23.

Расхождение между максимальными и минимальными значениями данной модели составляет 0,28 (в относительных единицах). Реализация характеристик ЧОТ осуществляется преимущественно на втором уровне, затакт слегка поднимается до третьего уровня.

На протяжении практически всего звучания данной модели наблюдается плавный подъем, лишь в точках D и G кривая идет на спад. С точки C до точки D падение кривой происходит на 0,15 (в относительных единицах). Далее приблизительно на таком же уровне происходит и подъем кривой с точки D до ядерного слога (точка E). В затакте зафиксировано второе падение кривой с точки F до точки G (на 0,11).

Характерная особенность данного иллокутивного акта состоит в восходяще-нисходящем контуре, который наблюдается дважды на протяжении всего развертывания высказывания.

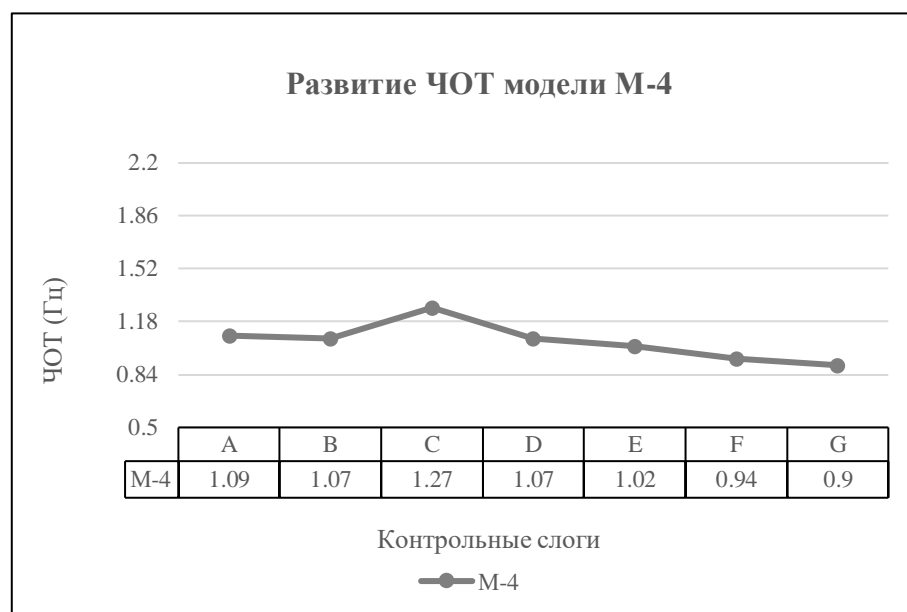
Частотные признаки семи релевантных точек модели М-4 представлены в Таблице 5.

Таблица 5

**Значения ЧОТ релевантных точек модели М-4
(в Гц и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
Гц	200	198	226	198	192	182	176
Отн. ед.	1,09	1,07	1,27	1,07	1,02	0,94	0,9

Средний уровень ЧОТ данной модели составляет 1,05 (в относительных единицах). В Графике 4 отражены признаки ЧОТ релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

Максимальный параметр данной модели отмечен в первом ударном слоге (точка С) со значением 1,27. Последний слог в затакте (точка G) обнаруживает минимальное значение (0,9).

Расхождение между максимальным и минимальным уровнями тона данной модели соответствует показателю 0,37 в нормированных единицах. Характеристики ЧОТ данной модели реализуются на втором уровне, лишь точка С достигает третьего уровня.

Контурсы данной модели повторяют характеристики обычного требования. Разница заключается лишь в плавности движения кривой. Тон требования с угрозой повышается при переходе на ритмический корпус на 0,2 и с таким же значением понижается после прохождения первого ударного слога (точка С).

Как и требование, данная модель представляет собой одновершинный контур.

Таким образом, максимальный показатель зафиксирован у модели М-2, который составляет 1,38. Минимум отмечен у модели М-4, который равен 0,9. Мелодические контурсы всех моделей преимущественно разворачиваются на втором уровне тональной шкалы.

4.2. Характеристики интенсивности

Динамические признаки семи релевантных точек модели М-1 представлены в Таблице 6.

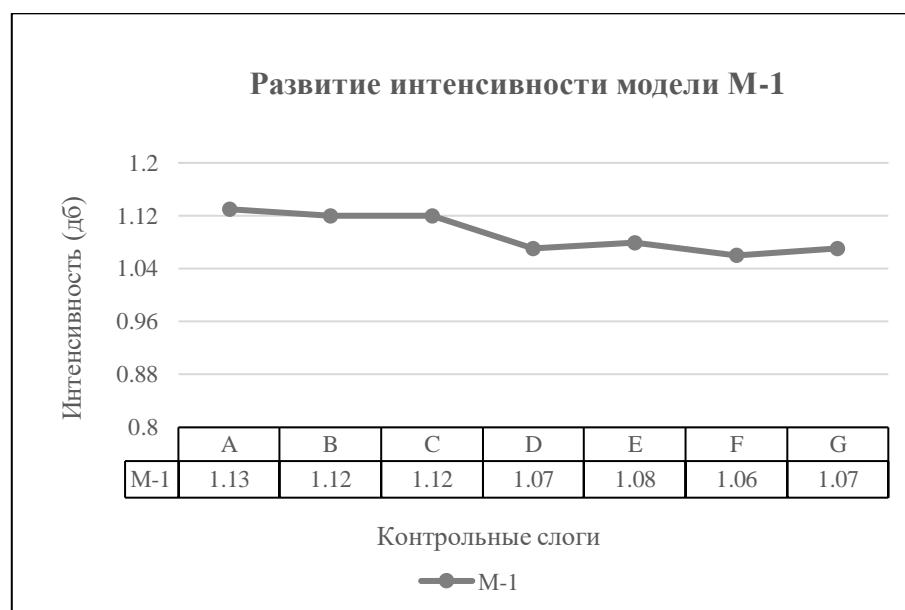
Таблица 6

**Значения интенсивности релевантных точек модели М-1
(в дБ и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
дБ	73	72	72	69	70	68	69
Отн. ед.	1,13	1,12	1,12	1,07	1,08	1,06	1,07

В данной модели средний показатель амплитуды интенсивности составляет 1,09. В Графике 5 отражена интенсивность релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

График 5

Максимальный показатель данной модели зафиксирован в начале фонации – в точке А – и равен 1,13. Точки В и С незначительно отличаются от пикового значения, они равны 1,12. Минимум отмечен в затакте (точка Ф) и составляет 1,06.

При этом показатель различия между минимумом и максимумом интенсивности, выраженный в относительных единицах, равен 0,07. Данный

показатель незначителен. Интенсивность рассматриваемой модели реализована в пятом и четвертом уровнях.

Контур движения имеет вид плавной нисходящей линии (в самом конце фонации она немного идет вверх).

Динамические признаки семи релевантных точек модели М-2 представлены в Таблице 7.

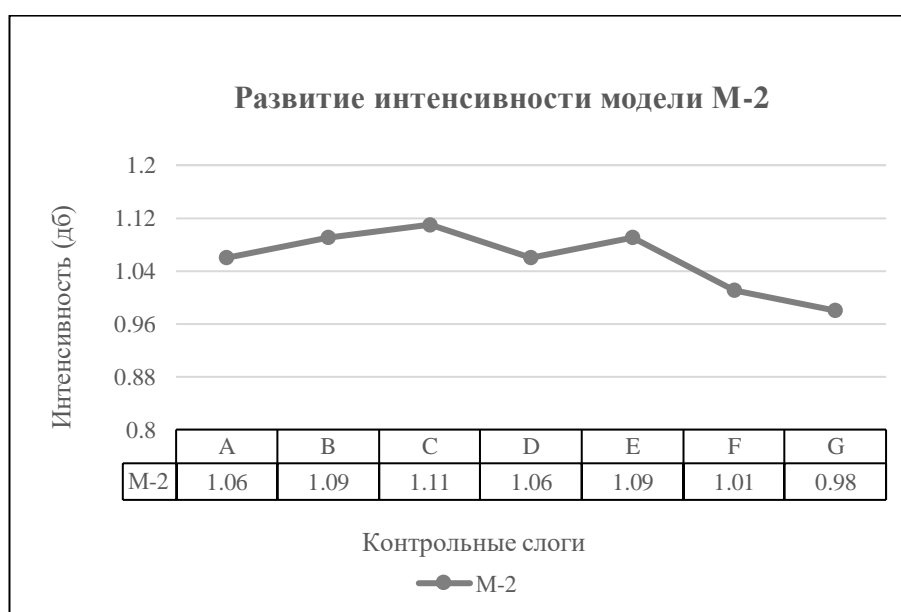
Таблица 7

**Значения интенсивности релевантных точек модели М-2
(в дБ и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
дБ	71	73	74	71	73	68	67
Отн. ед.	1,06	1,09	1,11	1,06	1,09	1,01	0,98

Интенсивность (ее средняя амплитуда) составляет 1,06. В Графике 6 нашли отражение признаки интенсивности релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакт.

График 6

Максимальный параметр исследуемого признака приходится на начало ритмического корпуса (точка С) и равен 1,11. В затакте находится минимальный показатель (точка G), равный 0,98.

Расхождение между максимальными и минимальными показателями данной модели составляет 0,13 (в относительных единицах). Характеристики интенсивности реализуются в диапазоне третьего и четвертого значимых уровней.

С начала фонации до начала ритмического корпуса (точки А, В и С) кривая идет вверх, после чего наблюдается спад, за которым сразу следует подъем динамического признака. После ядерного слога (точка Е) кривая стремительно движется вниз до конца затакта на 0,11.

Для представленной модели характерно зигзагообразное движение кривой, в результате которого образуются две вершины – в первом ударном слоге (точка С) и ядерном слоге (точка Е).

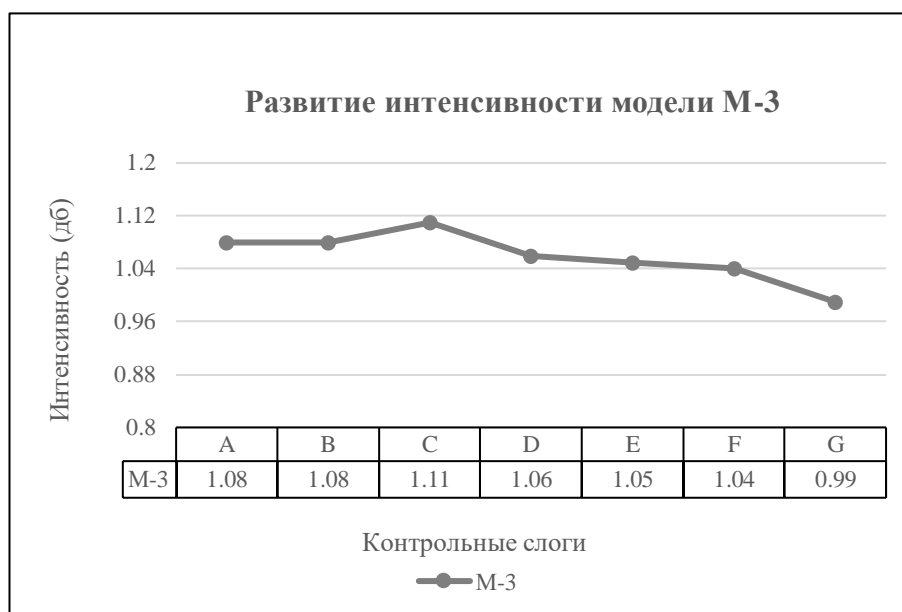
Динамические признаки семи релевантных точек модели М-3 представлены в Таблице 8.

Таблица 8

**Значения интенсивности релевантных точек модели М-3
(в дБ и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
дБ	73	73	75	72	71	70	67
Отн. ед.	1,08	1,08	1,11	1,06	1,05	1,04	0,99

Амплитуда интенсивности (среднее значение) составляет 1,06. На Графике 7 можно увидеть интенсивность релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

Максимальный показатель интенсивности данной модели отмечен в точке С и составляет 1,11. Минимум зафиксирован в точке G (0,99).

Разница между максимальными и минимальными параметрами представленной модели составляет 0,12 (в относительных единицах). Характеристики интенсивности реализуются в диапазоне третьего и четвертого значимых уровней.

Особенность кривой мольбы заключается в константно нисходящем движении, за исключением начала ритмического корпуса (точка С), где кривая несколько поднимается.

Динамические признаки семи релевантных точек модели М-4 представлены в Таблице 9.

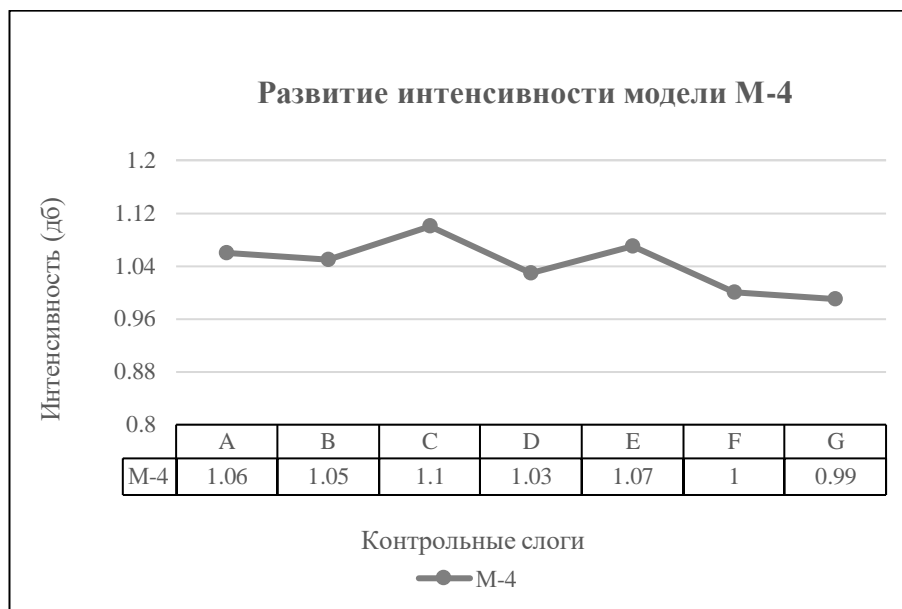
Таблица 9

**Значения интенсивности релевантных точек модели М-4
(в дБ и относительных единицах)**

	A	B	C	D	E	F	G
дБ	73	72	76	71	73	72	72
Отн. ед.	1,06	1,05	1,1	1,03	1,07	1	0,99

Амплитуда интенсивности этой модели (среднее значение в относительных единицах) равна 1,04. На Графике 8 можно увидеть интенсивность релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

График 8

Пиковый параметр исследуемого признака зафиксирован в точке С (равен 1,1). Кроме этого значимо выделенная точка находится в главноударном слоге (точка Е), вместе с точкой С образуя двухвершинный контур. Минимум можно обнаружить сразу в двух точках в затакте (точки F и G), значения которых практически идентичны – равны 1 и 0,99 соответственно.

Расхождение между максимальными и минимальными значениями данной модели в нормированных единицах составляет 0,11. Характеристики интенсивности требования с угрозой реализуются в диапазоне третьего и четвертого значимых уровней.

Наиболее существенный перепад наблюдается в ритмическом корпусе с точки С на D (на 0,07). Менее заметные перепады происходят на протяжении всего высказывания, преимущественно затрагивая зону ритмического корпуса.

Особенность данной модели заключается в форме зигзагообразной двухвершинной кривой, которая к концу фонации идет на спад.

Таким образом, пиковое значение (1,13) зафиксировано у модели М-1, причем в самом начале фонации. Примечательно, что чуть меньшие показатели, равные 1,12, также принадлежат этой модели. Минимальные показатели зафиксированы сразу в трех моделях: М-2, М-3 и М-4, они составляют 0,98, 0,99 и 0,99 соответственно. Эти же модели расположены на третьем и четвертом значимых уровнях, в отличие от М-1, которая проходит с пятого по четвертый уровень.

4.3. Характеристики длительности

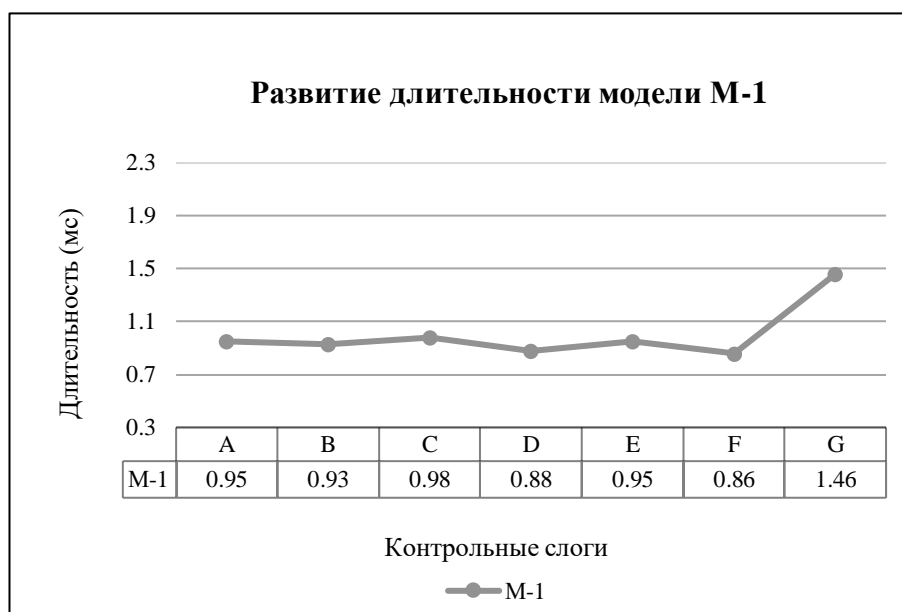
Темпоральные признаки семи релевантных точек модели М-1 представлены в Таблице 10.

Таблица 10

**Значения длительности релевантных точек модели М-1
(в мсек. и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
мсек.	0,231	0,227	0,239	0,212	0,231	0,210	0,358
Отн. ед.	0,95	0,93	0,98	0,88	0,95	0,86	1,46

Показатель средней скорости фонации данной модели равен 343 слога в минуту (6 слогов в секунду), или 0,263 мсек., что является темпом произнесения ниже среднего. На Графике 9 представлены темпоральные признаки релевантных точек предтакта, ритмического корпуса и затакта.

Максимальный показатель слоговой длительности зафиксирован в конце фонации (точка G) – 1,46. Минимальный параметр отмечен в точке F (0,86), однако кардинально он не отличается от всех остальных точек по показателям.

Средняя длительность контрольных слогов составляет 1.

Ввиду того что все показатели не имеют значительных отличий, кривая длительности характеризуется плавным движением на протяжении всей фонации фразы, лишь на последнем контрольном слоге она резко поднимается. Темп в затакте замедляется практически в два раза.

Темпоральные признаки семи релевантных точек модели М-2 представлены в Таблице 11.

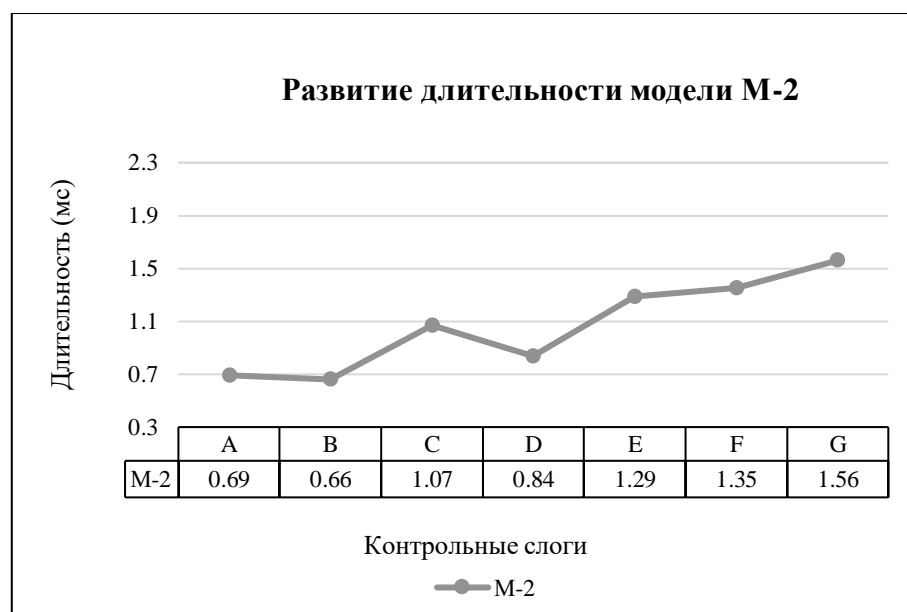
Таблица 11

**Значения длительности релевантных точек модели М-2
(в мсек. и относительных единицах)**

	A	B	C	D	E	F	G
мсек.	0,160	0,149	0,241	0,187	0,291	0,306	0,351
Отн. ед.	0,69	0,66	1,07	0,84	1,29	1,35	1,56

Показатель средней скорости фонации для данной модели равен 314 слогам в минуту (5 слогов в секунду), или 0,344 мсек., что является темпом произнесения ниже среднего. На Графике 10 можно увидеть среднюю слоговую длительность релевантных точек.

График 10

Пик слоговой длительности приходится на последнюю точку звучащей фразы (точка G) – 1,56. Минимальный показатель находится в предтакте в точке B – 0,66.

Показатель средней скорости фонации контрольных слогов составляет 1,07.

Кривая требования представляет собой постепенно восходящую линию. Лишь в точке D происходит ускорение высказывания. Общий характер данного речевого акта – быстрое произнесение в начале фразы и замедление темпа к ее концу. Кроме этого фраза замедляется в ключевых точках – первый ударный слог (точка C) и ядерный слог (точка E).

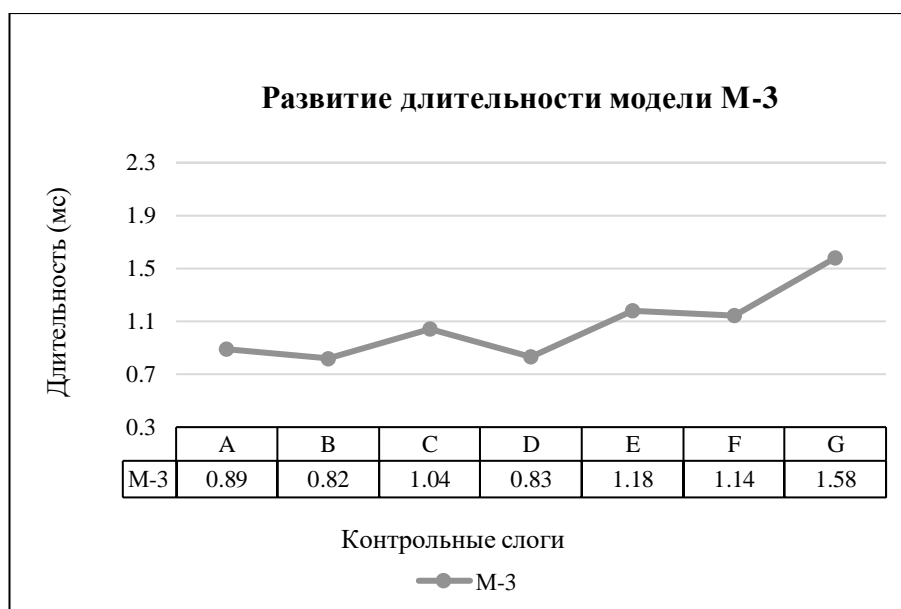
Темпоральные признаки семи релевантных точек модели М-3 представлены в Таблице 12.

Значения длительности релевантных точек модели М-3 (в мсек и относительных единицах)

	А	В	С	Д	Е	Ф	Г
мсек.	0,219	0,203	0,256	0,204	0,285	0,276	0,381
Отн. ед.	0,89	0,82	1,04	0,83	1,18	1,14	1,58

Скорость фонации иллокутива мольбы составляет 347 слогов в минуту (6 слогов в секунду), или 0,305 мсек., что является темпом произнесения ниже среднего. На Графике 11 можно увидеть временные признаки релевантных точек.

График 11

Максимальный показатель слоговой длительности отмечен в затакте – точке Г (1,58). Второй по значимости показатель приходится на ядерный слог (точка Е). Минимальные параметры можно найти сразу в трех точках – в предтакте (точки А, В) и предъядерном слоге (точка Д); разницу в значениях между ними можно считать незначительной.

Средняя слоговая длительность контрольных слогов равна 1,06 среднедикторского значения.

Кривая речевого акта мольбы имеет нисходяще-восходящую тенденцию, причем увеличение длительности звучания приходится на смысловые слоги –

первый ударный (точка С) и ядерный (точка Е). Кроме этого зафиксирован крутой подъем кривой в конце фонации.

Темпоральные признаки семи релевантных точек модели М-4 представлены в Таблице 13.

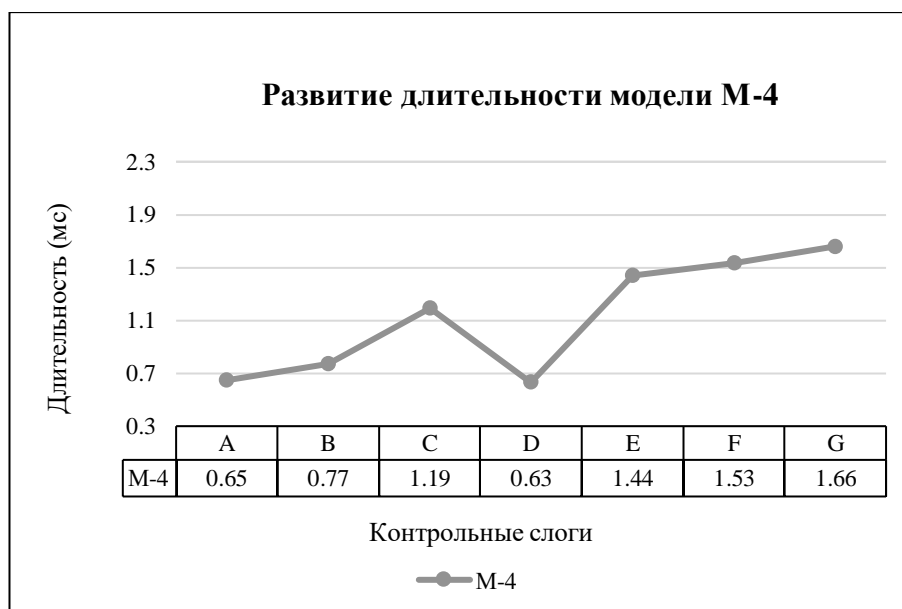
Таблица 13

**Значения длительности релевантных точек модели М-4
(в мсек. и относительных единицах)**

	А	В	С	Д	Е	F	G
мсек.	0,153	0,181	0,281	0,150	0,339	0,362	0,391
Отн. ед.	0,65	0,77	1,19	0,63	1,44	1,53	1,66

Скорость произнесения слогов требования с угрозой составляет 333 слога в минуту (5 слогов в секунду), или 0,349 мсек., что также является показателем темпа произнесения ниже среднего. На Графике 12 нашли отражение признаки средней длительности слогов точек релевантного характера.

График 12

Максимальный показатель данной модели отмечен в финальной точке (точка G), которая соответствует 1,66. Вторые по значимости показатели приходятся на

соседние точки – Е и F. Точки А и D (0,65 и 0,63 соответственно) представляют собой минимальные показатели.

Средняя скорость фонации контрольных слогов составляет 1,12 в относительных единицах.

Для предтакта и затакта характерно движение кривой вверх. От точки В до точки Е наблюдается зигзагообразное движение кривой. От точки В кривая начинает резкий подъем, после достижения точки С идет на спад, затем снова поднимается. От точки Е кривая продолжает константное движение вверх. Темп речи замедляется с самого начала фразы, исключение составляет лишь предъядерный слог, где речь ускоряется.

Таким образом, максимальные и минимальные показатели темпа отмечаются у требования с угрозой. Пиковое значение составляет 1,66, минимум равен 0,63 в относительных единицах.

§ 5. Соотношение просодических признаков директивов

5.1. Сопоставление частотных признаков

Экспериментально-фонетическое исследование позволило получить несколько моделей по тональному признаку: М-1 – просьба, М-2 – требование, М-3 – мольба и М-4 – требование с угрозой.

Модели М-1 и М-2

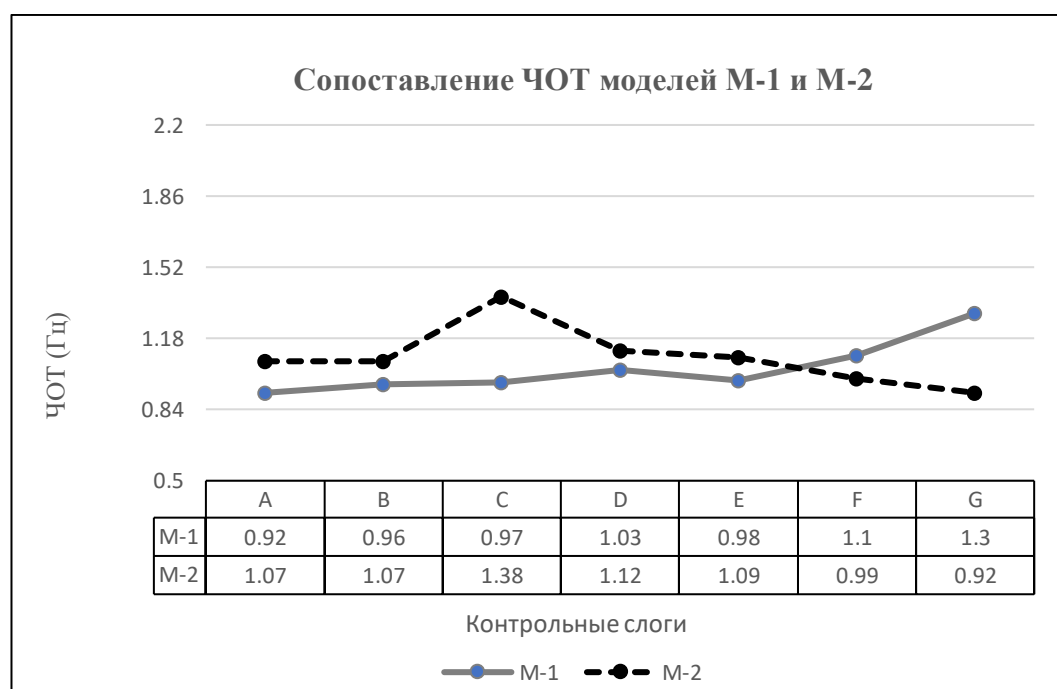
Сравнение общих усредненных значений ЧОТ моделей М-1 и М-2 показывает, что данные иллокутивные акты различаются по указанному признаку на статистически заданном уровне (90%). Показатель t-критерия Стьюдента равен 6,72, что является убедительным аргументом в пользу того, что иллокутивы принадлежат разным выборкам.

При этом диапазон тона в М-2 выше, чем в модели М-1 в 0,83 раза (0,46/0,38) (см. График 13). Диапазон тона обеих моделей преимущественно развивается на втором уровне, лишь максимальные показатели той и другой модели находятся на

третьем уровне. Максимум модели М-1 зафиксирован в затакте, модель М-2 обнаруживает свой максимальный показатель в первом ударном слоге. Для М-1 это слоги [fən], [brɪŋn], [laɛən], [hɛlfn], [kɛ:vən], [brɛ:nst] в словах *kaufen* (купить), *mitbringen* (взять с собой), *ausleihen* (одолжить), *helfen* (помочь), *erklären* (объяснить), *brennst* (записываешь), для М-2 – [nɛ:k], [vaetə], [ri:əs]t, [vi], [zɔ], [frɔ̃ndɛ], [zi:k], [nixt] в словах *nächste* (следующий), *weiter* (дальше), *reparierst* (починишь), *will* (хочу), *so* (так), *Freunde* (друзья), *Musik* (музыка), *nicht* (не). В дальнейшем при указании тех же самых, ранее описанных контрольных точек подобная процедура осуществляться не будет.

Минимальный показатель модели М-1 отмечен в начале фонации, тот же показатель М-2 зафиксирован в завершении фонации.

График 13

Мелодические контуры двух моделей имеют существенные отличия: для М-1 характерно очень плавное движение кривой, которая к концу фонации резко поднимается. Для модели М-2, напротив, отмечается менее плавное движение кривой, которая резко достигает пика в точке С и начинает спуск до конца фонации.

Были сопоставлены значения контрольных точек ЧОТ в вышеуказанных моделях. Установлено, что они принадлежат к различным выборкам. Развитие ЧОТ

происходит синхронно в предтакте и на уровне каденции – частично (точки D и E). Так, точка D в модели M-1 приходится на слоги [ku:xn], [tatn], [tse:n], [tign], [y:b], [di:zm], [auf], [mo:ɐgn] в словах *Kuchen* (торт), *Zutaten* (ингредиенты), *zehn* (десять), *nötigen* (необходимые), *Übersetzung* (перевод), *diesem* (этом), *auf* (на), *morgen* (завтра), эта же точка в модели M-2 – на слоги [hi:v], [kaufst], [gɪ], [aeg], [zɔʃn], [k[au] в словах *hier* (здесь), *kaufst* (покупаешь), *Gitarre* (гитара), *eigenen* (собственный), *solchen* (такой), *Klausur* (контрольная). Сравнительный статистический анализ показателей релевантных точек D и E не показал наличия дифференцирующих признаков на данном отрезке исследуемых иллокутивов. Различительные признаки двух рассматриваемых моделей выявлены в предтакте, инициальном слоге ритмического корпуса и затакте. Максимально статистически дифференцирован последний слог (точка G), t-критерий соответствует 4,94 (см. Таблицу 14).

Таблица 14

**Общие средние показатели ЧОТ моделей M-1 и M-2
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,92	0,96	0,97	1,03	0,98	1,1	1,3
M-1	σ	0,1377	0,2390	0,2075	0,3168	0,2985	0,1968	0,3014
	<i>v</i>	14,8	24,6	21,1	30,6	30	17,8	23,2
	<i>s</i>	0,0255	0,0443	0,385	0,0588	0,0554	0,365	0,0559
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	1,07	1,07	1,38	1,12	1,09	0,99	0,92
M-2	σ	0,2100	0,1521	0,3874	0,2963	0,1710	0,2663	0,2500
	<i>v</i>	19,7	14,2	28	26,5	15,8	26,5	26,9
	<i>s</i>	0,0412	0,0298	0,0759	0,581	0,0335	0,522	0,490

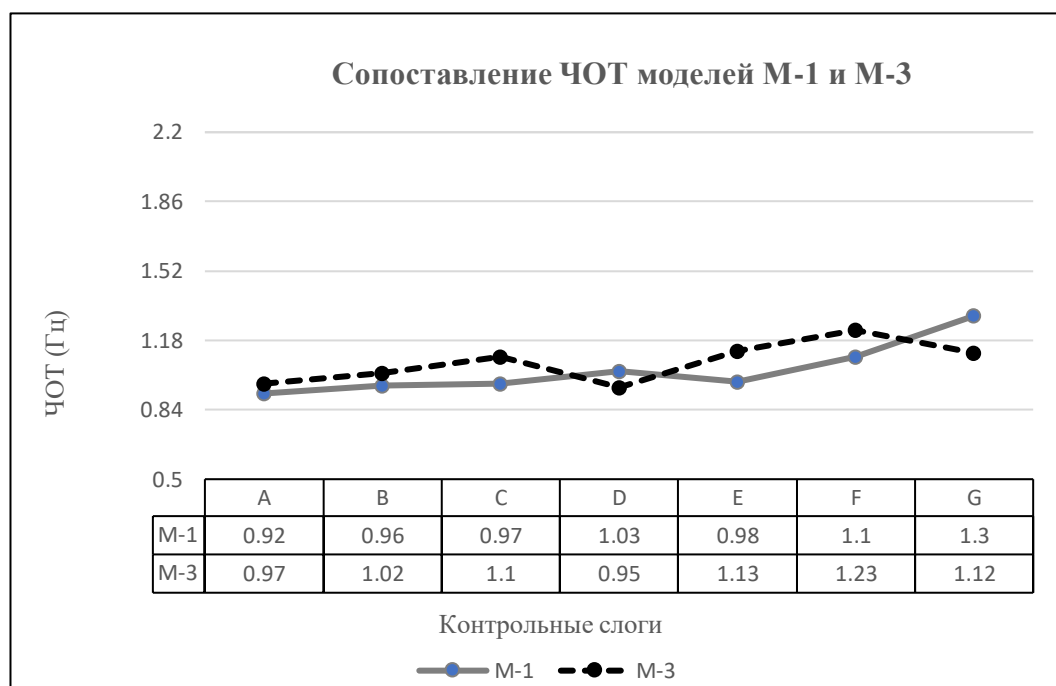

		A	B	C	D	E	F	G
	S_d	0,1339	0,0976	0,4028	0,0826	0,0862	0,1044	0,3710
	t	2,824	1,783	4,877	0,996	1,295	1,665	4,936

Модели М-1 и М-3

Статистические расчеты не подтверждают различий между исследуемыми моделями на заданном доверительном уровне. Т-критерий, равный 1,23, указывает на устойчивую тенденцию к дифференциации, однако не соответствует уставленной границе значимости.

Диапазон тона модели М-1 выше данного параметра модели М-3 в 1,36 раза (0,38/0,28) (см. График 14). Мелодические изменения обоих иллокутивов происходят преимущественно на втором значимом уровне на тональной шкале, лишь зона затакта отмечает подъем тона до третьего уровня обеих моделей. Максимальные показатели находятся в затакте – точка G для М-1 и точка F для М-3. Минимум обоих речевых актов локализован в начале предтакта, а также в ритмическом корпусе для М-3. В точке D модели М-3 находятся такие слоги, как [’ɑ:bənt] [daen] [vas] [dae’m] в словах *Abend* (вечер), *dein* (твой), *was* (что-то), *deinem* (твоего).

Сравнительный анализ позволил выявить как отличительные, так и схожие черты рассматриваемых моделей. Синхронность развития ЧОТ протекает в предтакте и на уровне каденции. Ритмический корпус и затакт отмечает противоположные друг другу тональные изменения. На участке ритмического корпуса от первого ударного до ядерного слога наблюдается нисходяще-восходящий контур модели М-3, где модель М-1 в свою очередь осуществляет прямо противоположные движения. Необходимо отметить, что эти перепады наиболее ярко выражены у модели М-3. В предтакте также обнаруживаются отличия: показатели ЧОТ модели М-1 повышаются, показатели соответствующего параметра модели М-3 понижаются.

Сопоставление контрольных слогов показало, что дифференцирующими признаками обладают точки, расположенные в ритмическом корпусе и затакте. Максимальное отличие обнаруживается в точке С, где t-критерий равен 2,59 (см. Таблицу 15). Точка С для модели М-1 приходится на слоги [zu:], [ve:ɛst], [kanst], [mø:k] в словах *Supermarkt* (супермаркет), *wärst* (было бы), *kannst* (сможешь), *möglich* (возможно), для модели М-3 – на слоги [k[a], [nɛt], [kanst], [tʰe:] [du:] [mø:k]

в словах *Klasse* (класс), *nett* (мило), *kannst* (можешь), *Apotheke* (аптека), *du* (ты), *möglich* (возможно).

Таблица 15

**Общие средние показатели ЧОТ моделей М-1 и М-3
(в относительных единицах)**

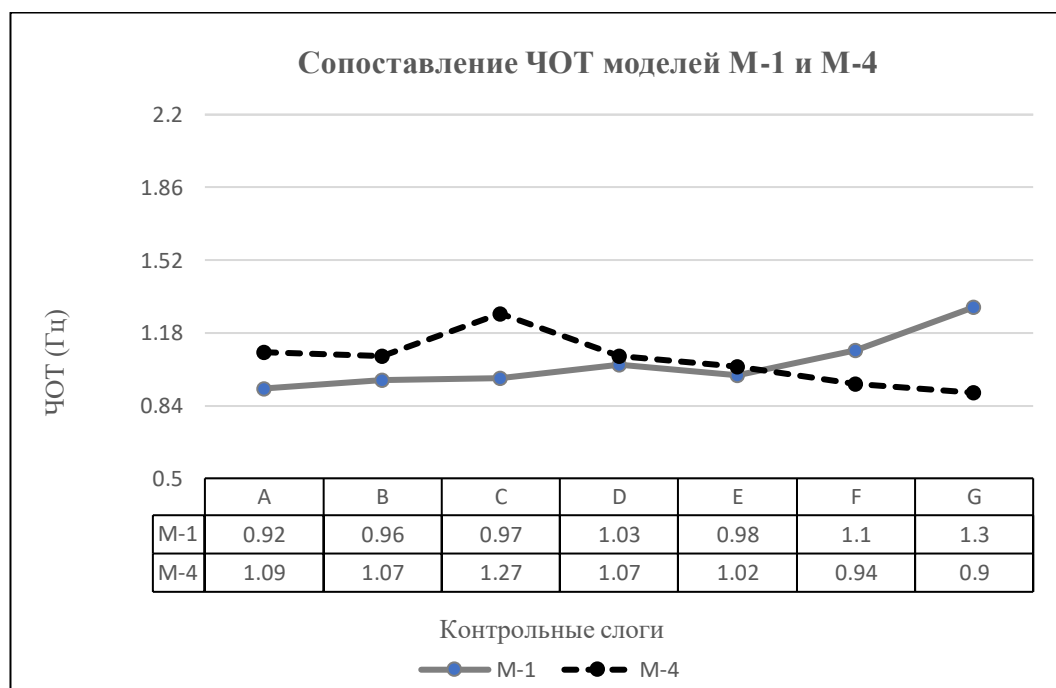
		A	B	C	D	E	F	G
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,92	0,96	0,97	1,03	0,98	1,1	1,3
М-1	σ	0,1377	0,2390	0,2075	0,3168	0,2985	0,1968	0,3014
	v	14,8	24,6	21,1	30,6	30	17,8	23,2
	s	0,0255	0,0443	0,385	0,0588	0,0554	0,365	0,0559
	n	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	0,97	1,02	1,1	0,95	1,13	1,23	1,12
М-3	σ	0,0918	0,1037	0,1151	0,0763	0,2275	0,2919	0,3546
	v	9,4	10,2	10,5	8	20,1	23,7	31,6
	s	0,0167	0,0189	0,0210	0,0139	0,0415	0,0533	0,0647
	S_d	0,0476	0,0429	0,1126	0,0862	0,1361	0,1253	0,1773
	t	1,568	0,900	2,589	1,448	1,975	1,927	2,067

Модели М-1 и М-4

Сопоставление среднечастотных показателей исследуемых моделей показывает, что различия в уровнях ЧОТ позволяют маркировать их как статистически дифференцированные по тональному признаку. Отмеченное значение t-критерия – 6,46. В данном случае допустимый порог расхождений существенно превышен.

Диапазоны обеих моделей практически идентичны (М-1 – 0,38, М-4 – 0,37) (см. График 15). Диапазон рассматриваемых иллокутивов преимущественно развивается на втором уровне, лишь некоторые участки высказываний поднимаются до третьего. Модель М-4 в значительной мере схожа с моделью М-2 по тональному признаку, поэтому она имеет аналогичное расположение максимальных и минимальных показателей: пиковое значение в ритмическом корпусе ([aen], [ve:k], [tɛ:st] в словах *einsiehst* (согласен), *wegkommt* (пропадет), *erzählst* (расскажешь), минимум – в затакте [ʊs] [[ən] [tsae] [[aen] [vas] в словах *raus* (вон), *mitspielen* (играть вместе), *Polizei* (полиция), *ausleihen* (одолживать), *was* (что-то). Максимум модели М-1 находится в затакте, минимум – в предтакте.

График 15

Во многом модель М-4 копирует модель М-2, единственное отличие заключается в меньшем диапазоне развертывания тона на шкале.

Сопоставление релевантных точек позволило отнести речевые акты к разным выборкам. Наибольшая дифференциация наблюдается в точке G, t-критерий равен 5,88, что является убедительным аргументом в пользу различия моделей М-1 и М-4. На синхронно развивающемся отрезке от точки D до точки E различий не выявлено. На участке предтакта ЧОТ также развивается синхронно, но на разных

уровнях. На данном участке статистически фиксируется устойчивая тенденция к различению (см. Таблицу 16).

Таблица 16

**Общие средние показатели ЧОТ моделей М-1 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,92	0,96	0,97	1,03	0,98	1,1	1,3
M-1	σ	0,1377	0,2390	0,2075	0,3168	0,2985	0,1968	0,3014
	v	14,8	24,6	21,1	30,6	30	17,8	23,2
	s	0,0255	0,0443	0,385	0,0588	0,0554	0,365	0,0559
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,09	1,07	1,27	1,07	1,02	0,94	0,9
M-4	σ	0,2116	0,1316	0,2482	0,1316	0,1839	0,1843	0,1980
	v	19,5	12,4	19,6	12,4	18	19,5	21,8
	s	0,0393	0,0244	0,0460	0,0244	0,0341	0,0342	0,0367
	s_d	0,1551	0,0927	0,2837	0,0289	0,0262	0,1634	0,3937
	t	3,309	1,830	4,723	0,455	0,402	3,263	5,880

Модели М-2 и М-3

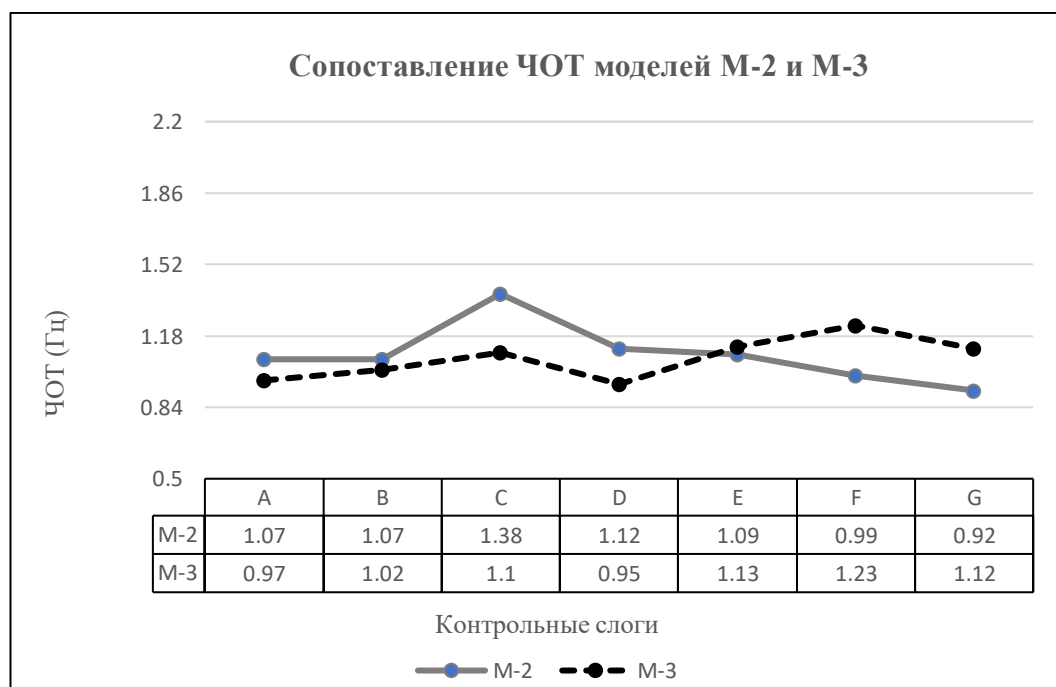
Дифференциация данных моделей на заданном доверительном уровне (90%) подтверждается статистическими расчетами. Расхождения являются безусловными, так как t-критерий составляет 5,66, что превосходит установленный уровень в несколько раз.

Диапазон ЧОТ модели М-2 выше аналогичного признака модели М-3 в 1,64 раза (0,46/0,28) (см. График 16). Преимущественно диапазон развития тона обоих

иллокутивов развивается на втором уровне, частично кривые поднимаются на третий уровень по шкале. Расположение ни максимальных, ни минимальных показателей не совпадает. Пиковое значение модели М-2 зафиксировано в первой точке ритмического корпуса (точка С), максимум модели М-3 находится в затакте (точка F). Точка F находится в слогах [bən] [ge:] [dɪ] [bri:ŋŋ] в словах *geben* (давать), *Handy* (мобильник), *bringen* (приносить).

Минимум модели М-2 локализован на участке затакта (точка G) – слоги [ʃpi|st], [maxst], [ze:v], [nøʊ'n] в словах *spielst* (играешь), *machst* (делаешь), *Fernseher* (телевизор), *neuen* (новый). Аналогичное значение модели М-3 располагается сразу в двух местах – предтакте (точка A): [ʔes], [kanst] [ve:v] – *es* (это), *kannst* (сможешь), *wäre* (было бы) и ритмическом корпусе (точка D).

График 16

Наблюдаемый признак, объединяющий обе модели, состоит в синхронности изменения ЧОТ на участках предтакта и затакта, однако это происходит на разных уровнях.

Выявленные дифференцирующие признаки выражаются в следующем: вплоть до ядерного слога М-2 тонально превалирует над сопоставляемой моделью, после чего наблюдается диаметрально противоположная ситуация. Кроме того, в

первом ударном слоге выявлен резкий подъем тона модели М-2. ЧОТ модели М-3 также повышается на этом участке, но несущественно. Наиболее характерным отличием является уровень каденции, где мелодия М-2 стабильно уменьшается, а тон М-3 стремительно поднимается.

Слоги ритмического корпуса за исключением ядерного слога и слоги на участке затакта демонстрируют статистически доказанную дифференциацию (все они превышают заданный достоверный уровень значимости). Несмотря на синхронность развития тонального признака в зоне предтакта, точка В обладает устойчивой тенденцией к различению (см. Таблицу 17).

Таблица 17

Общие средние показатели ЧОТ моделей М-2 и М-3
(в относительных единицах)

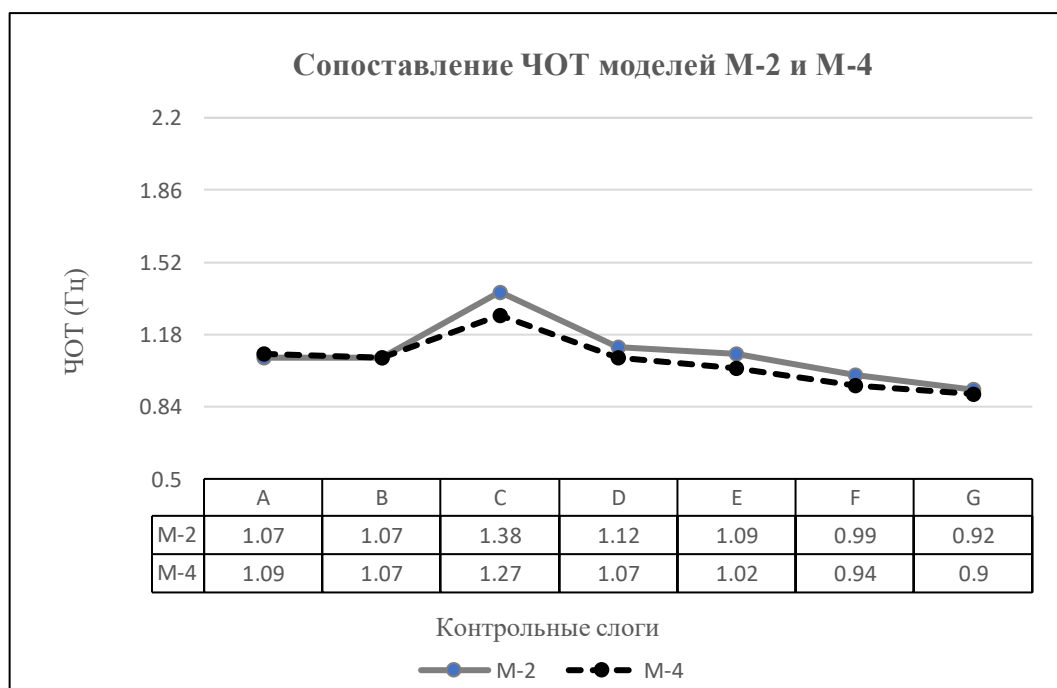
		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	1,07	1,07	1,38	1,12	1,09	0,99	0,92
M-2	σ	0,2100	0,1521	0,3874	0,2963	0,1710	0,2663	0,2500
	<i>v</i>	19,7	14,2	28	26,5	15,8	26,5	26,9
	<i>s</i>	0,0412	0,0298	0,0759	0,581	0,0335	0,522	0,490
	<i>n</i>	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	0,97	1,02	1,1	0,95	1,13	1,23	1,12
M-3	σ	0,0918	0,1037	0,1151	0,0763	0,2275	0,2919	0,3546
	<i>v</i>	9,4	10,2	10,5	8	20,1	23,7	31,6
	<i>s</i>	0,0167	0,0189	0,0210	0,0139	0,0415	0,0533	0,0647
	S_d	0,0863	0,0547	0,2902	0,1688	0,0498	0,2298	0,1937
	<i>t</i>	2,039	1,590	3,913	3,012	0,916	3,059	2,328

Модели М-2 и М-4

Данные математико-статистического анализа не позволяют маркировать исследуемые речевые акты как отличающиеся друг от друга, t-критерий соответствует лишь 0,61.

Диапазон тона модели М-2 выше данного параметра модели М-4 в 1,24 раза (0,46/0,37) (см. График 17). Диапазон обоих иллокутивов развивается на втором уровне, лишь точка С достигает третьего. Максимальные и минимальные показатели совпадают: пик приходится на первую точку ритмического корпуса, нижний показатель локализован в последней точке затакта.

График 17

Контуры рассматриваемых моделей, которые представляют собой одновершинную кривую, совершенно идентичны. Единственный отличительный признак можно обнаружить в более низком тоне, принадлежащем модели М-4. Он распространяется на все высказывание за исключением предтакта.

Ввиду визуально и аудиально крайне близкой схожести моделей М-2 и М-4 не удалось идентифицировать расхождений даже при сопоставлении релевантных точек. Ни один контрольный слог не достигал достоверного уровня значимости (см. таблицу 18).

Общие средние показатели ЧОТ моделей М-2 и М-4 (в относительных единицах)

		A	B	C	D	E	F	G
	n	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	1,07	1,07	1,38	1,12	1,09	0,99	0,92
M-2	σ	0,2100	0,1521	0,3874	0,2963	0,1710	0,2663	0,2500
	ν	19,7	14,2	28	26,5	15,8	26,5	26,9
	S	0,0412	0,0298	0,0759	0,581	0,0335	0,522	0,490
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,09	1,07	1,27	1,07	1,02	0,94	0,9
M-4	σ	0,2116	0,1316	0,2482	0,1316	0,1839	0,1843	0,1980
	ν	19,5	12,4	19,6	12,4	18	19,5	21,8
	S	0,0393	0,0244	0,0460	0,0244	0,0341	0,0342	0,0367
	S_d	0,0212	0,0048	0,1190	0,0537	0,0600	0,0590	0,0227
	t	0,372	0,127	1,371	0,884	1,250	0,964	0,375

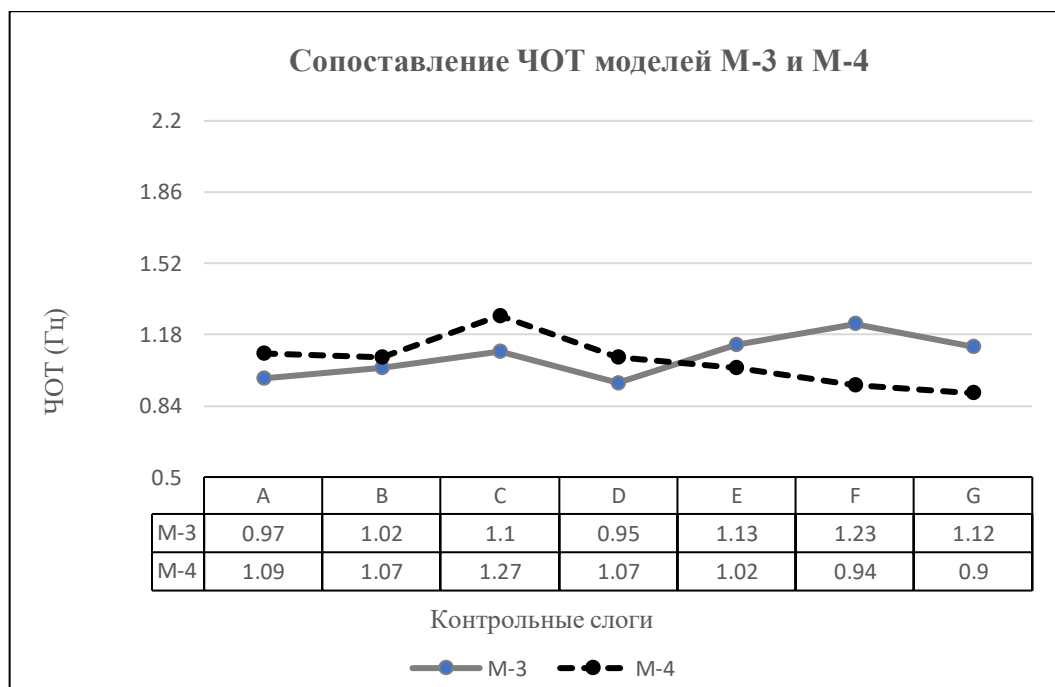
Модели М-3 и М-4

Различия статистического характера средних значений ЧОТ тех моделей, которые рассматриваются в данном исследовании, позволяет относить их к разным выборкам. Т-критерий равен 3,56.

Диапазон ЧОТ модели М-3 ниже данного параметра модели М-4 в 1,32 раза (0,28/0,37) (см. График 18). Диапазон тона исследуемых иллокутивов развивается на втором уровне. Исключение составляют точка С в случае модели М-4 и точка F в случае модели М-3, которые достигают третьего уровня. В силу схожести модели М-4 с моделью М-2 сосредоточение максимальных и минимальных показателей М-

3 и М-4 полностью совпадает с расположением аналогичных показателей при сравнении моделей М-2 и М-3, что было описано ранее (см. модели М-2 и М-3).

График 18

Различия данных моделей во многом схожи с ранее рассмотренными моделями (см. модели М-2 и М-3), однако существуют и некоторые особенности. Модели М-4 свойственен более устойчивый характер изменения ЧОТ, хотя тонально акцент на первом ударном слоге присутствует. После прохождения точки С тон М-4 стабильно понижается. Несмотря на более узкий диапазон развития ЧОТ, мелодия модели М-3 повышается и понижается дважды, формируя тем самым восходящий-нисходящий контур.

В связи со схожестью моделей М-2 и М-4 закономерно получаются аналогичные результаты при сопоставлении М-3 и М-4. Однако при сравнении моделей М-3 и М-4 было выявлено больше дифференцирующих точек в противовес предыдущему сопоставлению (моделей М-2 и М-3). Статистический анализ показал, что все контрольные слоги в большей или меньшей степени различаются на заданном статистическом уровне. Исключение составляет точка В: она не дифференцирована, но имеет тенденцию к различению. Максимальный показатель t-критерия выявлен в точке F, который соответствует 4,25 (см. Таблицу 19).

**Общие средние показатели ЧОТ моделей М-3 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	n	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	0,97	1,02	1,1	0,95	1,13	1,23	1,12
М-3	σ	0,0918	0,1037	0,1151	0,0763	0,2275	0,2919	0,3546
	ν	9,4	10,2	10,5	8	20,1	23,7	31,6
	S	0,0167	0,0189	0,0210	0,0139	0,0415	0,0533	0,0647
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,09	1,07	1,27	1,07	1,02	0,94	0,9
М-4	σ	0,2116	0,1316	0,2482	0,1316	0,1839	0,1843	0,1980
	ν	19,5	12,4	19,6	12,4	18	19,5	21,8
	S	0,0393	0,0244	0,0460	0,0244	0,0341	0,0342	0,0367
	S_d	0,1075	0,0498	0,1711	0,1151	0,1099	0,2888	0,2164
	t	2,546	1,618	3,417	4,127	2,037	4,252	2,880

5.2. Сопоставление признаков интенсивности

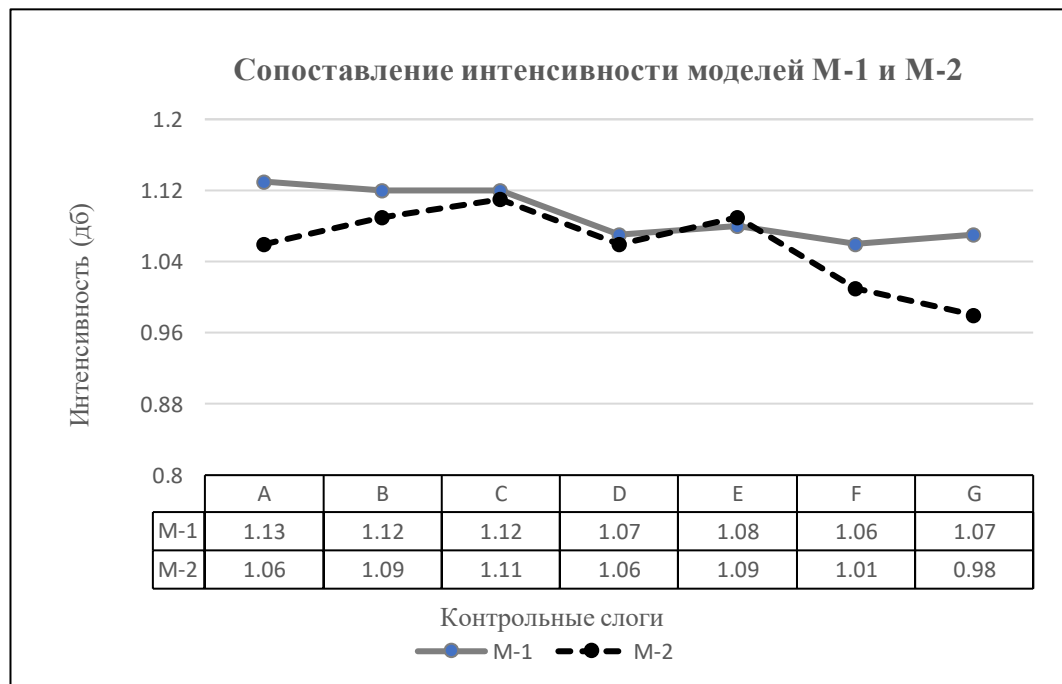
Был проведен анализ комплексного характера, который позволил получить четыре модели с учетом динамического признака: М-1 – просьба, М-2 – требование, М-3 – мольба и М-4 – требование с угрозой.

Модели М-1 и М-2

Сравнение усредненных значений интенсивности моделей М-1 и М-2 позволяет отнести рассматриваемые речевые акты к разным выборкам, t-критерий соответствует 3,63.

Диапазон интенсивности модели М-1 уже данного параметра модели М-2 почти в два раза (см. График 19). Диапазон модели М-1 развивается в пределах четвертого и пятого динамических уровней. В отличие от предыдущего иллокутива, модель М-2 пересекает третий и четвертый уровни. Максимальный признак модели М-1 локализован в предтакте (точка А), пиковое значение модели М-2 приходится на ритмический корпус (точка С). В рамках модели М-1 точка А приходится на слоги [kœn], [ve:vst], [kanst] в словах *könntest* (мог бы), *wärst* (не мог бы), *kannst* (можешь). Минимум моделей зафиксирован в затакте, но в разных точках: в точке F для М-1 – ([fən], [tsu], [rɔ], [tatn], [uŋ], [εv], [brɛ:nst] в словах *kaufen* (купить), *mitzubringen* (взять с собой), *Euro* (евро), *Zutaten* (ингредиенты), *Übersetzung* (перевод), *erklären* (объяснить), *brennst* (записываешь), в точке G – для М-2.

График 19

Развитие интенсивности на участке ритмического корпуса происходит аналогично, по остальным признакам имеется ряд отличий. От начала предтакта до первого ударного слога характер изменений громкости у обеих моделей различается: громкость модели М-1 плавно ослабевает, динамический признак модели М-2, напротив, резко усиливается. Для затакта характерно понижение громкости в обеих

моделях, но имеющее свои особенности. Так, в М-2 после прохождения ядерного слога происходит резкое снижение интенсивности вплоть до завершения фонации. В модели М-1 после прохождения последней точки ритмического корпуса громкость понижается, к концу же фонации высказывания данный признак вновь повышается.

Контуры динамического признака обеих моделей также не обнаруживают сходства: М-1 представляет собой константно нисходящую кривую, а М-2 – двухвершинную кривую с подъемом динамического признака на смыслоразличительных слогах (точках С и Е).

Рассматриваемые модели отличаются по слогам, являющимся релевантными. Это характерно для предтакта и затакта. В ритмическом корпусе громкость меняется синхронно. Статистически значимых различий не отмечается. Максимальные показатели дифференциации зафиксированы в самом начале фонации и в конце (точки А и G соответственно). Т-критерий на данных участках превышает установленный уровень примерно в три раза (см. Таблицу 20).

Таблица 20

**Общие средние показатели интенсивности моделей М-1 и М-2
(в относительных единицах)**

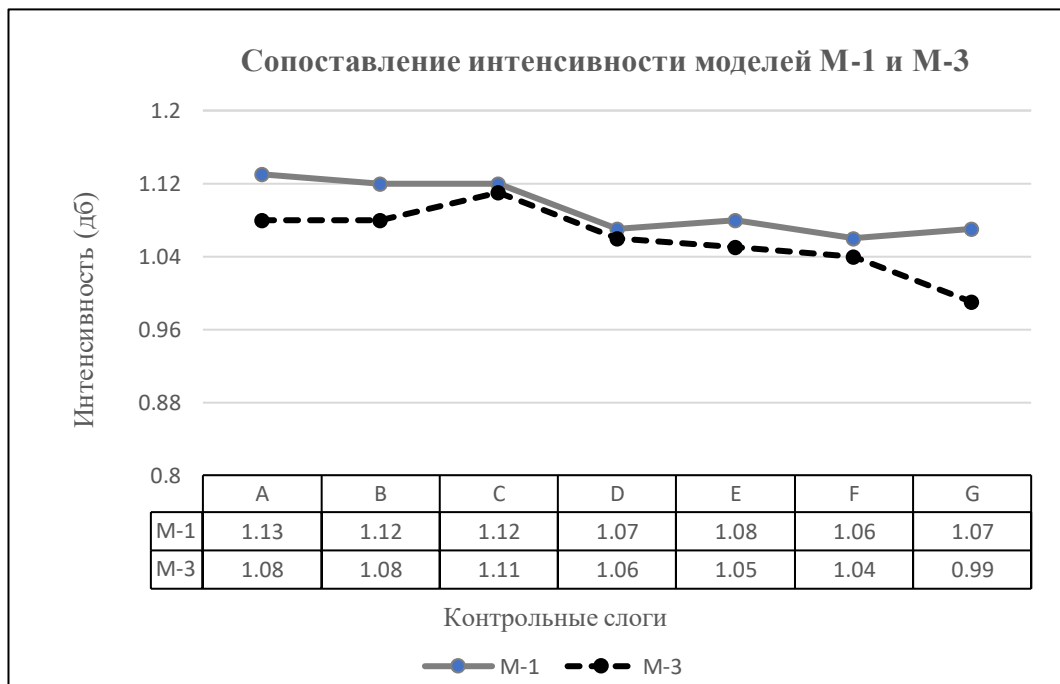
		А	В	С	Д	Е	F	G
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,13	1,12	1,12	1,07	1,08	1,06	1,07
М-1	σ	0,0604	0,0576	0,0675	0,0591	0,0744	0,0761	0,0710
	<i>v</i>	5,3	5,1	6	5,5	6,9	7,2	6,6
	<i>s</i>	0,0112	0,0107	0,0125	0,0109	0,0138	0,0141	0,0132
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	1,06	1,09	1,11	1,06	1,09	1,01	0,98
М-2	σ	0,0695	0,0557	0,0560	0,0561	0,0808	0,0618	0,0510

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>v</i>	6,6	5,1	5,1	5,3	7,4	6,1	5,2
	<i>s</i>	0,0136	0,0109	0,0109	0,0110	0,0158	0,0121	0,0100
	<i>s_d</i>	0,0752	0,0399	0,0129	0,0185	0,0094	0,0531	0,0828
	<i>t</i>	4,297	2,603	0,772	1,190	0,452	2,823	4,912

Модели М-1 и М-3

Усредненные значения интенсивности исследуемых моделей позволяют сделать вывод о дифференциации данных речевых актов на заданном статистическом уровне согласно t-критерию, который равен 3,77.

Диапазон интенсивности модели М-1 уже аналогичного признака модели М-3 в 1,71 раза (см. График 20). Диапазон обеих моделей преимущественно развивается в пределах четвертого уровня, предтакт модели М-1 повышается до пятого динамического уровня, затакт модели М-3 понижается до третьего уровня. Максимальные показатели моделей М-1 и М-3 зафиксированы в предтакте (точка А) и ритмическом корпусе (точка С) соответственно. Минимум динамического признака обеих моделей находится в затакте: М-1 – в точке F, М-3 – в точке G. Точка G модели М-3 приходится на слоги [tɛst] [hɛfn] [bri:ŋn] [ha:bn] [ru:fn] в словах *könntest* (смог бы), *helfen* (помочь), *bringen* (принести), *haben* (иметь), *anrufen* (позвонить).

Предтакт характеризуется синхронностью изменения интенсивности. Первые две точки ритмического корпуса отмечают идентичное движение кривых и практически одинаковые показатели. Участок каденции обнаруживает отличительные признаки: динамический признак модели М-1 усиливается к ядерному слогу, после прохождения которого снова ослабевает; в модели М-3 отмечается понижение громкости. В затакте динамический показатель модели М-3 значительно ослабевает. На этом же участке интенсивность модели М-1 незначительно усиливается. Кроме того, отличительной чертой интенсивности модели М-3 является ее одновершинный контур, приходящийся на первый ударный слог. После прохождения данного слога наблюдается понижение интенсивности до конца фонации. Напротив, динамический показатель модели М-1 изначально понижается с небольшими перепадами.

Контрольные слоги, которые имеют дифференциальные признаки, сосредоточены в предтакте и затакте (кроме точки F). Наиболее дифференцированный слог приходится на точку G (уровень расхождений значительно превышает установленный критерий). Участок каденции статистически не дифференцирован. Однако в точке E наблюдается устойчивая

тенденция к расхождению признака, t-критерий соответствует 1,36 (см. Таблицу 21).

Таблица 21

**Общие средние показатели интенсивности моделей М-1 и М-3
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,13	1,12	1,12	1,07	1,08	1,06	1,07
М-1	σ	0,0604	0,0576	0,0675	0,0591	0,0744	0,0761	0,0710
	v	5,3	5,1	6	5,5	6,9	7,2	6,6
	s	0,0112	0,0107	0,0125	0,0109	0,0138	0,0141	0,0132
	n	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	1,08	1,08	1,11	1,06	1,05	1,04	0,99
М-3	σ	0,0699	0,0735	0,0661	0,0601	0,0719	0,0812	0,0812
	v	6,5	6,8	6	5,7	6,8	7,8	8,2
	s	0,0127	0,0134	0,0120	0,0109	0,0131	0,0148	0,0148
	s_d	0,0480	0,0408	0,0106	0,0120	0,0259	0,0247	0,0784
	t	2,820	2,365	0,614	0,778	1,362	1,206	3,940

Модели М-1 и М-4

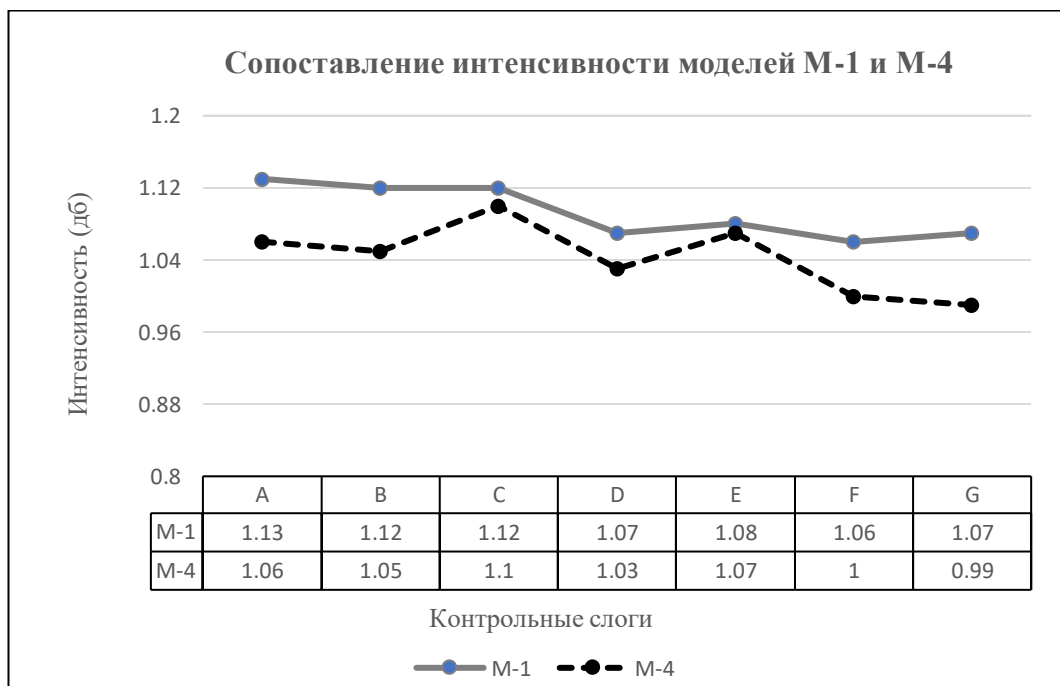
Статистические расчеты усредненных показателей интенсивности моделей М-1 и М-4 свидетельствуют об их принадлежности к разным выборкам. Т-критерий Стьюдента составил 5,14, что значительно превышает доверительный уровень расхождения.

Диапазон громкости модели М-1 уже данного параметра модели М-4 в 1,57 раза (см. График 21). Диапазон модели М-1 развивается на четвертом и пятом

уровнях, диапазон модели М-4 пересекает третий и четвертый уровни. По максимальным и минимальным показателям речевые акты не идентичны. Пиковое значение модели М-1 расположено в предтакте (точка А), аналогичное значение модели М-4 локализовано в ритмическом корпусе (точка С). Точка С обнаружена в слогах [aen], [no:x], [ve:k], [mo:v], [tɛ:st] в словах *einsiehst* (согласен), *einmal* (снова), *nochmal* (еще раз), *wegkommt* (пропадет), *morgen* (завтра), *erzählst* (расскажешь). Минимум зафиксирован в затакте, но в разных слогах: М-1 – в точке F, М-4 – в точке G ([raus], [ʃpi:n], [tə], [tsae], [[aen], [vas] в словах *raus* (вон), *mitspielen* (играть), *Vermieter* (арендодатель), *Polizei* (полиция), *ausleihen* (одолжить), *was* (что-то).

График 21

В ритмическом корпусе и предтакте интенсивность развивается синхронно. Но это происходит на различных уровнях. Когда говорящий переходит к ударному первому слогу, отмечается существенное увеличение громкости в модели М-4. В модели М-1 показатель не меняется. В затакте также наблюдаются свои особенности: динамический признак модели М-1 слегка повышается, соответствующий параметр модели М-4 понижается, но уже более плавно. Несмотря на нисходящий в целом характер движения кривых, громкость в модели

М-1 усиливается в предтакте, интенсивность в модели М-4 – в ключевых, смысловых слогах (точки С и Е). Точка Е в модели М-4 приходится на слоги [raʊs], [mit], [mi:], [tsae], [zax], [si:ʋt] в словах *raus* (вон), *mitspielen* (играть), *Vermieter* (арендодатель), *Polizei* (полиция), *Sachen* (вещи), *passiert* (случится). Динамический признак в модели М-1 выражен ярче, чем в модели М-4.

Сопоставление релевантных слогов моделей М-1 и М-4 указывает на достоверное различие на всех участках делимитации: в предтакте, частично в ритмическом корпусе и затакте. Наибольшая дифференциация наблюдается в точке А (t-критерий соответствует 4,7). Контрольные слоги в ритмическом корпусе не маркированы как различающиеся по динамическому признаку на установленном уровне. Исключение составляет предъядерный слог (точка D), t-критерий которого превышает установленный уровень значимости (см. Таблицу 22).

Таблица 22

**Общие средние показатели интенсивности моделей М-1 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,13	1,12	1,12	1,07	1,08	1,06	1,07
М-1	σ	0,0604	0,0576	0,0675	0,0591	0,0744	0,0761	0,0710
	<i>v</i>	5,3	5,1	6	5,5	6,9	7,2	6,6
	<i>s</i>	0,0112	0,0107	0,0125	0,0109	0,0138	0,0141	0,0132
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,06	1,05	1,1	1,03	1,07	1	0,99
М-4	σ	0,0568	0,0828	0,0625	0,0797	0,0603	0,0905	0,0886
	<i>v</i>	5,4	7,9	5,7	7,8	5,6	9	8,9
	<i>s</i>	0,0105	0,0153	0,0116	0,0148	0,0112	0,0168	0,0164

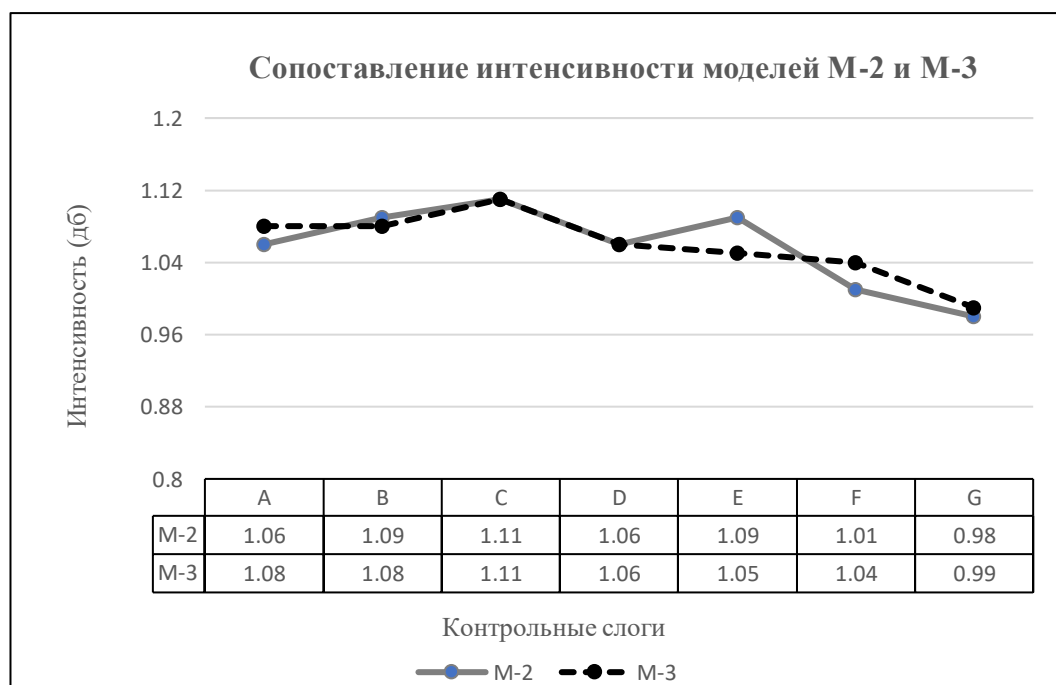
		A	B	C	D	E	F	G
	S_d	0,0724	0,0724	0,0172	0,0448	0,0096	0,0589	0,0720
	t	4,704	3,862	1,009	2,432	0,542	2,684	3,416

Модели М-2 и М-3

Анализ средних показателей интенсивности моделей М-2 и М-3 не позволил отнести данные изучаемые иллокутивы к различным выборкам (t-критерий Стьюдента имеет крайне низкий показатель, соответствующий 0,26).

Диапазон параметра громкости в моделях М-2 и М-3 полностью совпадает, он развивается на третьем и четвертом уровнях (см. График 22). Максимальные и минимальные показатели данных моделей не только расположены в одних и тех же точках (точка С – максимум, точка G – минимум), но и полностью совпадают по числовым значениям.

График 22

В зоне каденции интенсивность в модели М-2 увеличивается, а после ее прохождения стремительно уменьшается. В случае модели М-3 данная зона громкостью не выделена. Во всех остальных зонах делимитации речевого потока характер развития интенсивности обеих моделей во многом схож: отрезок от точки

В до точки D полностью идентичен, от точки E до точки G наблюдается синхронность данного параметра у обеих моделей.

Ни один из релевантных слогов ни на одном участке не свидетельствует о дифференциации рассматриваемых иллокутивов. Статистически дифференцирован только ядерный слог (точка E). Т-критерий в этой точке равен 1,73 (см. Таблицу 23). Точка E в модели M-2 приходится на слоги [raʊxst], [fe:ʋn], [vits] в словах *rauchst* (куришь), *Fernseher* (телевизор), *Witze* (шутка), в модели M-3 – на слоги [ge:], [hɛft], [bri:ŋŋn], [hɛ:n] в словах *geben* (давать), *Heft* (тетрадь), *bringen* (приносить), *Handy* (мобильник).

Таблица 23

**Общие средние показатели интенсивности моделей M-2 и M-3
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	1,06	1,09	1,11	1,06	1,09	1,01	0,98
M-2	σ	0,0695	0,0557	0,0560	0,0561	0,0808	0,0618	0,0510
	<i>v</i>	6,6	5,1	5,1	5,3	7,4	6,1	5,2
	<i>s</i>	0,0136	0,0109	0,0109	0,0110	0,0158	0,0121	0,0100
	<i>n</i>	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	1,08	1,08	1,11	1,06	1,05	1,04	0,99
M-3	σ	0,0699	0,0735	0,0661	0,0601	0,0719	0,0812	0,0812
	<i>v</i>	6,5	6,8	6	5,7	6,8	7,8	8,2
	<i>s</i>	0,0127	0,0134	0,0120	0,0109	0,0131	0,0148	0,0148
	s_d	0,0272	0,0008	0,0023	0,0064	0,0354	0,0284	0,0044
	<i>t</i>	1,457	0,051	0,140	0,415	1,734	1,455	0,240

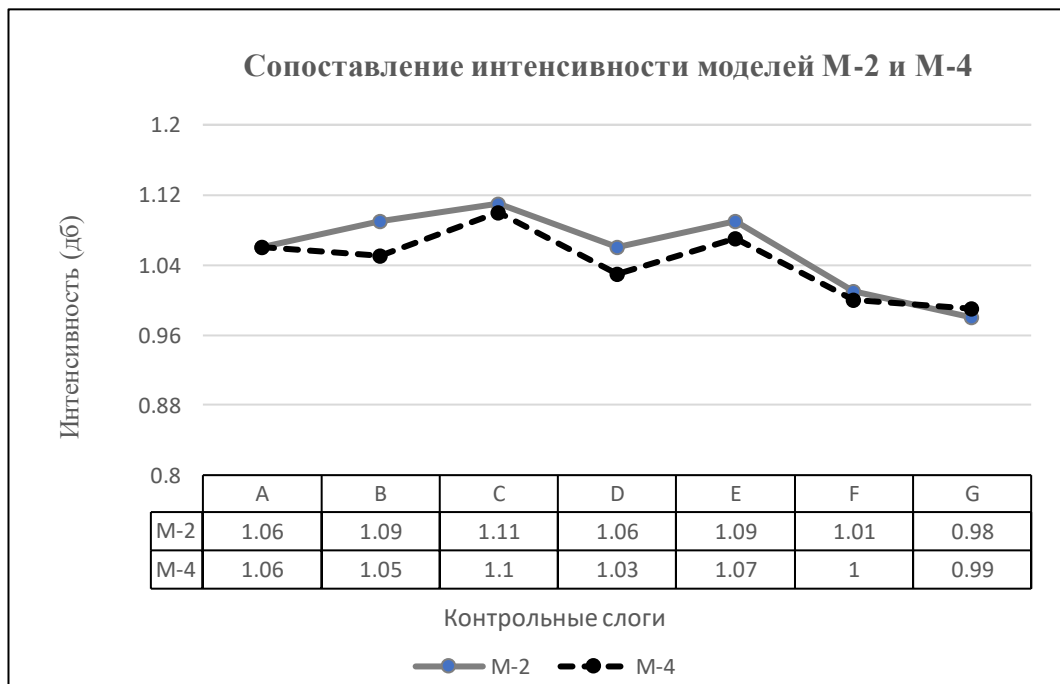
Таким образом, в ходе исследования установлено, что интенсивность не может выступать в качестве дифференцирующего признака моделей М-2 и М-3.

Модели М-2 и М-4

На основании t-критерия Стьюдента, равного 1,25, не представляется возможным отнести данные речевые акты по динамическому признаку к разным выборкам, хотя наблюдается устойчивая тенденция к различению.

Диапазон интенсивности в модели М-2 шире аналогичного признака в модели М-4 лишь в 1,18 раза, что можно считать несущественным различием (см. График 23). Диапазоны обеих моделей развиваются в пределах третьего и четвертого уровней. Максимальные показатели реализованы в точке С, минимум зафиксирован в точке G.

График 23

Контуры движения кривых идентичны. От второй точки предакта до конца высказывания наблюдается синхронность развертывания интенсивности.

Отличия можно выявить при рассмотрении моделей по расположению на динамической шкале. Так, громкость в модели М-2 в целом выражена ярче динамического признака модели М-4. Кроме этого отличительная черта

наблюдается в предтакте: после начала фонации кривая М-2 постепенно повышается, кривая М-4, напротив, к точке В понижается. Несмотря на эти незначительные расхождения, утверждать, что данные иллокутивы отличаются, нельзя.

Показатели контрольных слогов обеих моделей статистически не дифференцируются и преимущественно равны друг другу. Однако точка В преодолела установленный порог значимости. В данной точке слоги [di:v], [das], [iç], [mu], [vi:v] в словах *dir* (тебе), *das* (артикль среднего рода), *ich* (я), *Musik* (музыка), *wir* (мы) относятся к модели М-2, слоги [niçt], [noç], [van], [ev] в словах *nicht* (не), *noch* (еще), *irgendwann* (когда-либо), *erzählst* (расскажешь) – к М-4. Точка D демонстрирует некое стремление к расхождению, чего тем не менее не было доказано (см. Таблицу 24).

Таблица 24

**Общие средние показатели интенсивности моделей М-2 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	1,06	1,09	1,11	1,06	1,09	1,01	0,98
M-2	σ	0,0695	0,0557	0,0560	0,0561	0,0808	0,0618	0,0510
	<i>v</i>	6,6	5,1	5,1	5,3	7,4	6,1	5,2
	<i>s</i>	0,0136	0,0109	0,0109	0,0110	0,0158	0,0121	0,0100
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,06	1,05	1,1	1,03	1,07	1	0,99
M-4	σ	0,0568	0,0828	0,0625	0,0797	0,0603	0,0905	0,0886
	<i>v</i>	5,4	7,9	5,7	7,8	5,6	9	8,9
	<i>s</i>	0,0105	0,0153	0,0116	0,0148	0,0112	0,0168	0,0164

		A	B	C	D	E	F	G
	s_d	0,0028	0,0325	0,0042	0,0262	0,0191	0,0057	0,0107
	t	0,167	1,686	0,264	1,397	1,000	0,273	0,544

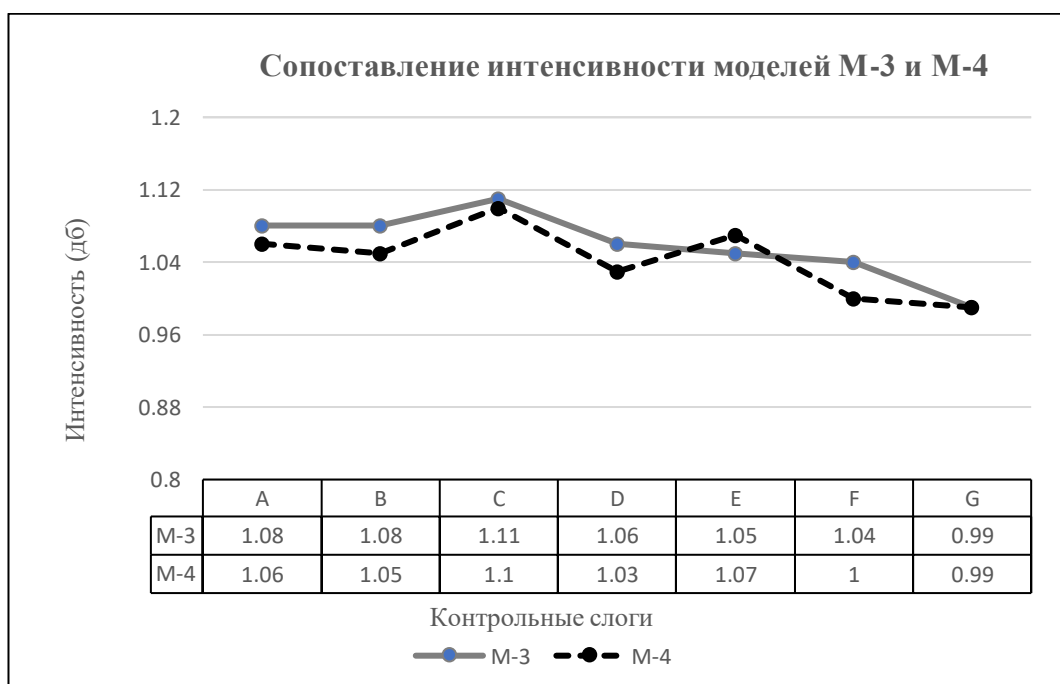
Таким образом, громкость не может выступать в качестве признака, по которому можно отнести модели М-2 и М-4 к разным выборкам.

Модели М-3 и М-4

Сравнение усредненных динамических показателей моделей М-3 и М-4 показывает, что они статистически достоверны. Т-критерий равен 1,92, что удовлетворяет установленному уровню значимости.

Диапазоны громкости моделей М-3 и М-4 практически идентичны (см. График 24). Диапазон данных моделей реализуется на третьем и четвертом уровнях. Расположение и величина максимальных и минимальных показателей речевых актов совпадают. Пиковый показатель локализован в первом ударном слоге (точка С), минимум интенсивности приходится на финальную точку затакта (точка G).

График 24

Весь предтакт и первая половина ритмического корпуса вплоть до предъядерного слога демонстрируют синхронность развития динамического признака, но на разных уровнях. Вторая половина высказывания отражает диаметрально противоположное движение кривых рассматриваемых моделей. Для модели М-4 ядерный слог является зоной, выделенной громкостью, после чего интенсивность стремительно идет на спад. Для модели М-3 такое явление не характерно. Начиная с первого ударного слога наблюдается постепенное уменьшение громкости вплоть до завершения фонации. Несмотря на общую для обеих моделей черту в затакте (громкость ослабевает), это происходит не одинаково: динамический признак модели М-3 понижается резко, интенсивность модели М-4 – очень плавно. Судя по расположению данных иллокутивов на динамической шкале, можно утверждать, что в большей степени громкостью выделяется модель М-3.

Сопоставление релевантных слогов интенсивности моделей М-3 и М-4 позволило выявить дифференцирующую точку исключительно в ритмическом корпусе. Такой точкой является D, t-критерий данных слогов соответствовал доверительному уровню. Точки в предтакте и первый слог в затакте фиксируют устойчивую тенденцию к различению (см. Таблицу 25).

Таблица 25

**Общие средние показатели интенсивности моделей М-3 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	1,08	1,08	1,11	1,06	1,05	1,04	0,99
М-3	σ	0,0699	0,0735	0,0661	0,0601	0,0719	0,0812	0,0812
	<i>v</i>	6,5	6,8	6	5,7	6,8	7,8	8,2
	<i>s</i>	0,0127	0,0134	0,0120	0,0109	0,0131	0,0148	0,0148

		A	B	C	D	E	F	G
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	1,06	1,05	1,1	1,03	1,07	1	0,99
M-4	σ	0,0568	0,0828	0,0625	0,0797	0,0603	0,0905	0,0886
	v	5,4	7,9	5,7	7,8	5,6	9	8,9
	s	0,0105	0,0153	0,0116	0,0148	0,0112	0,0168	0,0164
	s_d	0,0243	0,0316	0,0065	0,0327	0,0162	0,0342	0,0063
	t	1,467	1,550	0,390	1,785	0,941	1,529	0,286

5.3. Сопоставление признаков длительности

При проведении фонетического исследования, которое носило экспериментальный характер, удалось получить 4 модели по признаку темпоральности: М-1 – просьба, М-2 – требование, М-3 – мольба и М-4 – требование с угрозой.

Модели М-1 и М-2

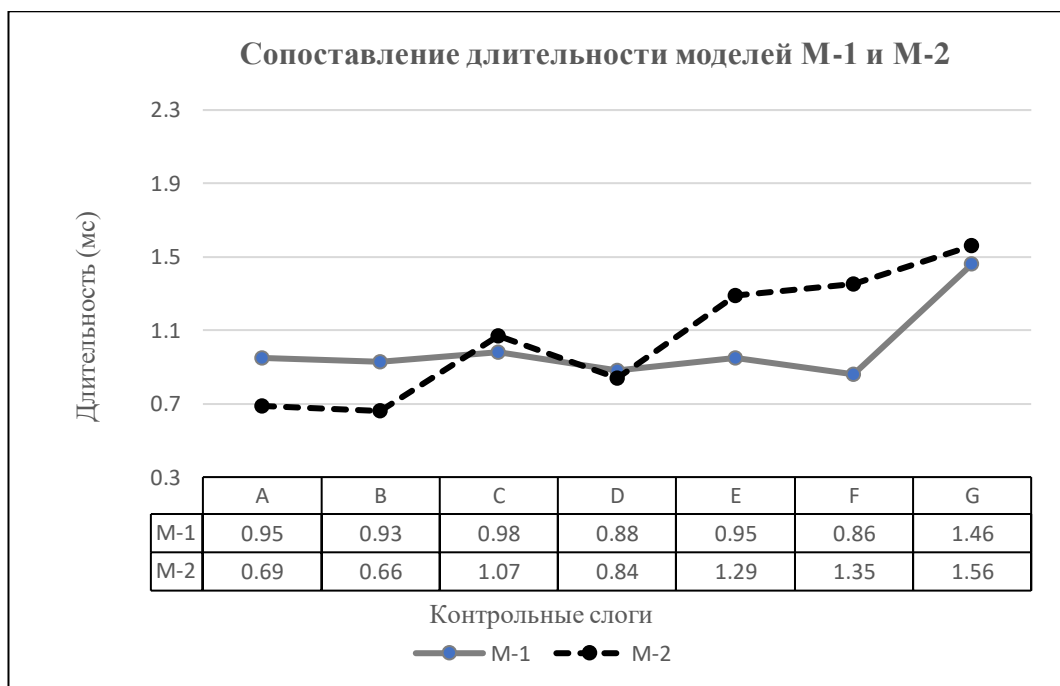
Слоговая длительность этих моделей различная. Это подтвердили выполненные в ходе исследования математико-статистические расчеты, t-критерий равен 1,84.

Средняя скорость произнесения в модели М-1 выше данного параметра в модели М-2 почти на 30 слогов (343/314) (см. График 25).

Пиковые значения обеих моделей приходятся на затакт (точка G). Для М-1 это слоги [fən], [brɪŋn], [laeən], [hɛfn], [k[e:v̩n], [brɛ:nst] в словах *kaufen* (покупать), *mitbringen* (взять с собой), *ausleihen* (одолжить), *helfen* (помочь), *erklären* (объяснить), *brennst* (записываешь), для М-2 – [draʊsn], [makst], [nøøən], [ʃpi|st], [ze:v̩], [bə] в словах *draußen* (на улице), *machst* (делаешь), *neuen* (новый), *spielst* (играешь), *Fernseher* (телевизор), *habe* (имею). Затакт также является местом, где

располагается минимум модели М-1 (точка F), чьи показатели незначительно отличаются от всех остальных контрольных слогов М-1. Минимальные показатели модели М-2 зафиксированы в предтакте (точки А и В), при этом они значительно уступают модели М-1. В модели М-2 точка А приходится на слоги [vɛn], [ɪnt], [ɪç], [ʃtɛ] в словах *wenn* (если), *entweder* (либо), *ich* (я), *stell* (поставь), точка В – на слоги [das], [vi:v], [rɛ], [ɪç], [di:v], [vaetɐ] в словах *das* (это), *wir* (мы), *reparierst* (починишь), *ich* (я), *dir* (тебе), *weiter* (далее).

График 25

Зона предтакта развивается синхронно, наблюдаются лишь уровневые различия на этом участке. После этого происходят существенные темпоральные изменения. Темп модели М-2 постепенно уменьшается вплоть до завершения фонации, ускорение приходится лишь на предъядерный слог (точка D). Темп модели М-1, напротив, демонстрирует стабильно ровный характер развития. Лишь к концу высказывания скорость фонации М-1 резко замедляется.

Сходство заключается в том, что темп обеих моделей в затакте стремительно уменьшается.

Дифференциальные признаки длительности слогов обеих моделей локализованы в предтакте и на участке каденции (точки E и F). Т-критерий в

предударном слоге (точка В) равен 4,65, что превышает установленный уровень значимости почти в три раза (см. Таблицу 26). В модели М-1 точка Е обнаруживается в слогах [kau], [mit], [tsu:], [zets], [b[at] в словах *kaufen* (покупать), *mitzubringen* (взять с собой), *Zutaten* (ингредиенты), *Übersetzung* (перевод), *Blatt* (лист). Точка Е в модели М-2 находится в слогах [raʊxst], [vitse], [nøø], [ta:], [fe:ʋn], [aegn] в словах *rauchst* (куришь), *Witze* (шутки), *neuen* (новый), *Gitarre* (гитара), *Fernseher* (телевизор), *eignen* (собственный).

Таблица 26

**Общие средние показатели длительности моделей М-1 и М-2
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,95	0,93	0,98	0,88	0,95	0,86	1,46
М-1	σ	0,2214	0,2053	0,1925	0,2136	0,2626	0,4129	0,3010
	<i>v</i>	23,2	22	19,7	24,4	27,4	48	20,7
	<i>s</i>	0,0411	0,0381	0,0357	0,0396	0,0487	0,0766	0,0559
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	0,69	0,66	1,07	0,84	1,29	1,35	1,56
М-2	σ	0,2255	0,2399	0,2743	0,3201	0,3008	0,6084	0,4874
	<i>v</i>	32,2	36,7	25,8	37,8	23,2	44,6	31
	<i>s</i>	0,0442	0,0470	0,0538	0,0627	0,0590	0,1193	0,0955
	S_d	0,2516	0,2792	0,0829	0,0295	0,3353	0,5043	0,1139
	<i>t</i>	4,170	4,650	1,309	0,406	4,413	3,629	1,055

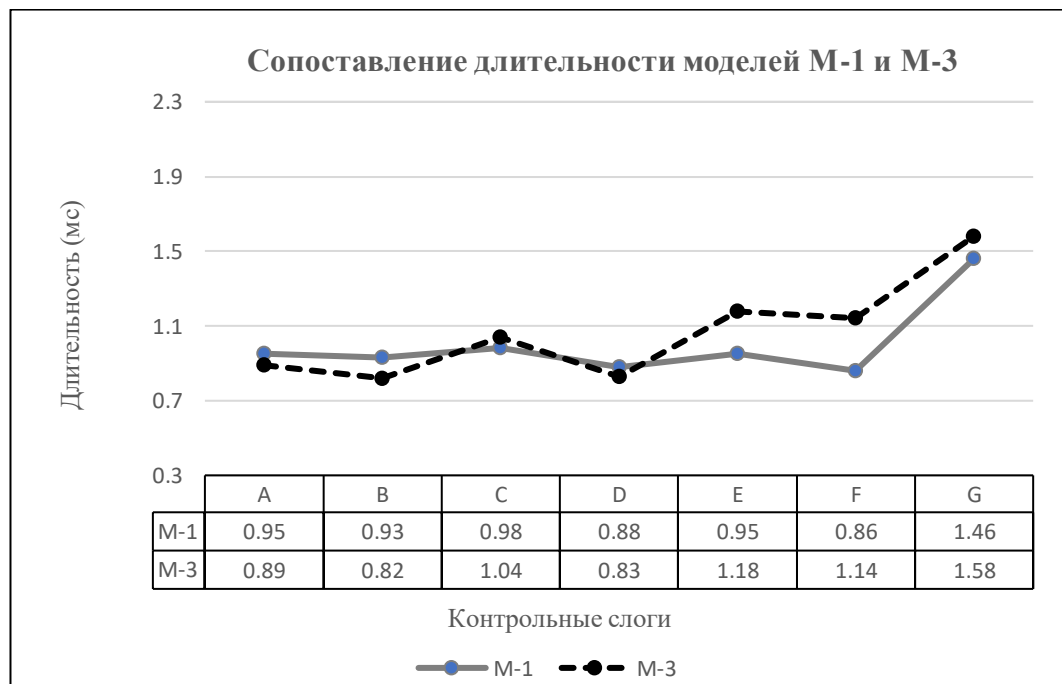
Модели М-1 и М-3

Математико-статистические расчеты не позволяют отнести модели М-1 и М-3 к разным выборкам. Т-критерий равен 0,32, что значительно ниже установленного уровня.

Средняя слоговая длительность обеих моделей практически идентична – М-1 ниже М-2 всего на 4 слога (343/347) (см. График 26). Скорость фонации составляет 6 слогов в секунду, что является показателем ниже среднего.

Пиковые значения обеих моделей локализованы в затакте – точке G. Минимум темпорального признака модели М-1 находится в затакте (точка F), это слоги [rɔ], [tatn], [ɛv], [ha:] в словах *Euro* (евро), *Zutaten* (ингредиенты), *erklären* (объяснить), *habe* (имею). Однако числовые показатели контрольных слогов модели М-1 от точки А до точки Е схожи с числовыми показателями в точке F. Минимум длительности М-3 отмечается сразу в двух точках – В и D. Точка В приходится на слоги [ve:v], [ze:v], [[æçt], [du] в словах *wäre* (было бы), *sehr* (очень), *vielleicht* (может быть), *du* (ты).

График 26

На участках предтакта и ритмического корпуса наблюдается примерно одинаковая скорость фонации. Схожесть моделей также выражается в резком

замедлении темпа перед самым завершением высказывания. Отличие М-3 заключается в частых перепадах скорости звучания. Замедление темпа проходит по всем участкам делимитации, в частности, в точках В, D и F.

В контрольных слогах дифференцирующие показатели преимущественно не соответствуют принятому уровню расхождений. Выделяются точки E и F, для которых t-критерий приблизительно равен 2 (см. Таблицу 27).

Таблица 27

**Общие средние показатели длительности моделей М-1 и М-3
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,95	0,93	0,98	0,88	0,95	0,86	1,46
М-1	σ	0,2214	0,2053	0,1925	0,2136	0,2626	0,4129	0,3010
	<i>v</i>	23,2	22	19,7	24,4	27,4	48	20,7
	<i>S</i>	0,0411	0,0381	0,0357	0,0396	0,0487	0,0766	0,0559
	<i>n</i>	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	0,89	0,82	1,04	0,83	1,18	1,14	1,58
М-3	σ	0,2093	0,2794	0,3350	0,2701	0,5087	0,5907	0,3601
	<i>v</i>	23,7	33,9	32,2	32,6	43,1	52	22,7
	<i>S</i>	0,382	0,0510	0,0611	0,0493	0,0928	0,1078	0,0657
	S_d	0,0694	0,1091	0,0596	0,0479	0,2206	0,2756	0,1274
	<i>t</i>	1,238	1,704	0,835	0,754	2,083	2,071	1,472

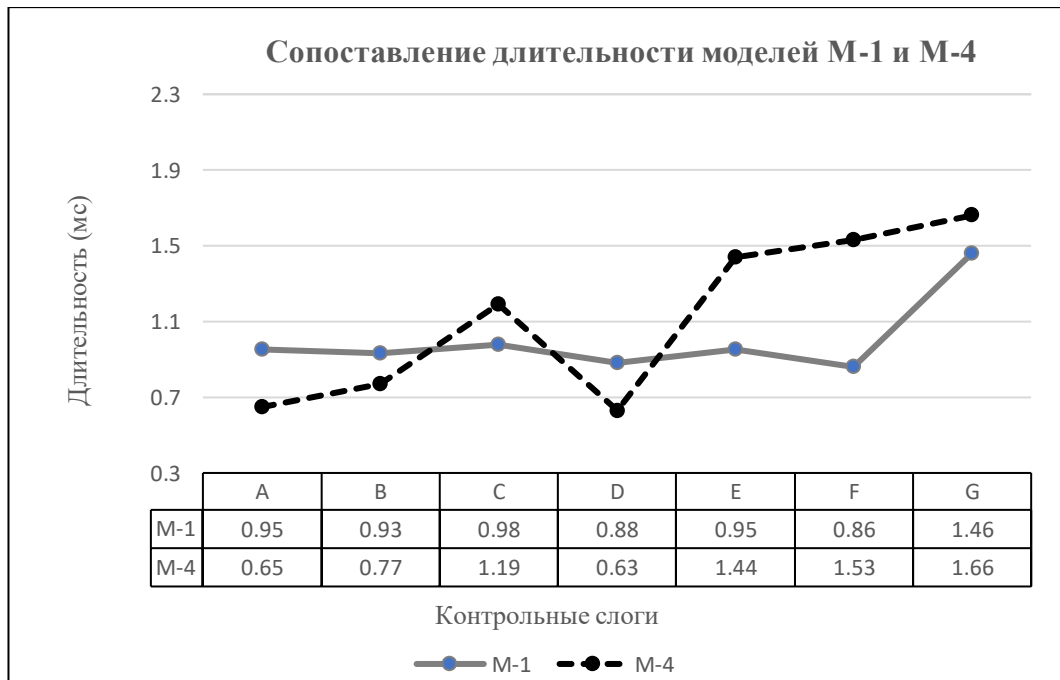
Модели М-1 и М-4

Расхождения между рассматриваемыми моделями по параметру средней слоговой длительности соответствуют установленному уровню различий (t-критерий равен 4,34).

Средний темп фонации в модели М-1 выше данного параметра в модели М-4 лишь на 10 слогов (343/333), что свидетельствует об их схожести (см. График 27).

Пиковое значение в обеих моделях зафиксировано в затакте (точка G). Две другие значимые точки модели М-4 приходятся на уровень каденции (Е и F). Минимальное значение длительности в модели М-1 локализовано в точке F. Модель М-4 находит свой темпоральный минимум в предтакте и ритмическом корпусе (точки А и D). Точка А представлена исключительно слогом [ven] в слове *wenn* (если). Точка D приходится на слоги [du:], [me:v], [fɛv], [I], [pa] в словах *du* (ты), *mehr* (больше), *Vermieter* (арендодатель), *Polizei* (полиция), *passiert* (произойдет).

График 27

Контуры движений не находят между собой признаков схожести. Единственная объединяющая черта – замедление темпа к концу фразы. Для М-4

характерно константное понижение темпа к концу фразы. Увеличение скорости происходит лишь в точке D.

Контрольные слоги, обладающие отличительными признаками, находятся на всех участках делимитации высказывания. Данное обстоятельство может твердо указывать на различие моделей по темпоральному признаку. Наибольший дифференциальный признак обнаружен в точке F, t-критерий соответствует 5,67 (см. Таблицу 28).

Таблица 28

**Общие средние показатели длительности моделей М-1 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,95	0,93	0,98	0,88	0,95	0,86	1,46
M-1	σ	0,2214	0,2053	0,1925	0,2136	0,2626	0,4129	0,3010
	<i>v</i>	23,2	22	19,7	24,4	27,4	48	20,7
	<i>s</i>	0,0411	0,0381	0,0357	0,0396	0,0487	0,0766	0,0559
	<i>n</i>	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,65	0,77	1,19	0,63	1,44	1,53	1,66
M-4	σ	0,2942	0,2096	0,4471	0,2736	0,4848	0,4859	0,3375
	<i>v</i>	45,6	27,3	37,5	4,31	33,7	31,7	20,4
	<i>s</i>	0,0546	0,0389	0,0830	0,0508	0,0900	0,0902	0,626
	S_d	0,3079	0,1655	0,2117	0,2424	0,4779	0,6714	0,2013
	<i>t</i>	4,503	3,038	2,342	3,760	4,668	5,670	2,398

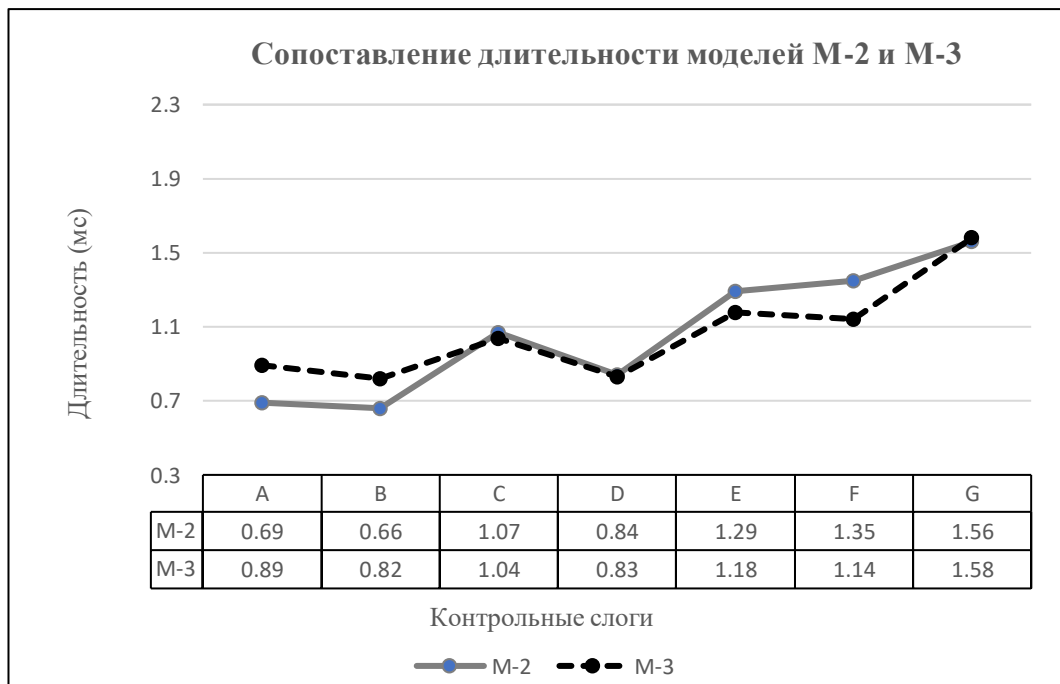
Модели М-2 и М-3

Изучаемые модели не отличаются по значениям средней длительности слогов иллокутивов.

Скорость длительности слогов модели М-2 на 33 слога ниже, чем у М-3 (314/347) (см. График 28).

Максимум темпорального признака обеих моделей сходится в одной точке в затакте (точка G). Минимум обеих моделей преимущественно зафиксирован в предтакте – точки А и В в модели М-2 и точка В в модели М-4. Минимум модели М-3 локализован также в предъядерном слоге (точка D).

График 28

Рассматриваемым моделям присуще одинаковое развитие длительности. Начало высказывания характеризуется более быстрым темпом относительно завершения высказывания. Несмотря на общую тенденцию к замедлению скорости фонации, в ритмическом корпусе наблюдается ускорение темпа, которое приходится на предъядерный слог. Кроме того, в модели М-3 темп немного увеличивается в затакте (точка F).

Статистически дифференцирована лишь зона предтакта. Максимальным показателем t-критерия обладает точка А (3,13), также различия наблюдаются в точке В (2,42) (см. Таблицу 29).

Таблица 29

**Общие средние показатели длительности моделей М-2 и М-3
(в относительных единицах)**

		А	В	С	Д	Е	Ф	Г
	<i>n</i>	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	0,69	0,66	1,07	0,84	1,29	1,35	1,56
М-2	σ	0,2255	0,2399	0,2743	0,3201	0,3008	0,6084	0,4874
	<i>v</i>	32,2	36,7	25,8	37,8	23,2	44,6	31
	<i>s</i>	0,0442	0,0470	0,0538	0,0627	0,0590	0,1193	0,0955
	<i>n</i>	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	0,89	0,82	1,04	0,83	1,18	1,14	1,58
М-3	σ	0,2093	0,2794	0,3350	0,2701	0,5087	0,5907	0,3601
	<i>v</i>	23,7	33,9	32,2	32,6	43,1	52	22,7
	<i>s</i>	0,382	0,0510	0,0611	0,0493	0,0928	0,1078	0,0657
	S_d	0,1821	0,1701	0,0233	0,0183	0,1146	0,2286	0,0135
	<i>t</i>	3,133	2,424	0,282	0,233	1,006	1,424	0,119

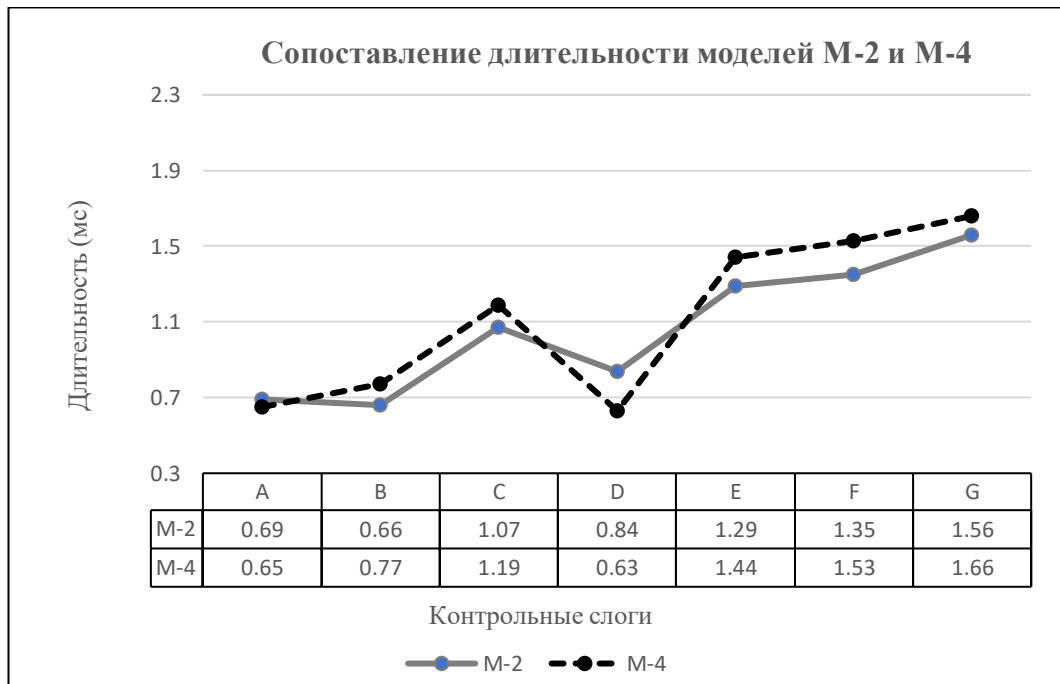
Модели М-2 и М-4

Сравнение общих усредненных значений моделей М-2 и М-4 не показывает различий на достоверном уровне (90%), t-критерий соответствует 0,68.

Средний темп слоговой длительности модели М-2 ниже данного параметра модели М-4 на 19 слогов (314/333) (см. График 29).

Максимальный показатель обеих моделей зафиксирован в одной и той же точке – точке G, но с небольшим различием в числовых значениях. Минимальные показатели длительности двух моделей не совпадают: темпоральный признак M-2 находится в предтакте (точки A и B), а развитие темпа в модели M-4 происходит в предтакте (точка A) и в ритмическом корпусе (точка D).

График 29

Модели M-2 и M-4 обладают схожей чертой – представляют собой зигзагообразные кривые, указывающие к концу фразы на увеличение признака. При этом они отличаются резкостью происходящих перепадов. У модели M-2 эти параметры длительности меняются более плавно, чем у модели M-4. У модели M-2, в отличие от M-4, в самом начале кривые движутся по траектории нисходящего характера. Далее темп становится меньше до первого слога под ударением.

Ни один участок фразы не позволяет отнести данные иллокутивы к разным выборкам, так как t-критерий не достигает установленного уровня значимости. Исключение составляют точки, локализованные в предтакте и ритмическом корпусе (точки B и D), их статистическое различие составляет 1,88 и 2,66 соответственно (см. Таблицу 30).

**Общие средние показатели длительности моделей М-2 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	n	26	26	26	26	26	26	26
	$\bar{x}$	0,69	0,66	1,07	0,84	1,29	1,35	1,56
M-2	σ	0,2255	0,2399	0,2743	0,3201	0,3008	0,6084	0,4874
	v	32,2	36,7	25,8	37,8	23,2	44,6	31
	s	0,0442	0,0470	0,0538	0,0627	0,0590	0,1193	0,0955
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,65	0,77	1,19	0,63	1,44	1,53	1,66
M-4	σ	0,2942	0,2096	0,4471	0,2736	0,4848	0,4859	0,3375
	v	45,6	27,3	37,5	4,31	33,7	31,7	20,4
	s	0,0546	0,0389	0,0830	0,0508	0,0900	0,0902	0,626
	S_d	0,0563	0,1137	0,1287	0,2128	0,1426	0,1671	0,0784
	t	0,790	1,876	1,269	2,659	1,293	1,131	0,780

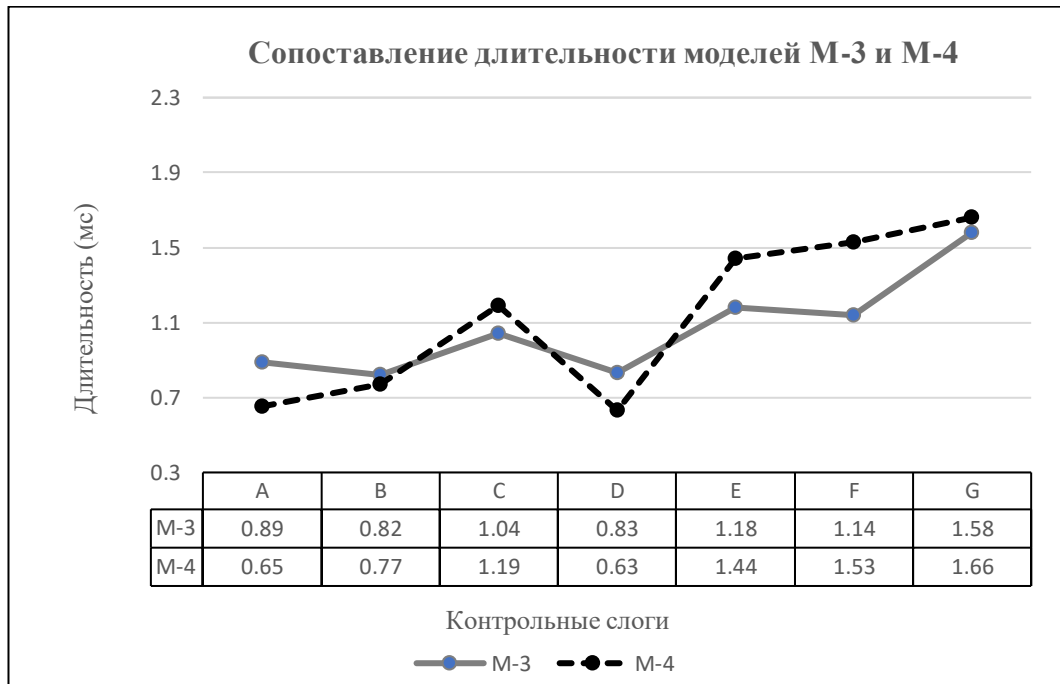
Модели М-3 и М-4

Статистические расчеты не указывают на принадлежность исследуемых моделей к разным выборкам. Однако значение t-критерия, равное 1,12, предполагает стремление данных иллокутивов к расхождению по темпоральному признаку, вероятно, при увеличении материала исследования.

В среднем темп в модели М-3 выше рассматриваемого параметра в модели М-4 на 14 слогов (347/333), что подтверждает схожесть речевых актов (см. График 30).

Максимальное значение сосредоточено в финале фонации – в точке G. В случае обеих моделей минимальный признак зафиксирован в предтакте (М-3 в точке В, М-4 в точке А) и в ритмическом корпусе (М-3 и М-4 в точке D).

График 30

Контрастирующий характер моделей проявляется в предтакте: темп в модели М-3 с начальной точки ускоряется, а в модели М-4 – замедляется. Аналогичное явление наблюдается и в затакте. Кроме того, отличия касаются и плавности изменения темпорального признака: модели М-4 присущи более резкие перепады скорости фонации; характерной чертой модели М-3 является более плавное изменение темпа, но более частое.

Расхождения контрольных слогов на статистическом уровне отмечаются в предтакте (точка А), ритмическом корпусе (точки D и E) и затакте (точка F). Наибольшее расхождение зафиксировано в начале фонации (точка А), t-критерий равен 3,6 (см. Таблицу 31).

**Общие средние показатели длительности моделей М-3 и М-4
(в относительных единицах)**

		A	B	C	D	E	F	G
	n	30	30	30	30	30	30	30
	$\bar{x}$	0,89	0,82	1,04	0,83	1,18	1,14	1,58
M-3	σ	0,2093	0,2794	0,3350	0,2701	0,5087	0,5907	0,3601
	v	23,7	33,9	32,2	32,6	43,1	52	22,7
	s	0,382	0,0510	0,0611	0,0493	0,0928	0,1078	0,0657
	n	29	29	29	29	29	29	29
	$\bar{x}$	0,65	0,77	1,19	0,63	1,44	1,53	1,66
M-4	σ	0,2942	0,2096	0,4471	0,2736	0,4848	0,4859	0,3375
	v	45,6	27,3	37,5	4,31	33,7	31,7	20,4
	s	0,0546	0,0389	0,0830	0,0508	0,0900	0,0902	0,626
	s_d	0,2385	0,0564	0,1520	0,1945	0,2575	0,3957	0,0739
	t	3,597	0,875	1,481	2,747	1,987	2,805	0,813

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Экспериментальным материалом исследования выступили сконструированные автором ситуации, которые предположительно подтверждали то, в каком значении употреблены речевые акты, означают ли они мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой, и в дальнейшем озвученные носителями немецкого языка, владеющие его произносительными нормами. В основу данных

ситуаций легли фрагменты высказываний, способные выражать мольбу, просьбу, требование и требование с угрозой, частотность которых определялась в поисковой системе Google. Отбирались фрагменты, в которых контекстное окружение поддерживало предположительную семантику мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой.

На основе комплексного анализа удалось решить две поставленные задачи – построить просодические модели однонаправленных речевых актов и осуществить сопоставление характеристик тона, громкости и темпа, характеризующих четыре иллокутивных акта.

Был проведен слуховой анализ. Он подтвердил, что исследуемый речевой материал аутентичен. Многие фразы были отнесены аудиторами к сфере их реализации, обусловленной определенным типом иллокутивного акта. В дальнейшем членение фрагментов речи на предтакт, ритмический корпус и затакт было произведено на основе полученной в результате слухового анализа разметки, в ходе которой группе русских преподавателей-фонетистов немецкого языка предлагалось произвести на специальных бланках расстановку во фразах ударений, пауз и движений тона после двухразового прослушивания.

В ходе следующего этапа исследования – акустического анализа – были получены модели просьбы (М-1), требования (М-2), мольбы (М-3) и требования с угрозой (М-4) и установлены мелодические, динамические и темпоральные признаки каждого речевого акта в отдельности: среднедикторский уровень ЧОТ и интенсивности; величина и локализация максимальных и минимальных показателей ЧОТ, интенсивности и длительности исследуемых высказываний; диапазон тона и интенсивности; уровни ЧОТ и интенсивности слогов в предтакте, ритмическом корпусе и затакте; средняя скорость артикуляции.

Сопоставление частотных, динамических и темпоральных признаков исследуемых речевых актов позволило выявить отличительные черты просьбы, мольбы, требования и требования с угрозой. Наличие графиков упрощает визуальное восприятие обнаруженных дифференциальных признаков.

Сравнение общих усредненных значений ЧОТ всех моделей показывает, что на заданном достоверном статистическом уровне (90%) не различаются мольба и просьба, требование и требование с угрозой. Статистические расчеты усредненных показателей интенсивности не подтверждают различий между требованием и мольбой, требованием и требованием с угрозой. Расхождения в показателях слоговой длительности исследуемых иллокутивов, подтвержденные математико-статистическими расчетами, зафиксированы исключительно при сопоставлении просьбы и требования, просьбы и требования с угрозой. Однако наблюдается тенденция к различению между мольбой и требованием с угрозой.

Таким образом, параметрами, позволяющими выявить отличительные черты речевых актов директивной направленности: мольбы, требования, требования с угрозой и просьбы – преимущественно выступают ЧОТ и интенсивность. Предполагается, что выявление дифференциальных признаков на уровне длительности возможно при увеличении количества исследуемого материала.

ГЛАВА III. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Побудительные высказывания, в частности, директивы, составляют большой процент от всего объема речевого общения в официально-деловой и бытовой сферах. С точки зрения ТРА коммуникация понимается как последовательность иллокутивных актов, т.е. последовательность таких речевых единиц, которые направлены на достижение определенных коммуникативных целей (интенций). С целью минимизации или полного устранения вероятности непонимания / недопонимания между говорящим и слушающим и, как следствие, провала коммуникативной цели, речевой акт в сознании человека должен быть чем-то конкретным, что позволило бы выделить его из среды других иллокутивов.

Такое понимание речевого акта наталкивает на рассмотрение его как концепта. Концепт – это единица памяти, ментальное образование, гештальт, который обладает структурой и образуется в результате познавательной деятельности индивидуумов. Одно из главных преимуществ концепта как когнитивного явления заключается в том, что концептуализация облегчает взаимодействие с миром и отграничивает один объект от другого.

Различия директивов, которые носят однонаправленный характер, выявляются в общении, в отношениях между слушающим и говорящим, отношениях участников коммуникации к действию. Однако ключевым компонентом, позволяющим обнаружить отличительные черты, несомненно, выступает просодия.

С целью выявления отличительных просодических черт четырех речевых актов директивного типа было проведено экспериментально-фонетическое исследование на основе трех параметров: ЧОТ, интенсивности и длительности, которые на слух воспринимаются как мелодия, громкость и темп соответственно.

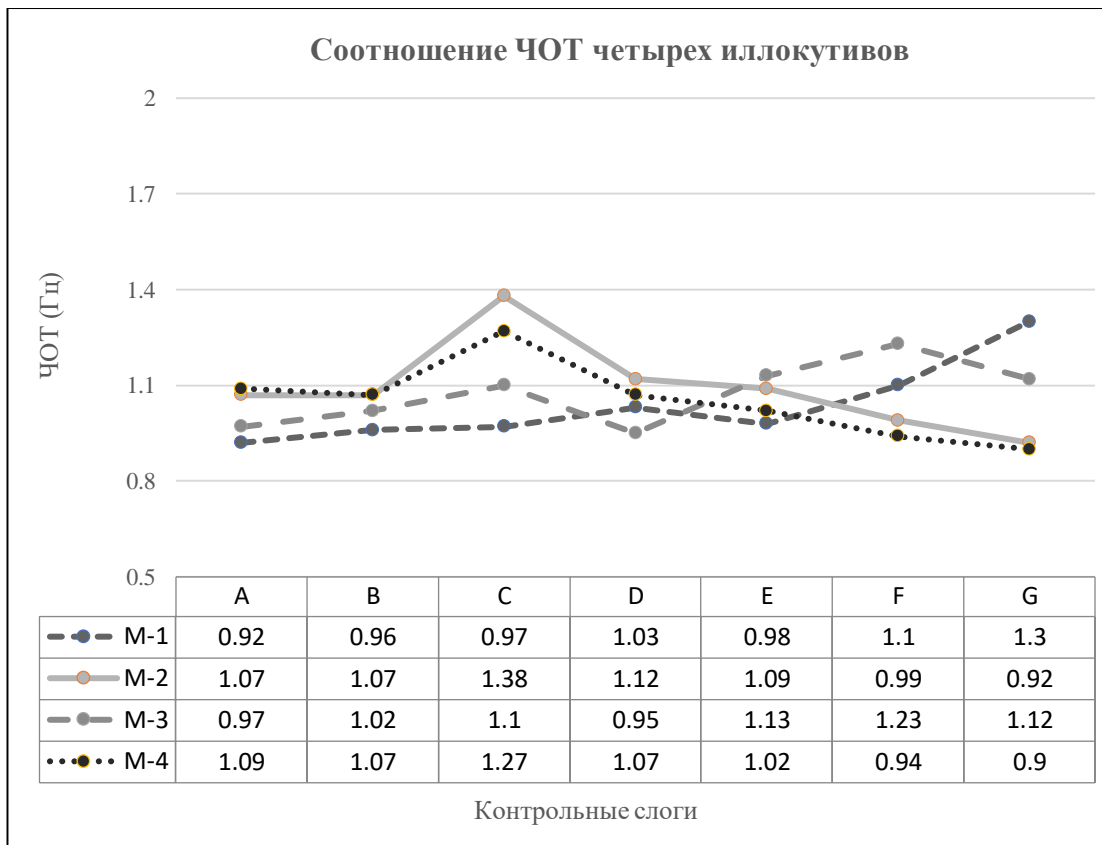
Благодаря соотношению всех четырех иллокутивов по тональному, динамическому и темпоральному признакам можно визуально обнаружить схожие

и отличительные черты на всех участках делимитации высказывания (Графики 31, 32, 33).

ЧОТ

График 31

Характер изменения ЧОТ дает основание разделить рассматриваемые иллокутивы на две условные группы. В первую группу можно отнести требование и требование с угрозой, во вторую – просьбу и мольбу. Обоснование такого разделения лежит в наличии схожих черт внутри одной группы и отличий между самими группами. Однако нужно отметить, что подобное разделение носит чисто условный характер, так как внутри одной группы, например, между мольбой и просьбой, наблюдается ряд существенных отличий.

Требование и угрожающее требование имеют идентичный тональный контур. Единственное существенное наблюдаемое отличие заключается в том, что требование тонально реализовано выше требования с угрозой. Таким образом, можно заключить, что добавление оттенка угрозы осуществляется за счет

понижения тона. Тем не менее показатели минимума и максимума совпадают в одной точке. Кривые этих речевых актов движутся идентичным образом. Это дает основание говорить о том, что требование с угрозой и обычное требование по показателю ЧОТ отличить нельзя.

На участке предтакта тон всех иллокутивов развивается относительно синхронно, при этом не принимается во внимание незначительное повышение признака у просьбы и мольбы.

Наиболее дифференцирован ритмический корпус, в частности, первый ударный слог. Здесь тон требования и требования с угрозой резко повышается, создавая ярко выраженный контраст с предтактом. Предположительно выделение смысловозначительного слога создает эффект серьезности высказывания и указывает адресату на желательность его исполнения. Так, например, первым ударным слогом в требовании оказывается слог [nɛ:k] в высказывании *Wenn du das NÄCHste Mal hier rauchst, machst du entweder das Fenster auf, oder du gehst nach draußen* (В следующий раз, когда будешь курить здесь, либо открой окно, либо выйди на улицу). В требовании с угрозой таким слогом является, например, слог [ve:k] во фразе *Wenn noch irgendetwas WEGkommt, das mir gehört, dann gehe ich zur Polizei* (Если что-то еще, что принадлежит мне, пропадет, то я иду в полицию). Напротив, мольба и просьба лишены резкого увеличения тона на первом ударном слоге, наблюдается лишь плавный рост мелодии с начала предтакта. После прохождения первого слога ритмического корпуса мелодия требования и требования с угрозой стремительно понижается, возвращаясь к значениям предтакта. Это еще раз подчеркивает наличие основного смысла на данном участке. Примечательно, что тон мольбы тоже резко идет на спад, несмотря на относительно спокойное развитие ЧОТ. Однако уже при переходе к ядерному слогу тон мольбы резко поднимается, что контрастирует с остальными речевыми актами. Просьба же продолжает движение вверх.

Зона затакта также максимально дифференцирована. В отличие от ритмического корпуса, в частности, первого ударного слога, в затакте касательно

изменения ЧОТ наблюдается диаметрально противоположная ситуация: тон мольбы и просьбы выше данного параметра требования и требования с угрозой. В финальной точке затакта просьба отмечает свой максимальный показатель, что резко контрастирует на данном участке с показателями требования и требования с угрозой, которые локализованы на втором уровне на динамической шкале. Для мольбы заядерный слог является максимальным показателем, однако далее наблюдается понижение тона.

У требования с угрозой и требования тон всегда выше, чем у мольбы и просьбы. Обратная ситуация наблюдается только в затакте. Там кривые просьбы и мольбы начинают двигаться вверх. Объясняется это тем, что для обычного требования и требования с угрозой делается акцент на важных моментах. На первом ударном слоге происходит скачок, который отличается резкостью, благодаря чему исключается двусмысленность высказывания, чтобы адресат правильно понял его. Кривая плавно понижается до конца фонации, то есть мысль обретает завершенность. Нисходящий тон всегда характерен для завершения фразы [Трубецкой 2000: 235]. У требования с угрозой кривая изменяется более плавно, чем у обычного требования. Оттенок угрозы снижает резкость тона. Но при этом высказывание носит характер ультиматума.

Тон просьбы самый спокойный, и это отличительный признак данного речевого акта. Тон совершает плавное движение вверх, скачок происходит только в конце высказывания. Этот иллокутив обычно реализуется по направлению к вышестоящему от нижестоящего. Можно сделать вполне закономерный вывод: если тон спокойный, есть большая вероятность говорить о том, что просьба будет исполнена. Объяснить повышение тона в конце можно выражением просьбы в форме вопроса. Для него характерен повышающийся тон в финале.

Мольба – кривая зигзагообразного характера. Никаких резких скачков в данном случае нет. Резкие перепады отсутствуют, так как реализация этого иллокутива происходит к вышестоящему от нижестоящего. Говорящий создает максимальный комфорт для того, к кому он обращается. Важно создать идеальные

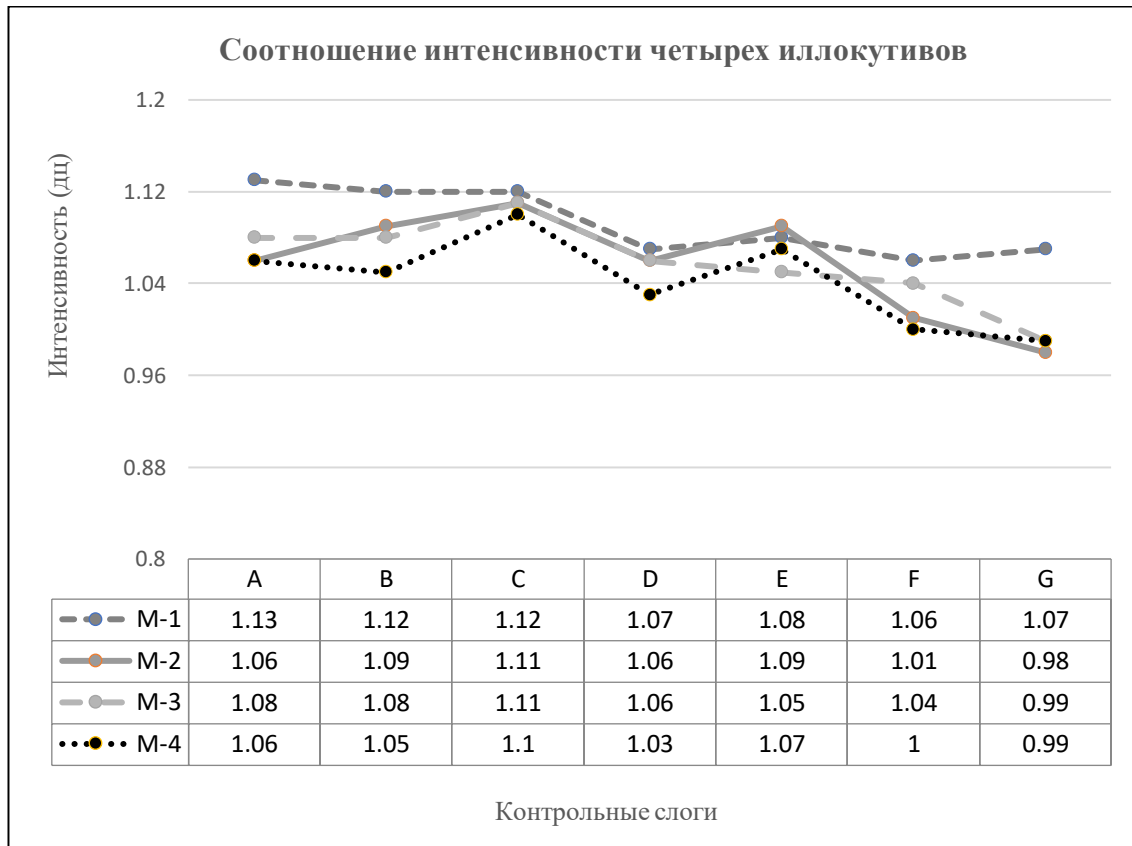
условия: именно от этого напрямую зависит, будет ли исполнена просьба. Кривая зигзагообразна, так как для фразы характерна эмоциональность. Выделяются важные точки. Именно на них должен обратить внимание тот, к кому обращено высказывание. Например, в высказывании *Es wäre **SEHR** nett von dir, wenn du mir dein **HEFT MAL** geben könntest* (Было бы очень мило с твоей стороны, если бы ты смог дать мне свой блокнот) тонально выделены слоги [ze:v], [hɛft], [ma].

Все вышеизложенное позволяет говорить, что 1) просьба – высказывание в спокойном тоне, повышается он только к концу, 2) тон мольбы также спокойный, но для нее характерны постоянные перепады, 3) тон требования выше, он резко повышается в главных точках и постепенно снижается после их прохождения, 4) требование и требование с угрозой – практически одно и то же, контуры их движения повторяются, отличия совсем невелики, но тон требования с угрозой более плавный в отличие от обычного требования.

Таким образом, дифференциация четырех иллокутивов по тональному признаку осуществляется на первом ударном слоге и слогах, локализованных в затакте.

Интенсивность

График 32

Реализация иллокутивов происходит преимущественно на четвертом и третьем уровнях. Это говорит о динамической выраженности, которая выше средних значений. Повышенная громкость, присущая данным речевым актам, объясняется тем, что говорящий стремится существенно увеличить свои шансы на то, чтобы адресат выполнил определенное действие или прекратил его.

Сопоставление рассматриваемых речевых актов по динамическому признаку позволяет выделить просьбу из всех остальных иллокутивов, так как, во-первых, просьба обладает целым рядом особенностей, во-вторых, все остальные речевые акты крайне схожи между собой на уровне интенсивности. Более того, эксперимент показал, что пары требование / мольба и требование / требование с угрозой не дифференцированы статистически.

Просьба отличается от остальных речевых актов характером развития интенсивности, расположением максимальных и минимальных показателей на

динамической шкале и повышенной громкостью в целом. Наибольшая дифференциация наблюдается на участках предтакта и затакта. Несмотря на относительную синхронность развития признака в предтакте мольбы и требования с угрозой, просьба выделена громкостью гораздо ярче (расположена на один уровень выше), причем на начало предтакта приходится пик интенсивности просьбы. Объяснить это можно тем, что первый ударный слог в большинстве рассматриваемых случаев оказывался в самом начале фонации. Это приводило к слиянию всего предтакта с первым ударным слогом, что подтверждается практически идентичными значениями в первых трех точках: А (1,13), В (1,12), С (1,12). Так, первый ударный слог оказывался в таких словах, как, например, *kannst*, *wäre* в предложениях **KANNST** *du mir vielleicht zehn Euro bis morgen ausleihen?* (Не мог бы ты одолжить мне десять евро до завтра?) или **WÄRE** *es möglich, dass du mir dieses Programm auf CD brennst?* (Не мог бы ты записать мне эту программу на CD?). Требование к концу предтакта значительно увеличивает громкость.

Ритмический корпус представляет собой менее дифференцированный участок. Мольба, требование и требование с угрозой резко увеличивают громкость к первому ударному слогу, где зафиксированы их максимальные показатели. Хотя просьба и не выделяет первый слог ритмического корпуса, ее показатель почти идентичен с показателями остальных трех речевых актов. К предъядерному слогу наблюдается идентичное движение всех речевых актов. Вторым по значимости слогом для требования и требования с угрозой является ядерный, где отмечается очередное повышение громкости. Напротив, мольба, выделяя первый ударный слог, идет на спад вплоть до завершения фонации. Можно предположить, что чем больше ключевых, смыслоразличительных слогов выделяется громкостью, тем более эффективно происходит воздействие на адресата и тем авторитарнее звучит высказывание. Интенсивность просьбы лишь слегка поднимается.

Затакт также характеризуется рядом отличий между иллокутивными актами. После прохождения ядерного слога требование и требование с угрозой стремительно понижают интенсивность, однако к концу громкость изменяется

более плавно. Для мольбы характерно более плавное изменение данного параметра к началу затакта. В отличие от двух предыдущих речевых актов, на данном участке мольба резко понижает громкость. Просьба в свою очередь хотя и не значительно, но повышает динамику к концу высказывания. Это напрямую коррелирует с полученными данными по ЧОТ, где кривая к завершению фонации стремительно увеличивает тон, что объясняется интеррогативным характером просьбы.

График 32 демонстрирует, что для первой половины кривых всегда характерна повышенная громкость. Приходится она обычно на предтакт и в некоторой степени – на ритмический корпус в точке С. Делаем вывод: чтобы эффективно реализовать один из четырех рассматриваемых иллокутивов, предположительно необходимо динамически акцентировать первую часть высказывания.

Просьба – высказывание нейтрального характера. В нем отсутствует эмоциональная составляющая. Движение в процессе всего высказывания достаточно плавное. Исключением является лишь ритмический корпус. Когда он пройден, кривая начинает постепенно идти на спад, отмечаются только несущественные повышения. Можно заключить, что смысловая часть расположена в начале фонации. Именно поэтому происходит слияние первого ударного слога и предтакта. Во фразах, которые были выбраны для исследования, просьба всегда была выражена в вопросительной форме, преимущественно с глаголом *können* (мочь), например, *Könntest du vielleicht in einen Supermarkt gehen und einen Kuchen kaufen?* (Может быть, ты смог бы сходить в магазин и купить торт?). Вполне возможно, что говорящий выбирает форму глагола *können*, для того чтобы понять, сможет ли слушатель исполнить ту просьбу, с которой к нему обращаются. Мольба – одновершинная кривая. Ее пик находится на первом слоге под ударением. Обычно пик приходится на слова *möglich* (возможно), *bitte* (пожалуйста). Внимание акцентируется на словах, с помощью которых адресант создает максимальный комфорт для адресата. Этими словами он располагает его к себе. Если рассмотреть мольбу и просьбу детальнее, можно увидеть, что кривые после первого слога под

ударением в основном начинают нисходящее движение (в отличие от обычного требования и требования с угрозой). В речевом акте просьбы в затакте повышается интенсивность, а в речевом акте мольбы она резко снижается. Объясняется это тем, что просьба выражается в форме вопроса, поэтому громкость в конце фразы идет вверх. В речевом акте мольбы громкость понижается в конце, так как это завершение мысли.

Требование – это определенное желание, которое выражается решительно и категорически. Интенсивность требования постоянно меняется. Для громкости характерны перепады. Ритмический такт является той частью, в которой заключен смысл высказывания. В нем присутствует две вершины, которые приходятся на первый слог под ударением и ядерный слог. Это можно наблюдать, например, в высказывании *Wenn wir weiter **FREUNDe** bleiben wollen, will ich, dass du keine solche **WITze** mehr machst* (Если мы хотим остаться друзьями, я хочу, чтобы ты перестал так шутить). Затакт и предтакт не выделяются с помощью громкости. Это можно увидеть в затакте наиболее явно. Кривая требования достигает основного ударного слога, и после этого начинается ее резкий спад. Это подчеркивает, что очень важно донести до слушающего требование. Во время исследования выяснилось, что громкость всегда акцентируется на основных словах во фразе.

Требование с угрозой – крайняя форма требования, которая носит авторитарный характер. Если исходить из определения и из полученных результатов, можно увидеть несомненные сходства между обычным требованием и требованием с угрозой. Для них характерен контур с двумя вершинами, одинаковое движение кривой. Смысл обычно заключен в ритмическом корпусе. Но есть также основания, которые позволяют отличать данные речевые акты по интенсивности. С самого начала фразы у требования интенсивность постепенно повышается, и ее пик приходится на ритмический корпус. Для требования с угрозой характерно абсолютно обратное. В предтакте идет плавное понижение кривой. Затем она начинает резко двигаться вверх до первого слога под ударением. В затакте картина идентичная. Громкость на этом участке кривой распределяется

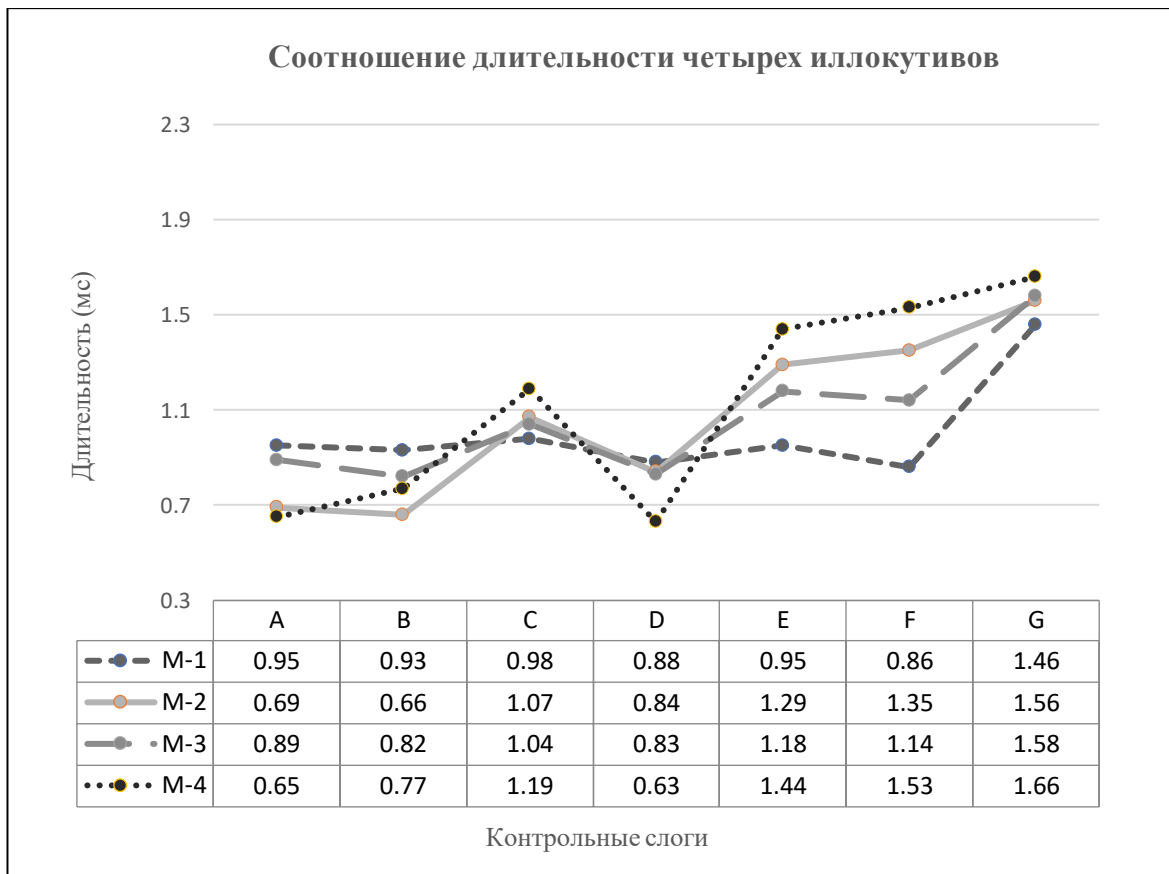
равномерно. Изложенное позволяет прийти к заключению о том, что, выступая разновидностью требования, требование с угрозой имеет более низкую громкость, что особенно проявляется в предтакте и затакте. Это позволяет создать «пугающий» адресата эффект. На данном контрасте идет столкновение, с одной стороны, ключевого слова, которое выделяется громкостью, с другой стороны – слова, которое выражается спокойным тоном. Так, например, в предложении *Wenn du mir morgen meinen Kassettenrekorder nicht **BRINGST**, dann werde ich dir nie mehr meine **SACHEN** ausleihen* (Если ты завтра не принесешь мне мой магнитофон, я больше никогда не одолжу тебе свои вещи) ключевые слоги [bringst] и [zaxn], ярко выделенные интенсивностью, контрастируют со слогами [ven], [nixt], [maen], [aus], [[aεən], в которых отсутствует данный признак. Акцентирование громкости на первом ударном слоге, понижение признака к концу фонации у требования и требования с угрозой коррелирует с данными по ЧОТ.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1) просьба представляет собой спокойное высказывание, однако в целом громче остальных речевых актов; интенсивность преобладает в первой половине высказывания; 2) мольба – более эмоциональное высказывание, что выражается на уровне интенсивности в акцентировании ключевого слога и стремительном падении признака; 3) требование – более авторитарное высказывание, в котором громкостью четко выделяются смыслоразличительные слоги, приходящиеся на ритмический корпус, и опускаются второстепенные; 4) требование с угрозой выступает крайней формой требования с рядом сходных признаков, но в целом требование с угрозой является менее громким высказыванием.

Таким образом, на уровне интенсивности дифференциальными участками выступают предтакт и затакт.

Длительность

График 33

В процессе проведенного анализа длительности слогов в речевых актах удалось выявить сходства и различия.

В предтакте темп речевых актов развивается синхронно, кроме требования с угрозой. В начале произнесения мольба и просьба медленнее других актов.

Когда отмечается переход к первому ударному слогу, происходит замедление темпа у мольбы, требования и требования с угрозой, особенно отчетливо это видно у последних двух иллокутивов. В мольбе первым ударным слогом является слог [t^he:] в высказывании *Kannst du bitte in die Apo**THE**ke gehen und mir was bringen?* (Не мог бы ты сходить в аптеку и принести мне что-нибудь?); в требовании – слог [an] в высказывании *Wenn du dir sowas **AN**sehen willst, kauf dir einen eigenen Fernseher* (Если хочешь это смотреть, купи себе свой телевизор); в требовании с угрозой – слог [nɔx] в высказывании *Wenn du das **NOCH** jemandem erzählst, dann passiert was* (Если ты расскажешь об этом кому-то другому, что-то будет). Темп

просьбы на протяжении всего ритмического корпуса не меняется. Напротив, скорость фонации остальных речевых актов на данном участке отмечает ускорение признака, а затем очередное замедление. Причем изменение темпа носит крайне резкий характер. Дифференциация побудительных высказываний по темпоральному признаку обнаруживается прежде всего в конце ритмического корпуса и начале затакта (в зоне каденции). Мольба, требование и требование с угрозой находятся на один уровень выше просьбы, однако стоит отметить, что мольба и требование также различаются между собой по числовым значениям в зоне каденции.

Несмотря на схожесть мольбы, требования и требования с угрозой на уровне длительности, первый речевой акт при переходе к затакту фиксирует ускорение темпа. Так, безударный слог в затакте в случае мольбы приходится на [ən] в предложении *Es wäre klasse, wenn du mir dieses Buch heute Abend gebEN könntest* (Было бы здорово, если бы ты смог дать мне эту книгу сегодня вечером). В затакте выявляется черта, которая объединяет все четыре иллокутива. Темп речи замедляется в конце, что указывает на завершенность мысли.

Те результаты, которые удалось получить, позволяют объединить требование обычное, требование с угрозой и мольбу в общую группу. По параметрам она резко отличается от просьбы. В процессе развертывания высказывания темп просьбы остается без изменений. Это говорит о монотонности. Причем характер изменения скорости фонации просьбы полностью совпадает с данным параметром на уровне частоты основного тона. Для обычного требования и требования с угрозой характерно постоянное изменение скорости. Темп становится то медленным, то быстрым в ходе произнесения фразы. При замедлении темпа фонации говорящий стремится выделить главные моменты. При ускорении он опускает то, что считает менее важным. Выделение темпом ключевых слогов на участке ритмического корпуса (первого ударного и ядерного слогов) требования и требования с угрозой коррелирует с данным признаком на уровне ЧОТ и интенсивности. В мольбе наблюдается устойчивая тенденция к перепадам темпа. Это заметнее всего

проявляется на уровне каденции, где кривая мольбы начинает резкий подъем. Объяснить данный факт можно эмоциональной составляющей, которая присуща мольбе.

Речевым актам, которые входят в одну группу, присущи как сходства, так и отличия. Движение кривой требования с угрозой и обычного требования практически идентично. Это усложняет их деление по темпоральному признаку. Для требования с угрозой характерны более заметные перепады. Мольба и просьба схожи в предтакте и ритмическом корпусе.

Более всего различия заметны между требованием с угрозой и просьбой. Дифференциация происходит в зоне каденции, что подтверждается математико-статистическими расчетами.

Для всех речевых актов характерно наличие более замедленного темпа в конце фонации по сравнению с началом высказывания.

В результате проведенного анализа полученных данных можно сделать следующие выводы относительно параметра длительности: 1) просьба представляет собой монотонное высказывание, темп которого не меняется на всём его протяжении, лишь к финалу фонации резко замедляется; 2) мольба – более эмоциональное высказывание, темп которого схож с данным параметром требования и требования с угрозой, но менее резко выражен; 3) требование проявляет себя как авторитарное высказывание с акцентированием на ключевых слогах; 4) требование с угрозой, будучи крайней формой речевого акта требования, повторяет его контур изменения темпа, однако с более резкими перепадами.

Таким образом, наиболее дифференцированным участком выступает зона каденции – ядерный и заядерный слоги.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Сопоставительный анализ всех исследуемых иллокутивных актов по каждому параметру (ЧОТ, интенсивность и длительность) позволил выявить их отличительные черты по тональному, динамическому и темпоральному признакам. В последующем была проведена лингвистическая интерпретация полученных результатов на уровне просодии. Каждый речевой акт обладает своим уникальным просодическим рисунком.

Выбор того или иного параметра – ЧОТ, интенсивности и длительности с целью сопоставления иллокутивов приводит к признакам, по которым рассматриваемые речевые акты можно объединить или разграничить. На тональном уровне представляется возможным условно выделить две группы. В первую входят требование и требование с угрозой, во вторую – мольба и просьба. Характерной чертой, которая обнаруживается при рассмотрении требования и требования с угрозой, является выделение смыслоразличительных слогов, тем самым предположительно создается эффект серьезности высказываний и желательность их исполнения. Понижение тона данных речевых актов вплоть до завершения фонация свидетельствует о законченности мысли. Более спокойный тон, присущий мольбе и просьбе, объясняется спецификой реализации данных речевых актов. Преимущественно просьба и мольба осуществляются в ситуации от нижестоящего к вышестоящему, следовательно, более спокойный тон может служить гарантом достижения коммуникативной цели. Схожесть между парами иллокутивов не отменяет наличия дифференциации между ними. Относительно просьбы мольба отмечает зигзагообразность движения кривой, что объясняется эмоциональной составляющей внутри данного речевого акта. Требование с угрозой отличается от обычного требования более плавным тоном, что вероятно достигается за счет добавления оттенка угрозы.

При сопоставлении четырех речевых актов через призму интенсивности было установлено, что просьба контрастирует со всеми остальными иллокутивами

– характером развития данного параметра, расположением максимальных и минимальных показателей на динамической шкале и повышенной громкостью в целом. Для просьбы характерно повышение громкости и тона к концу высказывания, что может объясняться интеррогативным характером речевого акта. Громкость мольбы, требования и требования с угрозой к завершению фонации уменьшается, что говорит о завершенности мысли всего высказывания. Акцентирование громкостью первой части высказывания, куда входят предтакт и частично ритмический корпус, наблюдается у всех иллокутивов, что вероятно с точки зрения эффективности реализации данных речевых актов является самым оптимальным. Требование и требование с угрозой отмечают акцентирование громкостью двух слогов в ритмическом корпусе. Предполагается, что чем больше ключевых слогов выделяется на динамическом уровне, тем авторитарнее звучит высказывание.

Параметр длительности также позволяет выделить просьбу среди остальных речевых актов. Плавное движение кривой данного иллокутива на темпоральном уровне, преимущественно на протяжении всего развертывания фразы, свидетельствует о монотонном характере просьбы. Резкие перепады скорости фонации, выявленные при изучении требования и требования с угрозой, позволяют выделять главную информацию и опускать второстепенную, что коррелирует с результатами по данным речевым актам на уровне ЧОТ и интенсивности. При рассмотрении мольбы можно также зафиксировать ускорение и замедление темпа на протяжении высказывания, однако менее выраженное, чем в требовании и требовании с угрозой. Наличие эмоциональной составляющей, присущей мольбе, находит объяснение данным перепадам.

Схожесть требования и требования с угрозой по многим признакам позволяет утверждать о том, что требование с угрозой является крайней формой обычного требования.

Наиболее дифференциальными участками речевого членения по тональному признаку выступили первый ударный слог (точка С) и затакт (точки F и G), на

уровне громкости – предтакт (точки А и В) и затакт (точки F и G), по параметру длительности – главноударный (точка E) и заядерный (точка F) слоги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникация как последовательность речевых актов подразумевает наличие некоторой цели, которую ставят перед собой участники общения. В связи с этим можно говорить о прагматическом начале, заложенном в коммуникации. Одну из широкоупотребительных форм речевого общения, включая официально-деловую и бытовую сферы, представляют директивы. Посредством высказываний данного типа осуществляются попытки добиться от адресата выполнения или прекращения какого-либо действия. Соответственно, ошибочная интерпретация или некорректное воспроизведение директива может повлечь за собой негативные последствия для одного или сразу двух участников диалога. Чтобы избежать подобного исхода, коммуникантам необходимо иметь в сознании четкое представление о том, что следует вербально выразить и воспринять, т.е. концепт.

В связи с тем, что речь идет об устной коммуникации, дифференцирующие признаки концепта прежде всего необходимо искать на уровне просодии, главными параметрами которой выступают ЧОТ, интенсивность и длительность, воспринимаемые на слух, соответственно, как мелодия, громкость и темп.

Экспериментально-фонетическое исследование позволило выявить отличительные черты однонаправленных речевых актов директивного типа на уровне просодии. Так как речевой акт рассматривается в качестве концепта, то выявленные тональные, динамические и темпоральные контуры мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой позволяют этим речевым актам как концептам иметь свои четко очерченные просодические рамки. Необходимость принимать во внимание фонетическую составляющую концептов обуславливается тем, что при вербальном порождении и восприятии концептов знание дифференцирующих просодических признаков позволит повысить эффективность речевого общения, снизить вероятность коммуникативных неудач и минимизировать непонимание / недопонимание между участниками диалога.

Просьба представляет собой нейтральное, спокойное высказывание, которое на просодическом уровне выражается в следующем: тонально просьба не подвергается изменениям, лишь к завершению тон резко увеличивается; интенсивность реализуется в первой половине высказывания, причем данный речевой акт в целом громче остальных иллокутивов; темпоральный признак полностью копирует характер изменения ЧОТ – отмечается одинаковый темп на протяжении всего развертывания высказывания, к завершению наблюдается резкое замедление скорости фонации.

Мольба является более эмоциональным высказыванием, направленным на расположение адресантом слушающего к себе. Данный иллокутив вбирает в себя признаки и просьбы, и требования: с одной стороны, более плавное движение, но с более выраженными слогами, с другой стороны, перепады, но менее резкие. Это прослеживается на уровне ЧОТ, интенсивности и длительности.

Требование – авторитарное высказывание, которое выражается на уровне просодии в следующем: ключевые, смыслообразующие слоги выделяются трижды – на тональном, динамическом и темпоральном уровнях, что, безусловно, говорит о крайней важности донесения до адресата смысла высказывания и его выполнения.

Требование с угрозой, представляя собой крайнюю форму обычного требования, несет в себе основные признаки данного речевого акта. ЧОТ, интенсивность, длительность выделяют ключевые слоги и создают контур, идентичный с требованием. Однако оттенок угрозы неизбежно вносит свои корректировки в просодический рисунок. Данный иллокутив характеризуется меньшей тональной и динамической выраженностью и более замедленным темпом.

Таким образом, каждый рассматриваемый подтип директивного речевого акта – мольба, просьба, требование и требование с угрозой – в качестве иллокутивного концепта обладает своими дифференцирующими признаками, которые можно выявить при учете просодии. Зная разницу между данными подтипами директивного речевого акта, говорящий, предполагается, сможет

достичь желаемого результата с большей долей вероятности. В свою очередь слушающий, принимая концепт, может реагировать на него в соответствии с его характеристиками.

Выявленные в ходе исследования индивидуальные просодические особенности мольбы, просьбы, требования и требования с угрозой, соответствующие экстралингвистическим факторам речевой ситуации, подтверждают выдвинутую гипотезу.

Поставленные цели и задачи диссертационного исследования были полностью достигнуты. В ходе слухового, акустического, математико-статистического анализа были построены просодические модели однонаправленных иллокутивных актов – мольбы, требования, просьбы и требования с угрозой. В дальнейшем осуществлялось сопоставление характеристик тона, громкости и темпа, характеризующих четыре речевых акта. После выявления отличительных признаков иллокутивов на тональном, динамическом и темпоральном уровнях была проанализирована связь просодических черт со смысловым содержанием исследуемых речевых актов, дана лингвистическая интерпретация обнаруженным явлениям.

Полученные результаты могут носить как академический характер – в рамках преподавания теоретических лингвистических дисциплин, так и прикладной – при решении задач автоматического распознавания и синтеза речи, в частности, при проведении фоноскопической судебной экспертизы. Фонетическая составляющая позволяет пополнить лингвистические данные о процессах воспроизведения и восприятия речевых актов, заполнить лакуны в концептуализации мира, дополнить общую теорию речевых актов.

Результаты проведенного экспериментально-фонетического исследования могут послужить базой для дальнейшего сопоставительного анализа речевых актов директивной направленности с другими типами иллокутивов, в том числе на других языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова, А. М. Ритмическая система английской речи / А. М. Антипова. – Москва : Высшая школа, 1984. – 120 с. – Текст : непосредственный.
2. Артемов, В. А. Речевая интонация / В. А. Артемов. – Текст : непосредственный // Экспериментальная фонетика : сборник научных трудов. – Минск, 1971. – С. 196–214.
3. Артемов, В. А. Экспериментальная фонетика / В. А. Артемов. – Москва, 1956. – 228 с. – Текст : непосредственный.
4. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов. – Текст : непосредственный // Русская словесность. Антология. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–280.
5. Барышникова, К. К. О просодических единицах речи / К. К. Барышникова, С. М. Гайдучик. – Текст : непосредственный // Экспериментальная фонетика: сборник научных трудов. – Минск, 1972. – С. 3–17.
6. Барышникова, К. К. Уровни анализа просодии и ее функции / К. К. Барышникова, С. М. Гайдучик. – Текст : непосредственный // Экспериментальная фонетика : сборник научных трудов. – Минск, 1975. – С. 4–23.
7. Башкина, Б. М. Физические параметры просодии речи и их измерение / Б. М. Башкина, Л. Д. Бухтилов. – Минск, 1977. – 61 с. – Текст : непосредственный.
8. Беленикина, Л. Н. Фоностилистическая вариативность просодических характеристик иллокутивных актов сентенциативного типа (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Беленикина Людмила Николаевна. – Москва, 2011. – 169 с. – Текст : непосредственный.
9. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва, 1974. – 276 с. – Текст : непосредственный.

10. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – Москва : Высшая школа, 2004. – 471 с. – Текст : непосредственный.
11. Блохина, Л. П. Методика анализа просодических характеристик речи / Л. П. Блохина. – Москва : Изд-во МГПИИЯ, 1982. – 75 с. – Текст : непосредственный.
12. Блохина, Л. П. Просодическая организация спонтанной речи / Л. П. Блохина // Языкознание в теории и эксперименте. – Москва : Пробел, 2002. – С. 123–312.
13. Богданов, В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В. В. Богданов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2007. – 278 с. – Текст : непосредственный.
14. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с. – Текст : непосредственный.
15. Бондарко, Л. В. Звуковой строй современного русского языка / Л. В. Бондарко. – Москва : Просвещение, 1977. – 175 с. – Текст : непосредственный.
16. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка / Е. А. Брызгунова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 306 с. – Текст : непосредственный.
17. Бубнова, Г. И. Перцептивно-слуховая сегментация устно порождаемой речи / Г. И. Бубнова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 3. – С. 51–64.
18. Бурак, М. А. Особенности интонационного оформления тропеических средств в лексиконе индивида : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бурак Мария Андреевна. – Тверь, 2018. – 21 с. – Текст : непосредственный.

19. Бурашникова, О. Е. Просодические характеристики истинных и неистинных оценочных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бурашникова Оксана Евгеньевна. – Тамбов, 2008. – 181 с. – Текст : непосредственный.

20. Бут, Н. А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «минативов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бут Наталия Андреевна. – Тамбов, 2004. – 185 с. – Текст : непосредственный.

21. Бухарин, В. И. Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного / В. И. Бухарин. – Москва : Русский язык, 1986. – 92 с. – Текст : непосредственный.

22. Васильев, В. А. Обучение английскому произношению в средней школе / В. А. Васильев. – Москва : Просвещение, 1979. – 144 с. – Текст : непосредственный.

23. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 251–275.

24. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 238–250.

25. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 79–128.

26. Вишневская, Г. М. Методология и методика экспериментально-фонетических исследований / Г. М. Вишневская. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 1990. – 83 с. – Текст : непосредственный.
27. Вишневская, Г. М. Фонетическая рапсодия / Г. М. Вишневская, Т. В. Левина. – Москва : Издательский дом Академии естествознания, 2021. – 296 с. – Текст : непосредственный.
28. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2002. – С. 79–95.
29. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с. – Текст : непосредственный.
30. Гайдучик, С. М. Практическая фонетика немецкого языка : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – Ч. 1. – Минск : Вышэйшая школа, 1984. – 238 с. – Текст : непосредственный.
31. Гайдучик, С. М. Типология речевых высказываний / С. М. Гайдучик. – Текст : непосредственный // Экспериментальная фонетика : сборник научных трудов. – Минск, 1972. – С. 46–67.
32. Герасимович, А. И. Математическая статистика / А. И. Герасимович. – Минск : Вышэйшая школа, 1983. – 279 с. – Текст : непосредственный.
33. Григорьев, Е. И. Просодический компонент в распознавании концепта иллокутивного действия / Е. И. Григорьев, С. В. Евтеев. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 7(135). – С. 7–11.
34. Григорьев, Е. И. Восприятие и распознавание концептов речевых актов в условиях устной коммуникации / Е. И. Григорьев. – Текст : непосредственный // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 5(32). – С. 261–269.
35. Григорьев, Е. И. Интонационные оппозиции речевых актов побуждения (экспериментально-фонетическое исследование на материале

современного немецкого языка) : монография / Е. И. Григорьев. – Москва : Московский государственный институт международных отношений (университет), 2009. – 159 с. – Текст : непосредственный.

36. Григорьев, Е. И. Прагматический аспект речевой просодии (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Григорьев Евгений Иванович. – Москва, 1996. – 50 с. – Текст : непосредственный.

37. Григорьев, Е. И. Речь как звучащая субстанция и методы ее исследования / Е. И. Григорьев. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2004. – 71 с. – Текст : непосредственный.

38. Григорьев, Е. И. Фактор интонации в формировании концептов речевых актов / Е. И. Григорьев, С. В. Евтеев. – Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 20. – С. 53–63.

39. Григорьев, Е.И. Фоностилистическая вариативность просодических структур повествования : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Григорьев Евгений Иванович. – Минск, 1979. – 170 с. – Текст : непосредственный.

40. Демьянков, В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной зарубежной лингвистической литературы (обзор направлений) / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 223–234.

41. Деркач, А. К. Культурно-специфические характеристики просодии директивных высказываний (экспериментально-фонетическое исследование на материале французского, немецкого и русского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Деркач Анна Константиновна. – Тамбов, 2007. – 162 с. – Текст : непосредственный.

42. Дубицкая, Е. Н. Акустические характеристики фразовых акцентов в косвенных директивах в белорусском и немецком языках / Е. Н. Дубицкая. – Текст : непосредственный // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3: Филология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 90–95.

43. Дубовский, Ю. А. Вопросы просодии устного текста / Ю. А. Дубовский. – Минск : Вышэйшая школа, 1975. – 295 с. – Текст : непосредственный.

44. Ершова, Н. Б. Просодические характеристики иллокутивных актов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ершова Наталья Болатовна. – Тамбов, 2003. – 162 с. – Текст : непосредственный.

45. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. – Москва : Гнозис, 2005. – 543 с. – Текст : непосредственный.

46. Зарецкая, Е. В. О просодических характеристиках функционально-стилистических разновидностей устной монологической речи (на материале немецкого языка) / Е. В. Зарецкая. – Текст : непосредственный // Экспериментальная фонетика : сборник научных трудов. – Минск, 1975. – С. 117–128.

47. Звягинцева, А. В. Концептосфера текста и уровни ее реализации / А. В. Звягинцева. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23, № 2. – С. 116–120.

48. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи / Л. Р. Зиндер. – Москва : Academia; Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2007. – 574 с. – Текст : непосредственный.

49. Зиндер, Л. Р. Общая фонетика / Л. Р. Зиндер. – Москва : Высшая школа, 1979. – 312 с. – Текст : непосредственный.

50. Златоустова, Л. В. Интонация и просодия в организации текста / Л. В. Златоустова. – Текст : непосредственный // Звучащий текст. – Москва, 1983. – С. 11–21.

51. Инос, А. Язык рекламы и теория речевых актов. Рекламный дискурс как сложный косвенный речевой акт / А. Инос. – Текст : непосредственный // Слово и текст : коллективная монография, посвященная 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Южного федерального университета Галины Федоровны Гавриловой. – Ростов-на-Дону : ООО «Донское книжное издательство», 2020. – С. 67–79.

52. Карандеева, Л. Г. Ситуативно обусловленная вариативность просодических характеристик директивных иллокутивов (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Карандеева Людмила Георгиевна. – Тамбов, 2006. – 201 с. – Текст : непосредственный.

53. Карасик В. И. Здравый смысл как лингвокультурный концепт / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов, посвященный юбилею профессора Н. Н. Болдырева / под редакцией Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 184–203.

54. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

55. Карневская, Е. Б. Критерии надежности перцептивной идентификации единиц английской речевой просодии / Е. Б. Карневская, К. П. Репина. – Текст : непосредственный // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2018. – № 4(95). – С. 94–101.

56. Карцевский, С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 296 с. – Текст : непосредственный.

57. Касевич, В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания / В. Б. Касевич. – Москва : Наука, 1983. – 295 с. – Текст : непосредственный.
58. Кифер, Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании / Ф. Кифер. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 333–348.
59. Кобозева, И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 7–21.
60. Кодзасов, С. В. Исследования в области русской просодии / С. В. Кодзасов. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 491 с. – Текст : непосредственный.
61. Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 349–383.
62. Крапивкина, О. А. Лингвосемиотический анализ концепта и понятия (на материале текстов научного и научно-популярного дискурса) / О. А. Крапивкина. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 7, № 4. – С. 209–222.
63. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Москва : Знак, 2012. – 208 с. – Текст : непосредственный.
64. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. – Москва : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 90 с. – Текст : непосредственный.
65. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.
66. Кузнецов, В. Г. Научное наследие Женевской лингвистической школы / В. Г. Кузнецов. – Москва : Знак, 2010. – 368 с. – Текст : непосредственный.

67. Кучеренко, К. В. Речевое манипулятивное воздействие в политической коммуникации (на материале выступлений испанских политиков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кучеренко Ксения Владимировна. – Москва, 2013. – 179 с. – Текст : непосредственный.

68. Лакофф, Г. Лингвистические гештальты / Г. Лакофф. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск X. Лингвистическая семантика. – Москва, 1981. – С. 350–368.

69. Ларина, Т. С. Лингвокультурные особенности директивных речевых актов в немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ларина Татьяна Сергеевна. – Москва, 2021. – 25 с. – Текст : непосредственный.

70. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с. – Текст : непосредственный.

71. Ли, Н. В. Оптимизация интерактивной деятельности учащихся при обучении иноязычному устно-речевому общению в гимназии (на материале корейского языка) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Ли Надежда Вадимовна. – Санкт-Петербург, 2006. – 360 с. – Текст : непосредственный.

72. Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В. Н. Ярцевой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст : непосредственный.

73. Лисенкова, Н. Н. О некоторых особенностях побудительных речевых актов в судебном дискурсе (на материале английского языка) / Н. Н. Лисенкова. – Текст : непосредственный // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – 2020. – № 3(32). – С. 245–252.

74. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. – Текст : непосредственный // Известия РАН-СЛЯ. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

75. Лихачев, Э. В. Вариативность просодических комплексов актуализации футбольного комментария (на материале немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нижний Новгород, 2017. – 22 с. – Текст : непосредственный.

76. Лызлов, А. И. Оценка и теория речевых актов (на материале фразеологических высказываний английского языка) / А. И. Лызлов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. – 2017. – № 2. – С. 11.

77. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва : Флинта: Наука, 2011. – 296 с. – Текст : непосредственный.

78. Мельников, Г. П. Тон, интонация и значение / Г. П. Мельников. – Текст : непосредственный // Интонация и фонология : сборник научных трудов. – Москва : Изд-во РУДН, 1980. – С. 83–87.

79. Метлюк, А. А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва / А. А. Метлюк. – Минск : Вышэйшая школа, 1986. – 111 с. – Текст : непосредственный.

80. Надеина, Т. М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Надеина Татьяна Михайловна. – Москва, 2004. – 428 с. – Текст : непосредственный.

81. Николаева, Е. Ю. Просодические средства выражения вежливости в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

/ Николаева Елена Юрьевна. – Нижний Новгород, 2005. – 196 с. – Текст : непосредственный.

82. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – Текст : непосредственный.

83. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков / Т. М. Николаева. – Москва : Наука, 1977. – 278 с. – Текст : непосредственный.

84. Новицкая, Н. Л. Об основных просодических характеристиках диалогической речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка) / Н. Л. Новицкая. – Текст : непосредственный // Экспериментальная фонетика : сборник научных трудов. – Минск, 1975. – С. 173–182.

85. Норк, О. А. Основные интонационные модели немецкого языка / О. А. Норк. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1964. – № 4. – С. 121–139.

86. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–130.

87. Павиленис, Р. И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) / Р. И. Павиленис. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 380–388.

88. Павиленис, Р. И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – Москва : Мысль, 1983. – 286 с. – Текст : непосредственный.

89. Падучева, Е. В. Статьи разных лет / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянских культур, 2009. – 736 с. – Текст : непосредственный.

90. Петрова, Е. Б. Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике / Е. Б. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 124–133.

91. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 511 с. – Текст : непосредственный.
92. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : ИНК «Графика», 2004. – 385 с. – Текст : непосредственный.
93. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение / М. В. Пименова. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 176 с. – Текст : непосредственный.
94. Пиотровская, Л. А. Дифференцированный подход к изучению эмотивной функции интонации / Л. А. Пиотровская. – Текст : непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 143–163.
95. Подгорбунская, И. Г. Особенности просодико-семантической структуры идиом в современном английском языке: синергетический аспект: (экспериментально-фонетическое исследование) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Подгорбунская Ирина Геннадьевна. – Нижний Новгород, 2017. – 182 с. – Текст : непосредственный.
96. Полевая, О. В. Вариативность языковых способов выражения директивных речевых актов (на материале французского языка) / О. В. Полевая. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 95–99.
97. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова. – Москва : АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с. – Текст : непосредственный.
98. Потапов, В. В. Просодия как основа многоцелевых междисциплинарных исследований / В. В. Потапов. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2019. – № 2. – С. 58–62.
99. Потапова, Р. К. Речевая коммуникация: от звука к высказыванию / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 461 с. – Текст : непосредственный.

100. Потапова, Р. К. Язык, речь, личность / Р. К. Потапова, В. В. Потапов. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с. – Текст : непосредственный.
101. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – 4-е издание. – Москва : Флинта, 2016. – 176 с. – Текст : непосредственный.
102. Пуник, И. А. Просодические характеристики слова и интонация предложения (на материале немецкого языка): монография / И. А. Пуник. – Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2020. – 211 с. – Текст : непосредственный.
103. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 536 с. – Текст : непосредственный.
104. Руберт, И. Б. Категоризация отношений «часть-целое» в гештальт-психологии и литературе (на примере лирики немецкого экспрессионизма) / И. Б. Руберт, Ю. Г. Тимралиева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2008.
105. Самосенкова, Т. В. Методическая система обучения культуре профессионального речевого общения иностранных студентов-филологов в условиях непрерывного образования : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Самосенкова Татьяна Владимировна. – Санкт-Петербург, 2004. – 472 с. – Текст : непосредственный.
106. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка / Н. Д. Светозарова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1982. – 175 с. – Текст : непосредственный.
107. Светозарова, Н. Д. Некоторые проблемы терминологических соответствий в области просодики и интонации / Н. Д. Светозарова. – Текст : непосредственный // Языкознание в теории и эксперименте : сборник научных трудов. – Москва, 2002. – С. 500–509.
108. Светозарова, Н. Д. Просодическая организация высказывания и интонационная система языка : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук /

Светозарова Наталия Дмитриевна. – Ленинград, 1983. – 514 с. – Текст : непосредственный.

109. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986а. – С. 170–194.

110. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986б. – С. 195–222.

111. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт / Дж. Р. Серль. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986в. – С. 151–169.

112. Сибилева, Л. Н. Просодические средства прагматического воздействия в речи бизнесменов (на материале американского варианта английского языка) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сибилева Людмила Николаевна. – Москва, 2009. – 254 с. – Текст : непосредственный.

113. Синёв, А. Д. Просодия как суперсегментное фонологическое явление в контексте современных лингвистических исследований / А. Д. Синёв. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 17. – С. 104–113.

114. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Волгогр. гос. пед. ун-т, 2004. – 339 с. – Текст : непосредственный.

115. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 1999. – 174 с. – Текст : непосредственный.

116. Соколова, М. А. Теоретическая фонетика английского языка / М. А. Соколова. – Москва : ВЛАДОС, 2006. – С. 136-192. – Текст : непосредственный.
117. Столнейкер, Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 419–438.
118. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 131–150.
119. Тарасенко, Е. В. Каузальность синтаксических концептов и речевых актов / Е. В. Тарасенко. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11, № 3. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK320.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).
120. Толковый словарь Ожегова. – Текст : электронный. – URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 22.03.2022).
121. Торсуева, И. Г. Интонация / И. Г. Торсуева. – Киев : Вища школа, 1978. – 240 с. – Текст : непосредственный.
122. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 352 с. – Текст : непосредственный.
123. Трусова, Т. С. О разграничении понятий «просодия» и «интонация» в современной лингвистике / Т. С. Трусова. – Текст : непосредственный // EUROPEAN RESEARCH: сборник статей XXVI международной научно-практической конференции (Пенза, 07 апреля 2020 г.). – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 86–88.
124. Уткина, И. В. Оптимизация форм речевого общения военнослужащих в учебно-профессиональной сфере : специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Уткина Ирина Владимировна. – Тверь, 2006. – 147 с. – Текст : непосредственный.

125. Филатова, Е. В. Сопоставительный объём синтагм в русской, украинской и английской речи / Е. В. Филатова. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. – Донецк, 2016. – С. 100–103.
126. Фомиченко, Л. Г. Когнитивные основы просодической интерференции : монография / Л. Г. Фомичено. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2005. – 300 с. – Текст : непосредственный.
127. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 363–373.
128. Фурс, Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты : монография / Л. А. Фурс. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – 166 с. – Текст : непосредственный.
129. Цеплитис, Л. К. Анализ речевой интонации / Л. К. Цеплитис. – Рига : Зинатне, 1974. – 272 с. – Текст : непосредственный.
130. Цурикова, Л. В. Коммуникативное взаимодействие в когнитивной перспективе / Л. В. Цурикова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – Тамбов. 2008. – С. 422–430.
131. Черемисина, Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Н. В. Черемисина. – Москва : Русский язык, 1982. – 207 с. – Текст : непосредственный.
132. Черная, А. В. Просодические характеристики речевых актов группы «ветотивы» : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Черная Анна Витальевна. – Тамбов, 2002. – 191 с. – Текст : непосредственный.
133. Чернышова, Т. В. Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике / Т. В. Чернышова. – Текст : непосредственный // Acta Linguistica Petropolitana.

Труды института лингвистических исследований. – 2019. – Т. 1, № 15. – С. 217–238.

134. Чистякова, В. В. Оптимизация обучения иноязычному монологическому высказыванию в языковом вузе (английский язык как второй иностранный) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Чистякова Вера Васильевна. – Санкт-Петербург, 2012. – 244 с. – Текст : непосредственный.

135. Шевченко, Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении / Т. И. Шевченко. – 2-е издание, дополненное. – Москва : ЛЕНАНД, 2016. – 240 с. – Текст : непосредственный.

136. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Штерн Алла Соломоновна. – Ленинград, 1990. – 33 с. – Текст : непосредственный.

137. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с. – Текст : непосредственный.

138. Якубинский, Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – Москва : Наука, 1976. – 207 с. – Текст : непосредственный.

139. Янко, Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 312 с. – Текст : непосредственный.

140. Янко, Т. Е. Просодия как «средство доступа» к дискурсивным концептам / Т. Е. Янко. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – Тамбов. 2008. – С. 443–451.

141. Allen, J. F. Analyzing intention in utterances / J. F. Allen, R. Perrault. – Текст : непосредственный // Artificial intelligence. – 1980. – Vol. 15, № 3. – P. 143–177.

142. Austin, J. L. How to do things with words / J. L. Austin. – New York : Oxford University Press, 1973. – Текст : непосредственный.
143. Ballmer, Th. Speech act classification: a study in the lexical analysis of English speech activity verbs / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin : Springer-Verlag, 1981. – 274 p. – Текст : непосредственный.
144. Brandt, M. Zur Handlungsstruktur des Textes / M. Brandt, I. Rosengren. – Текст : непосредственный // Sprache und Pragmatik: Arbeitsberichte. – Lund, 1991. – Vol. 24. – S. 3–46.
145. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 22.03.2022). – Текст : электронный.
146. Clark, H. H. Hearers and speech acts / H. H. Clark, T. B. Carlson. – Текст : непосредственный // Language. – 1982. – Vol.58, № 2. – P. 332–371.
147. Crystal, D. Prosodic systems and intonation in English / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 382 p. – Текст : непосредственный.
148. Duden : Wörterbuch. – URL: <https://www.duden.de> (дата обращения: 28.03.2022). – Текст : электронный.
149. Essen, O. von. Hochdeutsche Satzmelodie / O. von Essen. – Текст : непосредственный // Ztf. für Phonetik. – 1956. – Bd. 9. Hft. 1. – S. 75–85.
150. Fox, A. Prosodic Features and Prosodic Structure: The Phonology of Suprasegmentals / A. Fox. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 1-2. – Текст : непосредственный.
151. Gajducik, S. M. Theoretische Phonetik des Deutschen / S. M. Gajducik. – Minsk : Vyschejschaja Schkola, 1981. – 153 S. – Текст : непосредственный.
152. Gordon, D. Conversational postulates / D. Gordon, G. Lakoff. – New York ; San Francisco ; London : Academic Press, 1975. – P. 83–106. – Текст : непосредственный.
153. Grice, H. P. Logic and conversation. Syntax and Semantics / H. P. Grice. – New York ; San Francisco ; London : Academic Press, 1975. – P. 41–58. – Текст : непосредственный.

154. Hellbernd, N. Prosody conveys speaker's intentions: Acoustic cues for speech act perception / N. Hellbernd, D. Sammler. – Текст : непосредственный // Journal of Memory and Language. – 2016. – № 88. – P. 82.
155. Hensel, C. Text, textueller Strukturbaum und virtuelle Textstruktur / C. Hensel, U. Sayatz. – Текст : непосредственный // Sprache und Pragmatik: Arbeitsberichte. – Lund, 1991. – № 24. – S. 77–87.
156. Hockett, Ch. A manual of phonology / Ch. Hockett. – Baltimore : Waverly press, 1955. – 260 p. – Текст : непосредственный.
157. Knobloch, C. Sprache und Sprechfähigkeit: Sprachpsychologische Konzepte / C. Knobloch. – Tübingen : Niemeyer, 1994. – 230 S. – Текст : непосредственный.
158. Kohler, K. Einführung in die Phonetik des Deutschen / K. Kohler. – Berlin : Erich Schmidt, 1995. – 249 p. – Текст : непосредственный.
159. Motsch, W. Illokutionstypen und sprachliche Äußerungen / W. Motsch. – Текст : непосредственный // Sprache und Pragmatik. Arbeitsberichte. – 1994. – № 34. – S. 4–17.
160. Motsch, W. Illokutive Handlungen / W. Motsch, R. Pasch. – Текст : непосредственный // Motsch, W. Satz, Text, Sprachliche Handlung. – Berlin, 1987. – S. 11–79.
161. Nakatani, L. H. Hearing «words» without words: Prosodic clues for word perception / L. H. Nakatani, J. A. Schaffer. – Текст : непосредственный // Journal of Acoustical Society of America. – 1978. – Vol. 63, № 1. – P. 234–244.
162. Neisser, U. Multiple systems: A new approach to cognitive theory / U. Neisser. – Текст : непосредственный // The European Journal of Cognitive Psychology. – 1994. – Vol. 63. – P. 225–241.
163. Oxford Learner's Dictionaries. – URL: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com> (дата обращения: 22.03.2022). – Текст : электронный.
164. Potarova, R. Acoustic Correlates of the Native Language Speaker Identity / R. Potarova, V. Potarov, I. Kuryanova. – Текст : непосредственный // Moscow University Philology Bulletin. – 2022. – № 4. – P. 39–49.

165. Pylyshyn, Z. W. Computational processes in human vision: an interdisciplinary perspective / Z. W. Pylyshyn. – Norwood, 1988. – Текст : непосредственный.

166. Raith, J. Prosodie: English als Fremdsprache, Deutsch als Basissprache / J. Raith. – Текст : непосредственный // Die Neueren Sprache. – 1986. – Bd. 85, № 5/6. – S. 478–496.

167. Sadock, J. M. Toward a Linguistic Theory of Speech Acts / J. M. Sadock. – New York : Academic Press, 1974. – Текст : непосредственный.

168. Searle, J. Intentionality / J. Searle. – Cambridge, 1983. – Текст : непосредственный.

169. Searle, J. R. A classification of illocutionary acts / J. R. Searle. – Cambridge University Press. – 1976. – № 5. – P. 1–23. – Текст : непосредственный.

170. Searle, J. R. Indirect speech acts. Syntax and Semantics / J. R. Searle. – New York ; San Francisco ; London : Academic Press, 1975. – P. 59–82. – Текст : непосредственный.

171. Vanderveken, D. Meaning and speech acts / D. Vanderveken. – Текст : непосредственный // Principles of language use. – Vol. 1. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 244 p.

172. Wunderlich, D. Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. – Frankfurt : Suhrkamp, 1976. – 93 S. – Текст : непосредственный.